

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

5/20 5055, 17

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Сбор. 3633.14

1892

2

SIBIRSKII
"SBORNIK"

СИБИРСКИЙ СБОРНИКЪ

подъ редакцію А. Н. Ушакова.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „ВОСТОЧНОМУ ОБОЗРѢНІЮ“

1892 Г.

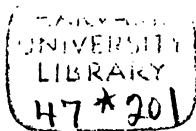
ВЫПУСКЪ II

ИРКУТСКЪ.

Типографія К. І. Витковской, Харламп. ул. д. № 1.

1893.

Δ
Slav 3633.14 $\left(\frac{1895}{2}\right)$
✓

Доволено цензурою: Иркутскъ, Апрѣля 18-го дня 1893 года.

EX LIBRIS
MICHAEL Z. VINOKOUROFF

МѢСТНЫЕ МУЗЕИ

ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

(Публичная лекція, читанная въ Кяхтѣ 8-го Октября 1892 года).

М. Г. и М. Г.

Въ послѣднее время вопросъ о мѣстныхъ музеяхъ все болѣе и болѣе начинаетъ интересоваться собою общество. О немъ пишутъ въ общераспространенныхъ газетахъ, ему посвящаютъ свое время ученые. Петербургское общество естествоиспытателей задалось мыслью составить программу для мѣстныхъ земскихъ музеевъ. Ежегодно слышимъ мы объ открытіи новыхъ музеевъ, постоянно приходится читать письма, иногда изъ дальнихъ захолустьевъ, съ вопросами, какимъ порядкомъ открываются мѣстные музеи, какія на это нужны денежные средства, будетъ-ли полезно открытіе музея въ извѣстной мѣстности? Не мевѣе горячее участіе принимаетъ въ судьбѣ мѣстныхъ музеевъ и правительство. Извѣстно, что многіе основатели и руководители мѣстныхъ музеевъ получали награды и поощренія отъ правительства за свою дѣятельность. Въ недавнее время газеты извѣстили, что вопросъ о мѣстныхъ музеяхъ рѣшено разсмотрѣть законодательнымъ порядкомъ. Если вѣрнѣе газетный слухъ—предположено дать земскимъ музеямъ нормальный уставъ, обезпечить ихъ субсидіей до 2000 р. въ годъ.

Чѣмъ объяснить такой всеобщій интересъ къ этимъ учреждениямъ, сравнительно весьма недавно возникшимъ на русской почвѣ? Мога-ли это, внезапно возникшее увлеченіе? Можетъ

быть новость самих учреждений вызываетъ и питаетъ преувеличенныя надежды, возлагаемыя на нихъ? Можетъ быть черезъ два, три десятилѣтія надежды эти будутъ сданы въ архивъ? Одинъ изъ вѣрнѣйшихъ методовъ опредѣлить жизнеспособность какого-нибудь явленія—разсмотрѣть его происхожденіе и исторію. Моментальныя увлеченія и возникаютъ моментально. Удовлетворивъ потребностямъ минуты, занявъ собою на короткое время общество, они исчезаютъ, замѣняются другими эфемерными вопросами, неимѣющими преемственной связи съ первыми. Про такія явленія мы можемъ сказать, что и они приносятъ свою долю пользы, но что на развитіе ихъ въ будущемъ мало надежды и на нихъ нельзя строить какихъ-либо обширныхъ плановъ. Другое дѣло, когда мы видимъ, что какое-нибудь явленіе или зачатки его ведутъ начало съ давнихъ временъ жизни общества, что оно растетъ вмѣстѣ съ обществомъ, приспосабливается къ различнымъ требованіямъ жизни, обнаруживаетъ способность отвѣчать на разные вновь возникающіе вопросы. Про такое явленіе мы можемъ сказать, что будущность его обезпечена.

Попробуемъ приложить этотъ способъ оцѣнки явленій къ предмету нашей бесѣды. Вопросъ можно-бы рѣшить въ двухъ словахъ, опредѣливъ, что такое музей? Музей есть систематическое собраніе произведеній природы или какихъ-либо видовъ человѣческаго труда съ цѣлью нагляднаго и опытнаго изученія собранныхъ предметовъ. Это опредѣленіе нѣсколько обширно, подъ него подойдутъ и ботаническіе сады, и опытные фермы и т. д.; но въ широкомъ смыслѣ это все музеи, только не съ мертвыми, а съ живыми предметами. Стало быть, музеи представляютъ собою орудія опытныхъ наукъ. Никто не сомнѣвается въ томъ, что передъ опытной наукой лежитъ громадное будущее и, стало быть, то-же будущее предстоитъ и музеямъ; но такой способъ заключенія, не смотря на свою видимую простоту, недостаточно убѣдителенъ. Наука можетъ пользоваться извѣстнымъ орудіемъ, а потомъ замѣнить его другимъ и, какъ мы увидимъ, музеи нужны не для

однихъ научныхъ изысканій, а и для практической жизни. Какъ ни трудно это для меня, при моихъ недостаточныхъ свѣдѣнїяхъ, но все-таки намъ необходимо будетъ, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, коснуться исторїи музеевъ.

Съ давнихъ временъ люди стали собирать различные предметы, такъ или иначе казавшіеся имъ замѣчательными,—одни поражали наблюдателя странной формой, необыкновеннымъ видомъ, отъ другихъ онъ ожидалъ получить пользу. Любознательность въ человѣчествѣ проснулась еще въ незапамятныя времена. Изъ наиболѣе даровитыхъ, воспрїимчивыхъ и наблюдательныхъ лицъ и вышли первобытные лекаря, знахари, баклинатели. Это были первые собиратели замѣчательныхъ предметовъ. И теперь у каждаго деревенскаго знахаря, вродѣ самарскаго Кузьмича, найдете вы своеобразную аптечку изъ сушеныхъ травъ, корешковъ и т. д. Въ давнія времена еще люди этой категорїи обладали многими практическими знанїями свойствъ различныхъ растений, продуктовъ животнаго царства, минераловъ. У Гомера уже мы видимъ упоминанїя о врачахъ, лечившихъ не заклинанїями, а лекарствами. Въ древней Индіи и Египтѣ при храмахъ было уже нѣчто вродѣ складовъ лекарствъ. Въ Греціи врачи обучались своему дѣлу при храмахъ Эскулапа. Были тамъ уже и аптекаря и дрогисты. Это не были, конечно, музеи въ современномъ смѣслѣ слова. Если не въ Греціи, то въ Индіи и Египтѣ знанїе, наука были привилегїей замкнутаго круга лицъ. Только жрецы занимались тамъ наукой. Она считалась тамъ достоянїемъ немногихъ, высшихъ кастъ. Распространять науку въ массѣ общества, какъ стараются это дѣлать въ наше время, въ древней Индіи и Египтѣ считалось грѣхомъ. Это значило-бы профанировать науку по ихъ мнѣнїю, низвести священное искусство на степень вульгарнаго занятїя. И понятно почему: въ ту пору вслѣй народъ, особенно достигшїй нѣкотораго развитїя, смотрѣлъ на себя какъ на народъ привилегированный; сосѣди его, другїе народы—существа низшія, достойныя только быть рабами высокодаровитой рассы.

Для инородцевъ уже и то большое снисхожденіе, что имъ позволяютъ жить. Въ предѣлахъ даннаго народа правоспособными считались только высшія касты. Не говоря уже о наукѣ, относительно которой и до сихъ поръ кое-гдѣ, среди бездарныхъ тупицъ и ученыхъ ремесленниковъ, сохранились кастовые взгляды; сама религія у нѣкоторыхъ древнихъ народовъ считалась достояніемъ привилегированныхъ кастъ. Низшій членъ общества не смѣлъ молиться, даже не долженъ былъ знать, какимъ богамъ молятся его господа? У индусовъ только брамины и воины могли читать священныя книги ведъ. Еслибъ членъ низшей касты какъ-нибудь подслушалъ, что читаютъ высшіе — онъ поплатился-бы жизнью. По закону ему за эту дерзость заливали уши растопленнымъ металломъ. Общественные музеи стало-быть и немислимы были въ ту пору; но все-таки склады медикаментовъ, разныхъ предметовъ природы уже въ древнія времена были необходимы для изученія нѣкоторыхъ наукъ.

Въ Греціи у нѣкоторыхъ лицъ были уже громадныя коллекціи естественно-историческихъ предметовъ. Вспомнимъ Аристотеля, которому его ученикъ Александръ Великій присылалъ изъ своихъ дальнихъ походовъ различныя рѣдкости, вспомнимъ знаменитаго греческаго врача Гиппократа и ботаника Теофраста. Изъ дошедшихъ до насъ сочиненій ихъ видно, что эти натуралисты обладали обширными свѣдѣніями естественно-историческихъ предметовъ, изучали и сравнивали ихъ между собою, а это уже предполагаетъ наличность систематическихъ коллекцій. Извѣстно, что римскій натуралистъ Плиній обладалъ обширными естественно-историческими коллекціями; но и здѣсь это было достояніемъ частнаго лица, богатаго патриція-любителя, который не жалѣлъ средствъ на покушку вещей, его интересовавшихъ; все это еще не было музеемъ въ строгомъ смыслѣ слова. Самый терминъ—музей имѣлъ тогда нѣсколько иное значеніе. Музей Александрійскій, возникшій при царяхъ Птоломеяхъ, былъ жилищемъ музъ, богинь-покровительницъ наукъ и искусствъ. Это было скорѣе учено-литературное общество, нежели музей въ нашемъ смыслѣ слова.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ наука замыкается въ монастыряхъ, наука становится исключительно книжной, наблюдение и изучение природы отодвигается на второй планъ. Два народа въ эту эпоху продолжаютъ изучение природы—арабы и евреи. Первые перевели на свой языкъ большую часть сочиненій древнихъ классиковъ, занимались астрономіей, медициной, химіей и ботаникой. Ихъ путешественники и географы сохранили намъ свѣдѣнія объ отдаленнѣйшихъ уголкахъ міра, начиная отъ экваторіальной Африки и оканчивая нынѣшней Россіей и средней Азіей. Сады лекарственныхъ растений заводились у нихъ; извѣстно, что они были большіе любители рѣдкихъ животныхъ и птицъ. Разсѣянные по всему свѣту евреи были въ средніе вѣка врачами, химиками и дрогистами. Нерѣдко у католическаго аббата былъ врачомъ невѣрный жидъ. Если въ эту пору мы еще не встрѣчаемъ музеевъ, то опять таки это весьма понятно,—роль музеевъ служебная. Пренебреженіе къ изученію природы, забвеніе преданій натуралистовъ древности было тому причиною; но уже въ концѣ среднихъ вѣковъ, въ такъ называемую эпоху возрожденія наукъ и искусствъ обстоятельства измѣняются. Италія начинаетъ особенно усердно изучать древнихъ, проникается ихъ духомъ и съ особенною заботливостью начинаетъ собирать памятники древняго творчества. Въ Римѣ, во дворцѣ папъ, въ главныхъ городахъ Италіи собираются памятники древняго искусства, великіе художники и поэты того времени, такъ, напримѣръ, Леонардо-да-Винчи и Данте были и великими натуралистами своего времени.

Вообще-же можно сказать, что начало и развитіе музеевъ въ Европѣ совпадаетъ съ эпохой великихъ открытій въ географической наукѣ и въ изученіи природы. Эпоха это XVI, XVII и XVIII вѣка. Моряки увидѣли за океанами новое небо и новую землю. Натуралисты и философы открываютъ новые горизонты въ наукѣ, и на старое, извѣстное, всѣмъ видимое небо образованные люди начинаютъ смотрѣть уже другими глазами. Въ эту пору основываются академіи наукъ и уче-

ныя общества въ Европѣ. Въ университеты, схоластическіе средневѣковые университеты, начинается проникать естествознание, сначала какъ пособіе при изученіи медицины, а потомъ и какъ самостоятельный отдѣлъ философіи.

У насъ въ Россіи до Петра Великаго трудно искать какихъ-нибудь зачатковъ изученія природы. Ученый человѣкъ того времени долженъ былъ знать св. писаніе, изъ свѣтскихъ знаній допускалось изученіе исторіи, преимущественно византійской, такъ какъ Византія была не только религіознымъ, но и политическимъ авторитетомъ для древней Россіи. Изученіе природы въ глазахъ массы было дѣломъ предосудительнымъ, оно смѣшивалось съ колдовствомъ и чернокнижіемъ. Врачи при дворахъ царей были изъ иностранцевъ. Насколько чужды были мы въ ту пору современныхъ, волновавшихъ Европу вопросовъ, видно уже изъ того, что одинъ изъ грамотеевъ послѣ смутнаго времени, осуждая Марину Мнишекъ говорилъ, что она была «іезовитка (іезунтка), люторка, кальвинка». Хорошо, значитъ, понимали въ ту пору значеніе религіозныхъ и политическихъ партій, изъ-за которыхъ лилась кровь въ Европѣ. Послѣ паденія названнаго царя Дмитрія и послѣ окончанія смутнаго времени, многіе удивлялись легковѣрію современниковъ и затруднялись понять, какимъ образомъ невѣдомаго авантюриста могли признать сыномъ Грознаго, когда извѣстно было, что подлинный Дмитрій умеръ? Недолго задумываясь, наши книжники отвѣчали: «сталось такъ» потому что «онъ Гришка острономію умѣлъ». Одинъ изъ моралистовъ старой Руси въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ мудраго человѣка—«эллинскихъ борзостей не текохъ, съ мудрыми не быхъ и Аристотеля не читахъ». При такихъ воззрѣніяхъ, конечно, и разговора не могло быть объ изученіи природы. Рѣдкіе отдѣльные примѣры, указы царей о собираніи лекарственныхъ травъ, носятъ слишкомъ узкій, утилитарный характеръ, чтобы можно было имъ придавать какое-нибудь общее значеніе.

Петръ, которому до всего было дѣло и на все хватало

времени, понималъ, что для познанія нашего отечества и правильного пользованія дарами природы необходимо имѣть собранія предметовъ природы. Отсюда его указы по областямъ и провинціямъ о собираніи «раритетовъ», объ основаніи кунсткамеры, основаніе Академіи Наукъ и первыя ученыя экспедиціи въ Сибирь. Заботясь объ изученіи Россіи, императоръ самъ былъ лучшимъ знатокомъ своего обширнаго государства. Чего только не зналъ о Россіи Петръ? Есть его указы, гдѣ онъ требуетъ отъ сибирскихъ воеводъ высылки къ нему на показъ инородцевъ—остяковъ самоецкихъ и тѣхъ, у которыхъ «шитыя рожи». Требовалъ онъ къ себѣ и шамановъ, которые, въ бубны колотя, бѣснуются и въ огонь мечутся и въ бѣснованіи томъ вопрошаютъ гуся мѣднаго, а гусь имъ отвѣдъ даетъ и иныя мечты творять. Много-ли было людей на свѣтѣ въ XVII столѣтіи, которые обладали-бы такими свѣдѣніями о сѣверовостокѣ Азіи, какія мимоходомъ въ этомъ указѣ обнаруживаетъ Петръ?

Съ легкой руки Петра дѣло изученія природы быстро привилось на Руси: безсмертныя экспедиціи прошлаго столѣтія въ южную Сибирь и на крайній сѣверо-востокъ обогатили науку громадными открытіями, а музей академіи рѣдкими коллекціями. Въ срединѣ XVIII вѣка мы уже встрѣчаемъ частныхъ лицъ, жертвующихъ громадныя суммы на пріобрѣтеніе замѣчательныхъ предметовъ, на собираніе рѣдкихъ памятниковъ и изданіе ихъ. Кто не знаетъ изъ насъ имени графа Румянцева, создателя громадной бібліотеки и музея, носящаго его имя. Кому изъ насъ неизвѣстна дѣятельность графа Шувалова? Послѣ основанія университетовъ при каждомъ изъ нихъ возникаютъ, какъ пособія при преподаваніи, кабинеты и музеи. Въ первой половинѣ текущаго столѣтія здѣсь принадлежитъ выдающаяся роль старѣйшему университету московскому и старѣйшему русскому ученому обществу натуралистовъ—Московскому Обществу Испытателей Природы; но въ послѣднее время, помимо него, помимо университетовъ, академій и высшихъ учебныхъ заведеній возника-

ють цѣлые ряды музеевъ и отдѣльныхъ ученыхъ обществъ. Изученіе Россіи, сдѣлавшее такіе громадныя шаги за послѣдніе тридцать лѣтъ, вызвало и основаніе цѣлаго ряда обширныхъ спеціальныхъ музеевъ: мы имѣемъ теперь музеи археологическіе, этнографическіе, музеи прикладныхъ знаній, спеціальныя: сельско-хозяйственныя, педагогическія, не говоря уже о музеяхъ естественно-историческихъ; но развитіе этихъ учреждений у насъ ничтожно по сравненію съ тѣмъ, что мы видимъ въ этомъ отношеніи за-границей.

Кромѣ громадныхъ, такъ сказать міровыхъ музеевъ, которые имѣются въ Лондонѣ, Парижѣ, Вашингтонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, возникаютъ громадныя учрежденія этого рода по частной подпискѣ, напримѣръ, международный этнографическій музей въ Лейпцигѣ. Эти музеи, гдѣ директорами и консерваторами служатъ ученые авторитеты, представляютъ замѣчательныя хранилища сокровищъ науки. Работая тамъ, ученый можетъ освѣтить темный вопросъ науки, создать новую теорію, не выходя изъ стѣнъ музея, описать флору или фауну отдаленнаго уголка міра; но современныя требованія науки не удовлетворяются и этимъ. Я приведу примѣры изъ болѣе извѣстной мнѣ области, доисторической археологій. Громадныя коллекціи по этой отрасли, хранящіяся, напримѣръ, въ британскомъ музеѣ, но рядомъ съ нимъ возникаетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ музеевъ, посвященныхъ спеціально этой молодой отрасли наукъ. Чтобы показать, насколько интересуются этой отраслью, достаточно припомнить, что кремневые ножички, осколки, топорики, костяныя шилья и стрѣлочки въ обширныхъ размѣрахъ поддѣлываются. Это ясно указываетъ, что на вещи эти имѣется большой спросъ, что они представляютъ значительную рыночную цѣнность, такъ какъ поддѣлка каменныхъ орудій требуетъ значительной затраты труда и умѣнья. Торговля естественно-историческими предметами и коллекціями имѣетъ обороты въ сотни тысячъ. Естественно-историческіе предметы имѣютъ свою опредѣленную цѣну, которая колеблется, какъ цѣнность бумагъ на биржѣ. Жуки

и бабочки изъ Забайкалья, растенія и окаменѣлости изъ Сибири котируются на этой биржѣ. Натуралисты не хуже спекулянтовъ биржи слѣдятъ за повышеиіемъ и паденіемъ цѣнъ на бабочекъ, мухъ, клоповъ, жуковъ и т. д. Одинъ нѣмецкій натуралистъ нашелъ у насъ въ Астрахани гусеницу какой-то очень рѣдкой бабочки. Онъ набралъ ихъ нѣсколько сотенъ, снялъ квартиру для вывода бабочекъ и засыпалъ энтомологическій рынокъ рѣдкимъ видомъ. Цѣна на бабочку сразу упала, а фирмы, выписывавшія это насѣкомое изъ другихъ мѣстъ, понесли убытки. Если какіе-нибудь предметы становятся достояніемъ крупной торговли—это ужъ несомнѣнный признакъ, что въ нихъ есть широко развитая потребность.

Я говорилъ до сихъ поръ только о научныхъ музеяхъ, но ими не исчерпывается музейное дѣло за границей. Можно сказать, что нѣтъ какой-либо отрасли человѣческой дѣятельности, сколько-нибудь значительной, которая не имѣла бы своего спеціального музея. Практическое направленіе нашего вѣка не удовлетворяется знаніемъ книжнымъ; книга книгой, но описываемое въ книгѣ нужно видѣть, осязать, изслѣдовать. Жизнь требуетъ отъ дѣловаго человѣка цѣлаго ряда фактическихъ знаній, которыя, безъ помощи музеевъ, можетъ дать только очень обширная и разносторонняя опытность, да и то въ весьма недостаточной степени. Приведемъ примѣры: извѣстно, что, на примѣръ, Франція питается главнымъ образомъ привознымъ хлѣбомъ. Пшеница идетъ туда главнымъ образомъ изъ Россіи и Америки, но также изъ Австріи и въ послѣднее время также изъ Австраліи. Изъ одной Россіи черезъ одесскій портъ идетъ до десяти различныхъ сортовъ пшеницы, хлѣбъ изъ другихъ странъ также представляетъ массу разновидностей; урожаи одного и того же сорта въ разные годы не одинаковы. Какую опытность надобно имѣть, чтобы разобраться во всѣхъ этихъ постоянно измѣняющихся сортахъ? А уметь различать достоинства каждаго, опредѣлить сортъ муки, какой выйдетъ ея цвѣтъ, вкусъ, питательность—очень важно. За границей покупатель

очень требователенъ на счетъ качествъ хлѣба. Стоитъ пекарю закупить партію муки, которая въ печеніи выйдетъ немного потемнѣе той, къ которой привыкли его покупатели, и онъ потеряетъ заказчиковъ и, что всего хуже для репутаціи промышленника, заподозрять поддѣлку. Существованіе музея хлѣбной торговли и лабораторій для испытанія хлѣба чрезвычайно облегчаетъ дѣло: превосходно подобранные образцы не только зерна и муки, но и колосьевъ, отрубей, отсѣвковъ, образцовъ печенаго хлѣба, легкія и практичныя приспособленія для испытанія достоинствъ зерна—все это даетъ возможность избѣжать промаховъ при покупкѣ, а тамъ гдѣ торговое предпріятіе, дающее 7 или 8⁰/₁₀₀, считается чрезвычайно выгоднымъ, каждый промахъ грозитъ убыткомъ. Въ хорошихъ торговыхъ музеяхъ имѣются не только готовые продукты, но и сырые матеріалы, изъ которыхъ товаръ сдѣланъ, а также инструменты для обработки и сверхъ того—поддѣлки, фальсификаціи настоящихъ товаровъ. Легко сообразить, какую пользу можетъ принести для хозяина торговаго дѣла или довѣреннаго собраніе такихъ образцовъ. Свѣдѣнія, которыя онъ могъ-бы получить только путемъ горькаго и долгаго опыта, риска и убытковъ, онъ тутъ можетъ пріобрѣсти безъ особыхъ издержекъ или по крайней мѣрѣ ознакомиться съ дѣломъ на столько, что не будетъ игрушкой въ рукахъ другихъ. Еще большее значеніе имѣютъ промышленно-техническіе и художественно-техническіе музеи. Всѣ удивляются необыкновенно тонкому вкусу и изяществу работъ парижскихъ ремесленниковъ. Приписываютъ это природнымъ способностямъ французовъ; я этого оспаривать не буду, но всего природными способностями одними достигнуть нельзя. Вы, напримѣръ, закажете столяру мебель во вкусъ эпохи возрожденія, другой въ готическомъ—мастеръ, чтобы исполнить заказы, долженъ имѣть хорошіе образцы передъ глазами. Не можетъ-же онъ создать готическаго или итальянскаго стиля изъ своей головы? Необходимо, судя о парижскихъ мастерахъ, имѣть въ виду, что нигдѣ нѣтъ такихъ прекрас-

ныхъ собраній художественно-ремесленныхъ произведеній, какъ тамъ, нигдѣ пользованіе ими не упрощено до такой степени. Есть тамъ кромѣ того учрежденіе—консерваторія искусствъ и ремеслъ. Это громадный ремесленно-техническій музей, открытый и доступный для всякаго. Чтобы пользованіе матеріалами, собранными въ этомъ громадномъ музеѣ, сдѣлать возможно болѣе разумнымъ, систематичнымъ и доступнымъ, тамъ ежегодно читаются цѣлые курсы публичныхъ лекцій, примѣненныхъ къ уровню познаній и потребностямъ рабочихъ. Когда, около двадцати лѣтъ тому назадъ, мнѣ довелось осматривать это превосходное учрежденіе, мнѣ невольно пришло на мысль: Что еслибъ у нашего смековатаго мужика-ремесленника было подъ рукой такое учрежденіе? Какихъ чудесъ ремесленного искусства надѣлалъ-бы онъ. Въдь онъ однимъ топоромъ и долотомъ выдѣлываетъ такія вещи, для которыхъ иностранцу нужны цѣлые наборы инструментовъ. По одной наглядкѣ онъ усваиваетъ себѣ самые сложные техническіе приемы. Я не буду говорить здѣсь о различныхъ тонкихъ работахъ, которыя выдѣлываетъ нашъ кустарь, ни о роскошной мебели въ витринахъ дорогихъ магазиновъ, которая попала туда прямо изъ крестьянской мастерской. Есть факты, болѣе поразительные—оказывается, что кустари-крестьяне у себя выдѣлываютъ физическіе инструменты, термометры и барометры и не плохіе, такъ какъ у нихъ массами забираются такіе издѣлія оптическими инструментальными магазинами. Признаюсь, меня сильно поразилъ этотъ фактъ, когда я впервые узналъ о немъ изъ изслѣдованій русской кустарной промышленности. Работы по дереву,ковка желѣза и т. д.—это все такія занятія, къ которымъ нашъ мужикъ подготовленъ уже своей обыденной жизнью, у насъ каждый почти крестьянинъ—плотникъ, работа съ долотомъ, стамеской или кузнечнымъ молотомъ и напильникомъ для него не невидаль какая-нибудь; но вотъ мы видимъ, что тотъ-же пахарь разумно и ловко работаетъ съ хрупкимъ стекломъ, продѣлываетъ всѣ манипуляціи съ нимъ,

готовить инструменты для измѣренія тепла и давленія воздуха. Въ послѣднее время обращено, впрочемъ, вниманіе на крестьянскія ремесла, но весьма характерна для нашей цѣли, отправная точка этихъ попытокъ развить, улучшить и направить дѣло—всѣ, заинтересованные этимъ вопросомъ, хлопочутъ объ основаніи и развитіи промышленныхъ музеевъ, гдѣ собраны были-бы образцы крестьянскихъ производствъ, начиная отъ сырыхъ продуктовъ, инструментовъ и оканчивая готовыми издѣліями, затѣмъ хорошіе образчики подобныхъ работъ и серіи подходящихъ инструментовъ, рисунковъ и моделей. Есть у насъ уже нѣсколько такихъ музеевъ, но ихъ желаютъ, находятъ нужнымъ устраивать во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ развиты кустарныя производства. И такъ, если мы только пожелаемъ отдать себѣ отчетъ въ какихъ-нибудь явленіяхъ нашей жизни, найдемъ нужнымъ приложить силы для улучшенія и развитія его, намъ тотчасъ-же является необходимость представить себѣ нашу задачу наглядно при помощи спеціальнаго музея. Съ тѣхъ поръ какъ лучшіе учителя у насъ и за границей задумались надъ улучшеніемъ воспитанія дѣтей, надъ тѣмъ, чтобы облегчить ребенку первые шаги на пути пріобрѣтенія знаній—начинаютъ возникать педагогическіе музеи и музеи учебныхъ пособій. Посмотрите—у нашихъ дѣтей уже и игрушки совсѣмъ не тѣ, которыми играли мы. Какой нибудь конь на колесахъ для мальчика, кукла одѣтая въ невозможный костюмъ; въ богатой семьѣ—все это куплено за дорогую цѣну, конь обитъ шкурой, кукла съ восковой головкой и парикомъ; у менѣе зажиточныхъ—тѣ-же предметы, но попроще—вотъ игрушки нашего дѣтства. Дѣвочки еще играли своими куклами со смысломъ—шили имъ платья, шляпки, башмачки, а мы только неистово ломали, къ ужасу родителей, наши игрушки—кони на другой день валялись безъ ногъ, а доска, на которой стоялъ этотъ звѣрь на колесахъ, превращалась въ тележку, въ которую запрягался дворовый щенокъ. Надоѣдали игрушки потому, что смысла въ нихъ не было. Теперь куп-

ленные игрушки, кубики, принадлежности для клейки, дѣти болѣе берегутъ, потому что игрушки стали гораздо занимательнѣе, а всему этому обязаны мы изученію этого дѣла педагогами, педагогическимъ музеямъ и ихъ вліянію на самый характеръ промышленности производства игрушекъ.

Недостатокъ времени не даетъ мнѣ возможности остановиться на одномъ очень яркомъ сибирскомъ явленіи, которое служить нагляднымъ примѣромъ того, какъ худо вести дѣло, не имѣя подъ руками соответствующаго музея. Пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ существуетъ въ Сибири золотопромышленность, и какъ въ началѣ, такъ и теперь ведется она на угадъ, по преданіямъ, примѣтамъ, чуть-ли не по шаманскимъ наговорамъ. До сихъ поръ въ поискахъ золота, въ разработкѣ его и техники господствуетъ «хаоса бытность довременна». Одни знать не хотятъ никакихъ новшествъ и утверждаютъ, что лучше стараго ничего не придумать, другіе пускаютъ въ ходъ собственные изобрѣтенія или набрасываются на американскіе способы, устраиваютъ гидравлическія машины въ сухихъ логахъ. Примѣры рациональной техники, которые встрѣчаются кое-гдѣ, остаются безъ подражанія. Енисейскій золотопромышленникъ ничего не знаетъ о россыпяхъ забайкальскихъ, олекминскихъ и енисейскихъ. Ни собранія породъ, ни плановъ выработокъ, словомъ никакихъ пособій для сравнительнаго изученія нѣтъ. Любой шурфовщикъ считаетъ себя авторитетомъ въ дѣлѣ поисковъ золота. И выходитъ, благодаря этому, что поиски считаются и теперь такимъ-же рискованнымъ дѣломъ, какъ и пятьдесятъ, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Многое можно бы сказать на тему о золотопромышленномъ музеѣ; но я могу здѣсь только сдѣлать намекъ на этотъ вопросъ.

Мнѣ предстоитъ теперь перейти къ моей главной задачѣ—мѣстнымъ музеямъ. Казалось-бы, что развитіе музеевъ общенаучныхъ, специальныхъ и прикладныхъ въ состояніи удовлетворить насущнымъ надобностямъ науки и жизни, но она требуетъ большаго. Ученые устраиваютъ періодическіе съѣз-

ды собственно для того, чтобы мѣняться мыслями о насущныхъ задачахъ науки, о вопросахъ, которые стоятъ на очереди, о своихъ работахъ. Съѣзды эти съ одной стороны принимали чуть-ли не всесвѣтный характеръ, съ другой сильно специализировались. Наука такъ обширна, въ предѣлахъ каждой изъ нихъ такая масса вопросовъ, что каждая изъ нихъ нуждается въ особыхъ съѣздахъ. И вотъ собираются всемирные съѣзды географическіе, антропологическіе, зоологическіе и т. д. Не прихотью вызвана эта специализация, а необходимостью: научная работа въ каждой отрасли знанія настолько растетъ, вопросы настолько разнообразятся, что нужны особые совѣщанія, чтобы ориентироваться среди нихъ. И этихъ съѣздовъ, однако, недостаточно: современные научные вопросы требуютъ для своего рѣшенія массы наблюдений, громадныхъ матеріаловъ, чувствуется потребность привлечь къ собранію этихъ матеріаловъ не однихъ специалистовъ, такъ какъ ихъ не хватить, а и вообще образованныхъ, любознательныхъ людей. Успѣхъ нѣкоторыхъ наукъ прямо зависитъ отъ количества наблюдений. Всего яснѣе это видно по наукѣ о погодѣ, метеорологіи, имѣющей такое важное значеніе для жизни человѣка и земледѣлія. Безъ преувеличенія можно сказать, что цѣнность и прочность ея выводовъ о климатѣ страны прямо возрастаетъ съ каждой новой станціей, съ каждымъ новымъ наблюденіемъ градусника. Только грубый, самодовольный и узкій педантизмъ можетъ говорить — устройте хорошенько съѣзды ученыхъ, и все пойдетъ какъ слѣдуетъ, больше ничего и не нужно. Для людей болѣе широкаго пониманія этого недостаточно: въ сколько-нибудь обширной странѣ нужно имѣть агентовъ, работниковъ въ разныхъ захолустьяхъ, въ дальнихъ уголкахъ, нужны мѣстные собиратели матеріаловъ. Гдѣ они есть, ихъ нужно привлечь къ дѣлу, гдѣ нѣтъ, нужно приготовить ихъ. Изученіе страны посредствомъ поѣздокъ и экспедицій ученыхъ, становится недостаточнымъ, — не кратковременныя наблюденія проѣздомъ и мимоходомъ, а изслѣдованія на мѣстѣ, станціонарныя,

все болѣе и болѣе выдвигаются на первый планъ. Всѣ эти современныя требованія науки уже невольно наводятъ на мысль объ основаніи провинціальныхъ обществъ любителей наукъ, а гдѣ для этого нѣтъ достаточныхъ силъ и средствъ, то хотя-бы мѣстныхъ складовъ научныхъ предметовъ.

Помимо этихъ общихъ условій развитія науки, вопросъ о мѣстныхъ музеяхъ выдвигается на первый планъ и самой мѣстной, провинціальною жизнью и ея запросами. Въ столицахъ кипитъ жизнь научная и практическая. Живете-ли вы тамъ постоянно или-же только пріѣхали туда для отдыха или по дѣлу—вы окружены массой самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. Интересуетесь вы какимъ-нибудь научнымъ вопросомъ или техническимъ—музеи, библіотеки, публичныя лекціи, совѣщанія со спеціалистами, бюро для справокъ—къ вашимъ услугамъ. Отдыхъ и развлеченія ваши вы можете разнообразить въ очень значительной степени. Наконецъ, вы не расположены ни слушать оперу, ни смотрѣть новую пьесу, гулянья, другія увеселенія также не манятъ васъ, вамъ просто хотѣлось-бы новыхъ лицъ, новаго общества, такъ какъ старое уже примелькалось. И это вы можете устроить себѣ въ большомъ городѣ. Наконецъ, просто на улицѣ, изъ ежедневной городской хроники, изъ простыхъ, на лету слышанныхъ разговоровъ схватите вы цѣлый рядъ впечатлѣній, которыя хотя временно займутъ васъ. Не то у насъ въ провинціи. Жизнь ваша очень однообразна, однѣ и тѣже впечатлѣнія повторяются изъ года въ годъ, изо дня въ день. Въ столицѣ занимательно быть просто зрителемъ чужой работы, потому что работа широкая, захватывающая интересы крупные, важные. Намъ смотрѣть не на что да и не возможно,—если мы будемъ смотрѣть на работу другихъ, то и работать будетъ некому. Развлеченія наши крайне однообразны: отправляясь, напримѣръ, на охоту или любительскій спектакль, мы уже впередъ знаемъ что будетъ. Знаемъ, что такой-то будетъ горячиться на охотѣ, надѣлаетъ кучу промаховъ, другой только ради вида взялъ съ собой ружье и

цѣлый день просидить на таборѣ. Только съ дѣтства всосанная нами инстинктивная любовь къ жизни среди природы да охотничья страсть, при которой каждый выстрѣлъ по рябчику представляетъ свой особый, новый интересъ и поддерживаютъ это развлеченіе. Въ любительскомъ спектаклѣ мы напередъ уже знаемъ, кто и какъ проведетъ свою роль. Если говорить правду, то гораздо больше развлеченія доставляютъ хлопоты о спектаклѣ, сборы, ренетиции. Это даетъ поводъ видаться другъ съ другомъ по интересному для всѣхъ поводу. Нѣкоторые находятъ себѣ работу, посвящая свои силы городскому хозяйству; но это доступно не многимъ. Для того, чтобы найти интересъ въ этомъ дѣлѣ, нужно хорошо знать свой край, а изученія-то его и нѣтъ у насъ! Очень часто отъ провинціальной скуки рекомендуютъ универсальное средство—чтеніе. Легко сказать—чтеніе: но попробуйте-ка наполнить имъ весь вашъ досугъ? Для этого нужна особая охота, привычка жить въ мірѣ книгъ. Кабинетныя привычки не многимъ даются, большинству нужны живыя впечатлѣнія въ перемежку съ книгой. Чтеніе чтенію опять-таки рознь! Все, что намъ приходится читать о текущихъ дѣлахъ, о направленіи работъ въ руководящихъ сферахъ происходитъ такъ далеко отъ насъ, что имѣетъ только интересъ историческаго факта. Мы часто не можемъ уразумѣть ни внутреннихъ мотивовъ извѣстныхъ дѣйствій, ни внѣшнихъ причинъ, ихъ вызвавшихъ. Прочтемъ въ запоздалой газетѣ какое-нибудь утѣшительное извѣстіе—скажемъ слава Богу, что людямъ хорошо живется. Прійдетъ извѣстіе горестное—пожалѣемъ, но такъ какъ все это далеко, далеко отъ насъ, пособить, принять участіе почти нѣтъ возможности, то чтеніе и остается однимъ чтеніемъ. Чтеніе, чтобы наполнить жизнь человека—должно превратиться въ занятіе, а такъ безцѣльное и непрерывное странствіе по печатному слову имѣетъ и свою обратную сторону. Примѣры этому я въ провинціи видывалъ. Читаетъ человекъ съ утра до вечера, читаетъ массу всякой всячины и живетъ въ мірѣ своихъ

книгъ, въ мірѣ далекомъ отъ того, что его окружаетъ. Онъ съ волненіемъ передаетъ подробности о размолвкѣ желѣзнаго канцлера съ императоромъ Вильгельмомъ, его живо интересуютъ и колониальныя распри европейцевъ въ Африкѣ и тройственный союзъ, а спросимъ, что у васъ дѣлается? Да что у насъ?—У насъ спячка, я признаться за этимъ не слѣжу, т. е. всѣ взоры мои обращены въ прекрасную даль, къ широкимъ мировымъ вопросамъ и дѣла мнѣ нѣтъ до муравьиной работы. Это презрительное отношеніе къ окружающей средѣ, отношеніе къ ней сверху внизъ очень нежелательное явленіе. Какъ бы бѣдна ни была жизнь наша содержаніемъ—она все-таки частица общечеловѣческой жизни. Неужели-же нашей провинціи нѣтъ мѣста въ общечеловѣческой работѣ, неужели намъ дома у себя и дѣлать нечего? Неужели, если у насъ нѣтъ широкой общественной дѣятельности, то нельзя найти скромной, культурной, общепользующей работы? Есть лица, не одни зачитавшіяся провинціальныя книжники, которыя думаютъ такъ; недавно еще одинъ авторитетный по своей части голосъ безапелляціонно заявилъ, что умственная жизнь въ провинціи возможна только при университетахъ. Что всякія попытки, какія были сдѣланы до сихъ поръ ради развитія научныхъ учрежденій въ провинціи, обречены на бесплодное вымираніе. Этотъ грозный приговоръ произнесенъ надъ нами недавно въ Москвѣ, профессоромъ Мейзбиромъ и отпечатанъ на страницахъ «Русской Мысли» и я вчера только прочелъ его здѣсь, въ Кяхтѣ. Я не буду теперь занимать васъ разборомъ мнѣній московскаго орнитолога, да признаться для провинціаловъ, особенно для насъ, обитателей Сибири, такіе приговоры не новость. Если не въ печати, то словесно намъ не мало приходилось выслушивать подобныхъ комплиментовъ. Пріѣдетъ сибирякъ въ столицу—ему и теперь еще задаютъ вопросы о медвѣдяхъ, ходящихъ по улицамъ, о лютыхъ морозахъ, о пожираніи сырой рыбы; теперь еще характеризуютъ нашу жизнь тѣми-же чертами, которыми очертилъ ее шведскій путешественникъ двѣсти лѣтъ тому назадъ. Спра-

ведлива-ли эта характеристика, здѣсь разбирать не стоитъ. Припомню лучше споръ о значеніи провинціи бывшій и кончившійся всего лѣтъ шесть тому назадъ въ русской періодической литературѣ между двумя почтенными дѣятелями и знатоками русской провинціальной жизни гг. Гацисскимъ и Мордовцевымъ. Имя Данила Лукича Мордовцева достаточно извѣстно, чтобы распространяться о немъ, имя-же Гацисскаго извѣстно гораздо меньше, чѣмъ оно того заслуживаетъ. Это почтенный нижегородскій труженикъ, работающій уже не одинъ десятокъ лѣтъ и въ качествѣ статистика, и въ качествѣ практическаго дѣателя, и въ качествѣ собирателя разнообразнѣйшихъ матеріаловъ по изученію своего края—достойный примѣръ и образецъ для подражанія всѣмъ намъ, чья жизнь такъ или иначе связана съ провинціей.

Въ очень горькой статьѣ Мордовцевъ какъ-то расписалъ самыми мрачными чертами сонную жизнь нашихъ захолустій и обрекъ ее на совершенное безсиліе. Хотя эта статья во многомъ прямо относилась къ дѣятельности Гацисскаго, но онъ не отвѣчалъ на нее. Многими уже забылась статья Мордовцева; но вотъ въ 1887 году появляется новая статья того-же автора подъ знаменательнымъ заглавіемъ: «Жизнь, жизнь провинціи!».

Съ жаромъ, искренностью и остроуміемъ, свойственными этому писателю, рассказываетъ онъ исторію своего обращенія и торжественно отрекается отъ своего приговора провинціи. «Гацисскій не отвѣчалъ мнѣ—пишетъ Мордовцевъ—а вмѣсто этого ежегодно присылалъ мнѣ то какія-нибудь провинціальныя изданія, то отчеты о дѣятельности провинціальныхъ учреждений и имѣлъ жестокость еще дѣлать на нихъ собственноручную надпись—Многоуважаемому Данилу Лукичу Мордовцеву отъ такого-то. Читалъ, читалъ я эти книги и волей-неволей разсѣвалось мое прежнее невѣріе, и теперь я долженъ воскликнуть—«ты побѣдилъ, галилеянинъ, изъ провинціи. Жизнь, жизнь провинціи!» Такъ заканчиваетъ свою статью Мордовцевъ ¹⁾).

¹⁾ Статьи Д. Л. Мордовцева у меня нѣтъ подъ руками, а потому я могу ругаться только за смыслъ, а не за подлинную точность выраженій автора.

Этотъ полузабытый инцидентъ представляетъ одно изъ свѣтлыхъ явленій нашей литературы по чистотѣ и искренности отношеній писателя къ затронутому имъ вопросу. Думать надобно все-таки, что не одинъ примѣръ Гадиевскаго, а и вообще подъемъ самостоятельности провинціи, особое вниманіе, обращенное на провинціальную жизнь мыслящими слоями русскаго общества имѣли такое рѣшающее вліяніе на воззрѣнія одного изъ нашихъ выдающихся писателей.

Въ двухъ странахъ въ новѣйшее время выдвинулся на первый планъ провинціальнѣйшій вопросъ—въ нашемъ отечествѣ и во Франціи. И по весьма понятнымъ причинамъ: слишкомъ велика и тамъ и здѣсь разница въ положеніи обитателей столицъ и деревенскихъ захолустій:

Въ столицахъ шумъ, гремятъ витія,

Кипитъ словесная война!

А тамъ, во глубинѣ Россіи,

Тамъ вѣковая тишина,

писалъ еще 30 лѣтъ тому назадъ Некрасовъ, и съ тѣхъ поръ наша столичная интеллигенція не ниже европейской, ея идеалы, пониманіе вопросовъ не ниже общеевропейскихъ, между тѣмъ, какъ большинство народа, лишенное благъ цивилизаціи, живетъ своею стародавней жизнью. Во Франціи то-же явленіе. Парижъ—столица мировой интеллигенціи, передовой отрядъ европейской цивилизаціи, къ голосу котораго прислушиваются образованные люди обоихъ полушарій, а масса деревенскаго населенія дика до полного безграмотства. Страшный погромъ прусскаго нашествія показалъ, что въ трудныхъ обстоятельствахъ между высокопросвѣщенной столицей и первобытной провинціей нѣтъ взаимнаго пониманія. Самый патріотизмъ французскаго крестьянина былъ не похожъ на патріотизмъ крупныхъ центровъ. Понятно, что новое правительство, послѣ горькаго урока, должно было всѣ силы употребить на развитіе образованія въ народѣ. Школы, публичныя лекціи, громадная литература, популярныхъ книгъ были результатомъ этихъ стараній; но скоро оказалось, что однихъ этихъ посо-

бій недостаточно. Книга достаточна для отдѣльнаго человѣка, для школы, но если мы хотимъ вліять на разумѣніе взрослыхъ людей, на развитіе цѣлаго народа—нужны факты другого рода, нужна наглядность, нужно дать что-нибудь осязательное и притомъ близкое къ интересамъ его. Такъ возникла мысль объ основаніи мѣстныхъ музеевъ во Франціи. Желая вліять на образованіе крестьянина, нужно прежде всего обратить вниманіе на то, что его окружаетъ, на свою мѣстность. Такъ и смотрѣлъ на дѣло главный инициаторъ мѣстныхъ французскихъ музеевъ, адвокатъ и ученый Гру. Мысль свою о мѣстныхъ учрежденіяхъ вродѣ музеевъ, какъ о средствахъ народнообразовательномъ онъ развивалъ еще покойному Гамбеттѣ. Громадный практическій умъ государственнаго человѣка сразу постигъ все благотворное вліяніе новыхъ начинаній и онъ поощрилъ и одобрилъ мысль Гру.

Движеніе это во Франціи началось въ 1876 году въ Лизерѣ, на родинѣ Гру. Здѣсь его стараніями былъ основанъ мѣстный музей, въ томъ-же году основанъ былъ Дюпономъ, товарищемъ Гру, новый мѣстный музей въ Мезидонѣ. Какъ и всегда бываетъ, новое дѣло было встрѣчено скептически. Что за затѣя—музей въ маленькомъ городкѣ, кому онъ нуженъ, кто станетъ имъ пользоваться, кто будетъ разбирать коллекціи? Оказалось, что для выполненія этого начала нужны были только добрая воля и вѣра въ свое дѣло. У тѣхъ-же обывателей, которые боялись за музей, нашлось не мало предметовъ, годныхъ для него. Выставленные вмѣстѣ, систематически расположенные они привели въ восторгъ публику. Публика и не ожидала, что въ разрозненномъ видѣ, у случайныхъ владѣльцевъ, у нея самой имѣется такъ много поучительнаго. Дѣйствительно—десятокъ штукъ минераловъ, древняя вещица, альбомъ, гдѣ есть два-три мѣстныхъ вида, пока они стоятъ одиноко въ квартирахъ любителей или случайныхъ владѣльцевъ, они напоминаютъ интересную книгу, разорванную по листкамъ, и не оставляютъ цѣльнаго впечатлѣнія; когда тѣ-же самые предметы собраны вмѣстѣ, соединены въ

однородныя группы, когда приложено стараніе выставить на видъ ихъ поучительныя стороны—впечатлѣніе получается совсѣмъ другое, неожиданное. Примѣръ, подобнаго испыталъ и я самъ; въ 1887 году, по мысли энергичнаго Петра Ивановича Макушина, мнѣ пришлось принять участіе въ устройствѣ этнографической выставки въ Томскѣ. Затѣяно дѣло было великимъ постомъ, а къ Пасхѣ выставка была уже готова. Было время распутицы, выписать, достать что-либо отъ иногородныхъ не было возможности. Все, что было на выставкѣ, собралось въ томъ-же Томскѣ, у мѣстныхъ обывателей и любителей, и однако-же публика посѣщала выставку, посѣщала за плату и усердно въ теченіи цѣлой недѣли. Правда, здѣсь много помогали интересныя объясненія бібліотекаря университета г. Кузнецова и его личныя богатыя коллекціи, но все-таки публика никакъ не ожидала, что изъ тѣхъ вещицъ, которыя находились въ Томскѣ, въ разныхъ домахъ, можно составить такую поучительную картину, но вернемся къ мѣстнымъ французскимъ музеямъ.

Сборы растеній, насѣкомыхъ, минераловъ, производимыя не учеными, конечно, которыхъ не было въ маленькихъ городкахъ, а фармацевтами, учителями, купцами, школьниками, дали самимъ мѣстнымъ жителямъ совершенно новое представление о своей мѣстности. Собрались предметы; новая забота—опредѣлять, изучать ихъ. Съ этимъ горемъ справились скоро. Французскіе ученые, какъ только слышали, что въ Лизерѣ собираются коллекціи, сразу принялись за ихъ обработку. Мало того, посыпались заказы въ маленькіе музеи—нельзя-ли собрать то или другое? Хорошо изучена Франція—слова нѣтъ: ея ученые искрестили ее вдоль и поперекъ, но многія вещи изъ мѣстныхъ музеевъ оказались новостью и для ученыхъ. Такимъ образомъ учрежденіе, имѣвшее въ началѣ задачу чисто педагогическую—дать умственную работу захолаустью, стало источникомъ для расширенія знаній, дало работу ученымъ. Не осталось безъ вліянія и на промышленную жизнь провинціи открытіе музеевъ. Оказалось, что залежи нѣкото-

рыхъ минераловъ, на которыя никто не обращалъ вниманія—превосходный матеріалъ для удобренія. Въ другомъ мѣстѣ найдены растенія, которыя оказались пригодными для красильнаго дѣла; но всѣхъ приправъ не перечесть.

Музейное дѣло было встрѣчено сочувственно французскимъ правительствомъ, бѣднымъ музеямъ выдавалась казенная субсидія. Съ 1880 года Гру началъ издавать свои ежегодники музеевъ, такъ какъ дѣло росло. Въ настоящее время по свѣдѣніямъ, можетъ быть нѣсколько устарѣлымъ, во Франціи 87 музеевъ мѣстныхъ, не считая парижскихъ по округамъ и, конечно, не считая музеевъ центральныхъ, академическихъ.

Общій характеръ мѣстныхъ французскихъ музеевъ таковъ: въ музей ииѣются коллекціи естественно-историческія, онъ также собираетъ произведенія мѣстной промышленности. Далѣе идутъ памятники мѣстной старины въ подлинникахъ, снимкахъ, моделяхъ и фотографіяхъ, рукописи и документы, касающіеся исторіи края. Все это въ простыхъ витринахъ, на полочкахъ. Не блещутъ эти коллекціи ни особеннымъ обиліемъ, ни красотой. Привыкшій къ музеямъ-дворцамъ, съ громаднымъ штатомъ служащихъ, посѣтитель на первый взглядъ разочаровывается, вступая въ скромный мѣстный музей, но вотъ онъ присматривается къ одному, къ другому, предмету, прислушивается къ объясненіямъ и невольно начинаетъ его тянуть къ этимъ мѣстнымъ труженникамъ, невольно возрастаетъ его интересъ къ маленькому дѣлу, и онъ выходитъ изъ музея, какъ-бы породившись съ ними. И, странное дѣло, у него остается какое-то теплое чувство спокойнаго удовлетворенія, какого онъ не испытывалъ, посѣщая великіе музеи. Тамъ его подавляло все необыкновенной грандіозностью. Онъ чувствовалъ осязательно всю необъятность человѣческаго знанія и все свое ничтожество передъ нимъ. Вотъ стоятъ египетскіе саркофаги, надъ описаніемъ которыхъ трудятся уже десятки лѣтъ специалисты, вотъ громадный шкафъ съ насѣкомыми изъ Бразиліи—надъ обработкой его

трудились ученые всей Европы. Передъ посѣтителемъ громадный міръ, котораго обнять одному человѣку нѣтъ возможности. Почтенные специалисты, знатоки дѣла, по книгамъ которыхъ онъ учился, знанія которыхъ онъ такъ привыкъ цѣнить, и тѣ теряются среди этихъ богатствъ, каждый изъ нихъ доведетъ посѣтителя только до порога той комнаты, въ которой онъ работаетъ—дальше и для него, какъ и для любознательнаго гостя, начинается чуждый міръ. Невольно думаешь: что мнѣ здѣсь дѣлать, гдѣ крупный ученый—только скромный труженикъ. Здѣсь годы тратятся на изученіе содержимаго трехъ, четырехъ витринъ. Совсѣмъ иначе чувствуетъ себя простой, любознательный посѣтитель, неспециалистъ-ученый, выходя изъ маленькаго мѣстнаго музея: онъ сознаетъ, что маленький уголокъ Франціи онъ узналъ такъ, какъ не узналъ-бы его въ 10 лѣтъ. Онъ чувствуетъ, что и у себя дома можно сдѣлать нѣчто подобное, что можно любить свой уголокъ не только по одной привычкѣ, не потому только, что съ нимъ связаны дорогія воспоминанія, а потому еще, что, сверхъ всякаго ожиданія, этотъ уголокъ очень интересенъ.

Особое оживленіе бываетъ въ мѣстныхъ музеяхъ въ годовщину основаній ихъ. Устраивается общее собраніе, читается годовой отчетъ, осматриваются новыя коллекціи, и всякій видитъ, что дѣло идетъ въ гору. Кто-нибудь изъ членовъ мѣстнаго комитета при музеѣ читаетъ рѣчь, посвященную воспоминаніямъ изъ исторіи города или мѣстности или-же изъ жизни мѣстной природы, читаются поздравительныя телеграммы отъ разныхъ учреждений и все заканчивается или общей прогулкой, или банкетомъ. Банкетъ—это слишкомъ громкое названіе для скромнаго товарищескаго обѣда, гдѣ нѣтъ много вина, кромѣ своего, мѣстнаго, трапеза отличается умѣренностію и простотой, но главное ея украшеніе живая добрая бесѣда людей, увѣренныхъ, что они дѣлаютъ доброе дѣло.

Что касается организаціи музеевъ, то около нихъ состоитъ обыкновенно комитетъ изъ пяти лицъ, чаще всего членовъ думы или учебнаго вѣдомства.

Городъ даетъ отъ себя помѣщеніе, комитетъ нанимаетъ сторожа, который мететъ и открываетъ по праздникамъ музей для публики. При нѣкоторыхъ изъ музеевъ начинаютъ формироваться общества для изученія своего края. Въ обращеніяхъ къ публикѣ, въ своихъ брошюрахъ Гру и его сорудники теперь уже держатся твердаго тона; о пользѣ музеевъ они почти уже не говорятъ, считая вопросъ безповоротно рѣшеннымъ. Въ отвѣтъ на привѣтствія разныхъ городскихъ совѣтовъ и поздравленій, вмѣсто благодарностей и комплиментовъ Гру пишетъ: *assez des paroles, des actes messieurs!* Вы поздравляете насъ, спасибо! но почему вы сами у себя не заводите своихъ музеевъ. Нѣтъ у васъ, что-ли, нѣсколькихъ сотъ франковъ на дешевыя витрины, нѣтъ денегъ на сторожа! Или патриотизма не хватаетъ? Вѣра въ пользу дѣла создала самое дѣло, оно вошло уже въ жизнь и дало право поборникамъ его говорить о немъ, какъ о совершившемся фактѣ, какъ о признанномъ жизненномъ явленіи.

Скромная работа Гру и его единомышленниковъ не осталась незамѣченной крупными центрами умственной жизни. Большая золотая медаль министерства народнаго просвѣщенія на выставкѣ въ Парижѣ, цѣлый рядъ почетныхъ отзыовъ ученыхъ французскихъ и заграничныхъ были наградой дѣятелей во Франціи.

Въ нашемъ отечествѣ дѣло мѣстныхъ музеевъ возникло почти одновременно съ Франціей, совершенно независимо отъ первой, такъ какъ у насъ нужда въ нихъ даже болѣе настоятельная, нежели во Франціи. Мы уже говорили объ однообразіи и безсодержательности провинціальной жизни. Французъ, образованный человекъ, или просто желающій познаться новыми впечатлѣніями, освѣжиться, можетъ сѣсть на желѣзную дорогу, продремать нѣсколько часовъ въ вагонѣ и къ утру онъ въ столицѣ міра. У насъ разстоянія приковываютъ человека къ мѣсту. Богатые люди и пользующіеся досугомъ и тѣ могутъ позволять себѣ поѣздки въ столицу лишь изрѣдка. Нужна умственная жизнь какая-нибудь

на мѣстѣ. Франція—небольшая страна и она изучена довольно хорошо. Природные ресурсы ея извѣстны, но и тамъ остается дѣла не мало на долю мѣстныхъ музеевъ. Что-же сказать о нашемъ обширномъ отечествѣ. У насъ природные дары лежатъ, попираемые ногами. Давно-ли открыты богатѣйшія залежи ртутной руды въ Бахмутскомъ уѣздѣ? Давно-ли открыты залежи сѣры въ Тетиюшскомъ уѣздѣ, подѣ бокомъ почти у казанскаго университета! Нельзя винить наши центральныя ученые общества за пробѣлы въ изслѣдованіяхъ Россіи. Слишкомъ велика наша территория по сравненію съ научными силами центровъ. Отдаленная наша окраина въ этомъ отношеніи стоитъ, конечно, еще въ худшихъ условіяхъ. Научныя разысканія здѣсь требуютъ кромѣ громадныхъ издержекъ для пріѣзжихъ, еще большаго мужества, готовности и умѣнья переносить лишенія скитальческой жизни. Да, чтобы ужъ сказать все сразу, невозможно путемъ кратковременныхъ экспедицій, съ длиннымъ маршрутомъ, изучить обширную страну. Такимъ путемъ можно уловить только общія, характерныя стороны данной страны, а не мѣстные особенности каждаго ея уголка; между тѣмъ, гдѣ дѣло идетъ о практическихъ и промышленныхъ вопросахъ—все дѣло въ подробномъ знаніи мѣстности. Отъ недостатка изслѣдованій отдѣльных мѣстностей страдаетъ наука, а еще болѣе мѣстные обыватели. Сколько теряется заработка, сколько промысловъ не развивается у насъ благодаря недостаточному знанію мѣстностей! Сознали давно это лучшіе люди въ провинціи и вотъ начинаютъ возникать мѣстные музеи въ Твери, въ Вяткѣ, Петрозаводскѣ, Уфѣ, возникаетъ музей при Петровскомъ обществѣ въ Астрахани и другихъ мѣстахъ.

Было-бы очень утомительно и безцѣльно останавливать ваше вниманіе на исторіи музеевъ Европейской Россіи, когда у насъ, не далеко, въ Сибири, мы имѣемъ блестящіе примѣры развитія музейнаго дѣла, примѣры, болѣе подходящіе къ условіямъ нашей жизни, а стало-быть и болѣе поучительные.

Вы ожидаете, вѣроятно, что я буду говорить о музеѣ Минусинскомъ и о дѣятельности Николая Михайловича Мартынова. Дѣйствительно—говоря о мѣстныхъ музеяхъ нельзя обойти ни этого города, ни этого имени. Минусинскій музей—старѣйшій изъ мѣстныхъ музеевъ и самый богатый—изъ 57 тысячъ предметовъ, хранящихся въ восточно-сибирскихъ музеяхъ, 28 т., болѣе половины, лежитъ въ Минусинскомъ музеѣ; но я смотрю на дѣятельность г. Мартынова нѣсколько иначе, нежели остальная публика. Обыкновенно представляютъ себѣ дѣло такъ, что музей этотъ дѣло рукъ, необыкновенныхъ способностей и энергій г. Мартынова. Я не желаю нисколько умалять заслугъ и способностей моего близкаго личнаго друга, съ которымъ мы жили, думали вмѣстѣ и работали цѣлыхъ 6-тъ лѣтъ. Велика его энергія, но и она не привела-бы ни къ чему, если-бы его дѣло было только его личное дѣло; не встрѣтилъ-бы онъ ни преемниковъ, ни подражателей, не отнеслись-бы такъ горячо къ его дѣлу въ разныхъ концахъ Сибири. Музей этотъ, какъ-бы хорошъ онъ ни былъ, остался-бы одинокой интересной попыткой оригинальнаго человѣка и только. Натуралистъ по призванію и по образованію, являсь въ Минусинскъ, Мартыновъ занялся успѣшно сборомъ различныхъ коллекцій. Мелькала у него мысль объ устройствѣ музея въ Минусинскѣ, но было страшно заявить о такомъ новомъ дѣлѣ. Послѣ первыхъ переговоровъ съ близкими лицами, онъ встрѣтилъ такую массу возраженій и охлаждающихъ замѣчаній, что хотѣлъ оставить коллекціи у себя и посылать нѣкоторыя изъ нихъ для опредѣленія въ столицы. Насколько нова была идея мѣстнаго музея для самого Мартынова видно изъ того, что въ первое время онъ и не думалъ собирать археологическихъ минусинскихъ коллекцій, которыя привлекаютъ къ нему до сихъ поръ всеобщее вниманіе. Перваго сторонника своей мысли г. Мартыновъ нашелъ не среди мѣстной интеллигенціи, которая привыкла судить по готовымъ образцамъ, идти по протореннымъ дорогамъ. Поддержалъ его городской

голова Гусевъ, человѣкъ хотя не образованный, но смѣлый и энергичный, новаторъ по натурѣ. Онъ провелъ въ думѣ вопросъ объ открытіи музея. Но какъ открывать было его, когда нѣтъ въ карманѣ ни гроша денегъ на устройство самой простой мебели? Здѣсь опять-таки помогъ Гусевъ, на его деньги сооружены шкафы, и въ двухъ комнаткахъ размѣстился мѣстный музей. Это было въ 1877 году; всего 1362 № предметовъ со всѣми натяжками насчиталось въ музей; но и это скромное начало было, какъ фактъ, гораздо внушительнѣе всякихъ разсужденій. Самоотверженно работалъ Мартыановъ, но нашлись у него и самоотверженные помощники. Ходя въ поисковой партіи, молодой золотопромышленникъ, вмѣстѣ съ торбой съ сухарями, несъ за плечами мѣшечекъ съ породами для музея. Такимъ образомъ получены были породы съ рѣки Кантигира; гдѣ ни прежде, ни послѣ, до настоящаго времени еще не бывала нога путешественника. У одного богатаго любителя собралась коллекція древностей—онъ ее жертвуетъ въ музей. Эта небольшая коллекція и послужила основой археологическаго отдѣла, доставившаго такую громкую извѣстность всему музею. Въ 1880 г. появился напечатанный на пожертвованныя средства первый каталогъ музея. Генералъ-губернаторъ Анучинъ, губернаторъ Лохвицкій отнеслись очень сочувственно къ новому предпріятію. Кромѣ того, въ первые годы существованія и до послѣдняго времени минусинскій музей дѣятельно поддерживала мѣстная пресса. Не мало совершенно безвѣстныхъ, но безкорыстныхъ и полезныхъ работниковъ поддерживали музей своими трудами. Ими составлены книги, выпущенныя отъ имени музея, которыми онъ справедливо гордится. Этимъ доказалось, что мѣстный музей дѣйствительно одно изъ пригоднѣйшихъ учрежденій для изученія мѣстности, особенно въ такомъ краѣ, какъ наша Сибирь. Пригоденъ онъ тѣмъ, что нагляденъ, пригоденъ тѣмъ, что даетъ возможность начать работу при сравнительно малыхъ средствахъ. Въ чемъ-же секретъ дѣятельности Мартыанова, почему удалось ему по-

ставить дѣло, первый начинъ котораго казался столь труднымъ. Многіе приписываютъ все его личнымъ качествамъ и умѣнью привлекать людей. Разумѣется, очень многіе помогали музею только ради Мартыанова; но многіе работали сознательно, ради дѣла. Лица, приписывающія весь успѣхъ обаянію личности основателя музея, не поняли главной заслуги его—чрезвычайно разумной системы дѣйствій, которую можно рекомендовать какъ руководство и образецъ.

Первое правило, за которое Мартыановъ несъ иногда не справедливыя нареканія,—пользоваться всѣмъ человѣкомъ, обнаруживающимъ склонность быть полезнымъ музею. Ни различія въ образованіи, ни въ общественномъ положеніи не мѣшали Мартыанову пользоваться человѣкомъ, разъ онъ, по его мнѣнію, могъ что-нибудь сдѣлать для музея,—золотопромышленникъ, учитель, простой рыбакъ, охотникъ, крестьянинъ, всѣми онъ умѣлъ и считалъ нужнымъ пользоваться; музей не былъ его личнымъ или только городскимъ дѣломъ, а дѣломъ всѣхъ сочувствующихъ и могущихъ быть полезными. Если-бъ минусинскій музей былъ разборчивой невѣстой, браковалъ-бы однихъ сотрудниковъ за недостаточное образованіе, другихъ за низкое положеніе въ обществѣ, замкнулся-бы въ ограниченномъ кружкѣ—ничего-бы не вышло изъ работы Мартыанова. Нѣкоторые мѣстные музеи, основанные въ послѣдствіи, при болѣе крупныхъ средствахъ и болѣе благоприятныхъ условіяхъ прозябали и развивались черепашьимъ шагомъ, благодаря тому, что смотрѣли на музей, какъ на кружковое дѣло.

Второе правило—пользуясь всѣми, Мартыановъ старался быть полезнымъ всѣмъ. Нужно-ли кому выписать книгу, узнать, есть-ли въ этомъ камнѣ серебро или золото, опредѣлить растеніе—онъ не отказывался. Чего не могъ сдѣлать самъ, обращался къ другимъ, посылалъ въ Петербургъ, Москву—музей старался быть справочной конторой для всѣхъ.

Третье—онъ не спалъ со своими коллекціями. Находилось что-либо интересное—онъ посылалъ въ столицы, за

границу и благодаря ему не одинъ ученый трудъ о Сибири былъ выпущенъ за границей, была по его иниціативѣ снаряжена цѣлая экспедиція для изслѣдованія окаменѣлостей около села Бейскаго. Въ Россіи носились еще только неопредѣленные слухи о минусинскомъ музеѣ, а въ Вѣнѣ жена извѣстнаго миколога, покойнаго барона Тюмена, уже писала о немъ статьи въ газетахъ. По послѣднимъ отчетамъ музей находится въ сношеніяхъ, кромѣ обществъ и ученыхъ русскихъ, съ французскими, шведскими, нѣмецкими, швейцарскими, итальянскими. Важность такого способа дѣйствій ясна сама собой; но имъ очень часто пренебрегаютъ и, чѣмъ ученыѣ консерваторы, тѣмъ чаще. Самъ, дескать, займусь, обработаю. При разностороннихъ своихъ познаніяхъ Мартыановъ могъ-бы болѣе многихъ другихъ претендовать на право личной разработки коллекцій; но онъ поступался и своей ученой славой, и даже самими коллекціями ради привлеченія сотрудниковъ-специалистовъ.

Четвертое правило—брать и составлять всякія коллекціи, какія можно. Часто слышимъ мы—эти коллекціи не подходятъ подъ нашу программу, эти коллекціи мало поучительны, ихъ намъ не надобно. Въ такомъ дѣлѣ, какъ мѣстный музей, программа должна сообразоваться съ опытомъ; непоучительная, ненужная, на первый взглядъ, коллекція, можетъ быть продана, обмѣнена. Лицо, въ началѣ дававшее только хламъ, поощренное и наученное, можетъ стать дѣльнымъ коллекторомъ.

Не смотря на то, что положеніе музея уже упрочилось, лѣтъ пять тому назадъ, онъ былъ въ затруднительномъ положеніи. Коллекціи начали давить помѣщеніе; нужно было новое; нужна была масса книгъ ученыхъ для работъ при музеѣ. Здѣсь опять явилось на выручку общество. Часть денегъ собралась на мѣстѣ, большую половину далъ И. М. Сибириковъ, и у музея прекрасное помѣщеніе, красивый залъ и хорошая библіотека.

Добрый почи́къ Мартыянова не остался безъ подражанія. Возникъ музей въ Семипалатинскѣ, стараніями секретаря ст. комитета Маковецкаго, потомъ въ Енисейскѣ. Оказалось, что устраивать музеи вездѣ возможно и полезно. Самымъ-же рѣзкимъ примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ послужить музей ачинскій—главнымъ работникомъ въ немъ былъ не ученый, какъ Мартыяновъ, а просто воспитанникъ красноярской учительской семинаріи Д. С. Каргополовъ, уроженецъ Минусинскаго округа, горячій почитатель Мартыянова. При своихъ ограниченныхъ свѣдѣніяхъ, при скромномъ положеніи смотрителя городского училища, онъ, при сочувствіи общества, сумѣлъ сдѣлать небольшой, но полезный музей. Двѣ комнаты, въ которыхъ онъ помѣщается, были заняты дѣльнымъ матеріаломъ. Помню, я съ большой пользой и удовольствіемъ просидѣлъ въ немъ два дня, разсматривая горныя породы и почвы Ачинскаго округа. Небольшая коллекція девонскихъ рыбокъ, отосланная изъ этого музея въ академію, послужила полезнымъ подспорьемъ для д-ра Рогова въ его палеонтологическихъ трудахъ. Примѣръ Каргополова достаточно показываетъ, что главное здѣсь—вѣра въ дѣло и любовь къ нему, что полезенъ и интересенъ матеріалъ, собранный неспеціалистомъ, если онъ собранъ аккуратно, а въ собирателяхъ и сотrudникахъ и у Каргополова не было недостатка,—помогать начали и ему, начиная отъ мальчиковъ-школьниковъ и оканчивая мѣстнымъ исправникомъ. Если теперь, послѣ отъѣзда Каргополова, объ ачинскомъ музеѣ мало слышно, то подобному явленію удивляться нечего: и въ крупныхъ учрежденіяхъ бываютъ періоды застоя въ дѣятельности, но періоды могутъ смѣняться болѣе оживленными, лишь бы только само учрежденіе существовало.

Въ Енисейскѣ основанъ музей въ 1884 году, въ 86 красноярскій и нерчинскій, въ 87 тобольскій и, наконецъ, въ 90 въ далекомъ Якутскѣ основанъ при статистическомъ комитетѣ мѣстный музей. Изъ нихъ по своей энергичной дѣятельности выдаются музеи нерчинскій и тобольскій, хотя

положение ихъ крайне различно. Нерчинскій, имѣющій уже около 10,000 предметовъ, поддерживается душой и небольшимъ мѣстнымъ кружкомъ. Тобольскій—особымъ комитетомъ, председателемъ котораго состоитъ губернаторъ. Приѣзръ этотъ показываетъ, что можетъ сдѣлать благожелательный администраторъ на пользу просвѣщенія края. Музей этотъ начался съ того, что для него выстроенъ былъ домъ—съ этого ни одинъ сибирскій музей не начинался. Задача—имѣть свое приспособленное помѣщеніе неразрѣшима для многихъ изъ нихъ. До сихъ поръ свои дома имѣютъ только минусинскій и тобольскій. Строится помѣщеніе для красноярскаго, на которое жена товарища городского головы, одного изъ основателей музея, пожертвовала 23,000 р. с. Завяли себя научными изданіями три сибирскихъ музея—минусинскій, тобольскій и якутскій. Объясненія коллекцій производились во всѣхъ музеяхъ. Многіе, какъ минусинскій, красноярскій, якутскій и енисейскій производили научныя экскурсіи. Изъ нихъ выдается громадная экскурсія А. И. Кытманова къ устьямъ Енисея, давняя богатые матеріалы, которыми онъ любезно подѣлился съ Восточно-Сибирскимъ Отдѣломъ.

Изъ сказаннаго вы видите, что большинство нашихъ сибирскихъ музеевъ возникло по частной инициативѣ, при помощи городскихъ обществъ. Это одно изъ доказательствъ зрѣлости и пониманія своихъ обязанностей сибирскими городскими обществами. Музеи были встрѣчены сочувственно высшею властью. Она первая поощрила труды работниковъ. Первая золотая медаль Мартянову была Все милостивѣйше пожалована Государемъ Императоромъ.

Всѣ мы видѣли и помнимъ, съ какимъ вниманіемъ и интересомъ ознакомился Государь Наслѣдникъ съ мѣстными музеями. Пожертвованія денежныя, награды основателямъ музея и, наконецъ, принятіе подъ свое покровительство музея тобольскаго—вотъ чѣмъ выразилось отношеніе Высокаго Путешественника къ мѣстнымъ музеямъ.

Я уже говорилъ въ началѣ своей лекціи, что, по слухамъ, вопросъ о земскихъ музеяхъ, ихъ нормальномъ уставѣ и бюджетѣ ихъ, обратилъ на себя вниманіе высшихъ сферъ. Нельзя не пожелать скорѣйшаго рѣшенія этихъ вопросовъ. Дѣйствительно, музеи нуждаются и въ нормальномъ уставѣ, и въ поддержкѣ не только матеріальной, но умственной и нравственной, нуждаются въ руководительствѣ компетентной ученой коллегіи. Необходимо выяснить значеніе этихъ учреждений передъ лицомъ закона.

Теперь уже пора издавать ежегодники музеевъ по примѣру Франціи. Наши сибирскіе музеи печатаютъ свои отчеты и рассылаютъ ихъ охотно (за исключеніемъ ачинскаго и красноярскаго), но это отдѣльные отчеты! Необходимы общіе выводы, сравненія, необходимо печатать запросы музеевъ, соображенія ихъ о своихъ нуждахъ. Необходимы также свѣдѣнія о частныхъ коллекціяхъ. Многіе ученые для своихъ специальныхъ работъ нуждаются въ коллекціяхъ, которыхъ сами собрать не могутъ. Намъ не случилось читать ни объявленій, ни запросовъ отъ такихъ ученыхъ въ общераспространенныхъ или даже специальныхъ изданіяхъ. Такія объявленія въ ежегодникахъ были-бы уместны: одинъ, на примѣръ, можетъ, пожелалъ-бы приобрести коллекцію сибирскихъ водорослей, другой нуждается, для пополненія своихъ обширныхъ работъ, въ собраніи сибирскихъ злаковъ, свѣдѣнія о цвѣтѣ глазъ, волосъ и т. д. Это связало-бы ближе провинцію съ крупными учеными центрами.

Въ заключеніе я обращаюсь къ разсмотрѣнію частнаго, близкаго намъ вопроса, который задавали мнѣ здѣсь не разъ. Какое значеніе будетъ имѣть открытіе мѣстнаго музея въ Троицкосавскѣ или Кяхтѣ? Я-бы могъ отвѣтить на него просто: гдѣ есть люди, гдѣ есть человѣческая любознательность, гдѣ есть потребность въ изученіи окружающаго, тамъ принесетъ и свою пользу мѣстный музей, но относительно Кяхты, мнѣ кажется, возможны и особыя соображенія, и особыя задачи для музея.

Сто семьдесятъ лѣтъ тому назадъ образовалась на границѣ Монголіи маленькая русская колонія, одна изъ такихъ, какихъ немало разсѣяно по русской границѣ. Положеніе этой колоніи было настолько трудное въ виду дикости сосѣдняго населенія, что оно выбрало себѣ мѣстечко для мѣстожителства на рѣчкѣ, текущей изъ русскихъ предѣловъ. Было основаніе опасаться, что добрые сосѣди отравятъ, испортятъ или отведутъ воду. Маленькая деревенька эта становится мало-по-малу замѣтнымъ пунктомъ, не по численности населенія, а по своему громадному торговому значенію. Скоро эта слобода дѣлается отправнымъ пунктомъ русской торговли съ Китаемъ, она пролагаетъ пути въ застѣнный Китай, создаетъ русское торговое дѣло въ срединной имперіи. До завоеванія средней Азіи, до открытія Суэцкаго канала и морскаго пути въ Одессу эта слобода сосредоточивала въ себѣ почти всю русско-азиатскую торговлю. Маленькій уголокъ на китайской границѣ приводилъ въ движеніе капиталы на берегу Москвы рѣки и на берегахъ Янце-кіанга. Все это создано было умѣньемъ, энергіей и настойчивостью небольшой кучки людей, отцовъ и дѣдовъ современнаго поколѣнія. Какими-бы путями ни пошла наша торговля съ Азіей въ будущемъ, за Кяхтой навсегда останется заслуга созданія русско-китайской торговли, открытіе рынка для русскихъ товаровъ въ Китаѣ и произведеній Китая для Россіи. Исполненіемъ этой задачи ни коимъ образомъ не можетъ, не должна ограничиться роль Кяхты. Путемъ долгаго знакомства съ Китаемъ, путемъ общенія съ нимъ, Кяхта приобрѣла глубокое практическое, такъ сказать, личное знакомство съ Китаемъ, у Кяхты громадныя, цѣнныя связи внутри Китая. Вспомнимъ, какой интересъ возбудили въ научной литературѣ простые дневники торговыхъ приказчиковъ, изданныя нашимъ отдѣломъ на средства фирмы гг. Коковина и Басова? Понятное дѣло, что эти свѣдѣнія—малая часть того, чѣмъ обладаетъ, что можетъ дать Кяхта; Китай—намъ близкій сосѣдъ, сосѣдъ богатый. Во имя пользы государства, во имя интересовъ русской про-

мышленности и русской науки мы должны изучать и изучать Китай и Монголію. И теперь уже конкурирующіе съ нами на торговомъ поприщѣ иностранцы доказываютъ намъ, что они глубоко знаютъ Китай, его нравы, производительныя силы.

Намъ нельзя отставать отъ иностранцевъ, всякій, кто можетъ помочь въ этомъ дѣлѣ, обязанъ оказать свою долю содѣйствія.

Какое-же содѣйствіе могутъ оказать Кяхта и Троицко-савскъ? Здѣсь люди практики, не кабинетные работники, какъ они могутъ участвовать личными трудами въ дѣлѣ изученія Китая? Отвѣтъ мой будетъ коротокъ—созданіемъ мѣстнаго и монгольско-китайскаго музея. При своемъ громадномъ практическомъ знаніи Китая, при крѣпкихъ, близкихъ связяхъ съ нимъ Кяхта можетъ, при добромъ желаніи, создать единственный въ своемъ родѣ кяхтинско-монгольскій музей. Ученый путешественникъ, хоть и хорошо знающій эти страны, съ трудомъ, случайно добудеть и узнаеть то, что для Кяхты дастся безъ труда.

Произведенія китайской промышленности, оригинальная внутренняя жизнь этой страны, памятники ея искусства, странныя и удивляющія всѣхъ религіозныя вѣрованія; своеобразные обычаи, своеобразная литература—вотъ громадное поле для дѣятельности Кяхты и кяхтинцевъ. Конечно, такой музей уже нѣчто большее нежели мѣстный музей; но въ Кяхтѣ такъ благопріятно сложились внѣшнія обстоятельства для образованія такого музея, какъ ни гдѣ. Въ центрахъ умственной жизни русской или заграничной нѣтъ одного изъ главныхъ условій для полноты такого музея, нѣтъ возможности слѣдить непрерывно за жизнью Китая или Монголіи. Въ Европѣ поняли это: какъ ни богаты луврскія древнеегипетскія коллекціи—все-таки нашли нужнымъ основывать музеи въ самомъ Египтѣ. (Булакскій музей).

Оказавъ громадную услугу русской торговлѣ въ прошломъ, Кяхта, основавъ музей, окажетъ ее и далекому буду-

щему, ея практическое знаніе Китая не пропадет безслѣдно, а послужитъ на пользу грядущимъ поколѣніямъ, русской жизни и русской наукѣ. По ея музею, какъ по живой книгѣ, будутъ знакомиться съ Китаемъ и Монголіей русскіе люди и въ потомствѣ будетъ обезпечена благодарная память его основателямъ.

Д. Клементъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ октябрѣ прошлаго года, въ Кяхтѣ, я прочелъ публичную лекцію о значеніи мѣстныхъ музеевъ. Благосклонные слушатели мои выразили желаніе видѣть сказанное мною въ печати. Возвратясь въ Иркутскъ, я счелъ своею обязанностью исполнить желаніе моей аудиторіи, но въ эту-же пору получился здѣсь Annual report of the bod of regents of the Smithsonian institution за 1889 годъ, вышедшій въ Вашингтонѣ въ 1891 г., гдѣ напечатана лекція Броуна Гуда, читанная имъ въ бруклинскомъ институтѣ, въ Америкѣ, въ февралѣ 1889 года, по предмету, весьма близкому къ затронутому мною. Эта замѣчательная лекція, излагая взгляды, весьма сходные въ общемъ съ моими, даетъ болѣе широкую постановку вопросу о музеяхъ. Во многихъ случаяхъ мы, независимо другъ отъ друга, ссылаемся на однѣ и тѣ-же фактическія данныя; хотя американскій лекторъ обладаетъ болѣе полными свѣдѣніями о музеяхъ англійскихъ, но за то совершенно игнорируетъ замѣчательное и плодотворное движеніе въ пользу мѣстныхъ музеевъ во Франціи. Дополняя свою лекцію новыми матеріалами я не считалъ себя въ правѣ, не считалъ возможнымъ и перемѣнять въ ней что-нибудь, такъ какъ слушатели желали видѣть въ печати мою лекцію, а не статью, написанную на тему моей лекціи. Последняя была съ моей стороны вызвана желаніемъ поспособствовать, насколько возможно, уясненію вопроса о пользѣ мѣстныхъ музеевъ вообще и въ частности въ Троицко-савскѣ или Кяхтѣ. Для меня самого интересно было сохранить всѣ особенности времени и мѣста, какъ онѣ отразились въ моей лекціи. Сверхъ того, печатая цѣликомъ переводъ лекціи г. Броуна Гуда, я желаю тѣмъ самымъ наглядно указать, что вопросъ о музеяхъ, какъ средствѣ для

развитія народнаго образованія, одинаково занимаетъ общественную мысль, какъ на далекомъ западѣ, у дѣятельныхъ, быстро живущихъ, смѣло отдающихъся всякой новой идеѣ американцевъ, такъ и у насъ на тихомъ, только начинающемъ развивать свою общественную жизнь, дальнемъ востокѣ Россіи. Мысли и планъ г. Броуна Гуда, весьма любопытные и цѣнные сами по себѣ, важны кромѣ того для сравненія, какъ наилучшій примѣръ того, какъ одинъ и тотъ-же вопросъ, рѣшаемый двумя лицами въ одномъ и томъ-же направленіи, измѣняется въ двухъ разныхъ странахъ сообразно характеру и привычкамъ народа и общественнымъ условіямъ.

И неспеціалистъ дѣла пойметъ, что я не посмѣлъ-бы обратиться съ такими широкими планами, какіе ставятъ для богатаго города Бруклина сэръ Броунъ Гудъ, не только къ Троицкосавску или Кяхтѣ, но и къ какому-либо большому городу; но во всякомъ случаѣ, многіе изъ мыслей этого американца необходимо имѣть въ виду, если не какъ программу для осуществленія, то какъ руководящую нить для будущаго, какъ образецъ того, какимъ требованіямъ со временемъ могутъ удовлетворять мѣстные музеи.

Д. Клеменцовъ.

Иркутскъ.

20 Февраля 1893 года.

МУЗЕИ БУДУЩАГО.

(Лекція сэра Броуна Гудда, читанная въ 1889 г. 28 февраля въ Бруклинѣ, въ Америкѣ).

Есть восточная поговорка, что разстояніе между ухомъ и глазомъ мало, но разница между слухомъ и зрѣніемъ велика.

Болѣе сжатая, но не менѣе сильная есть и у насъ поговорка: «видѣть значитъ знать» (to see is to know). Въ нашъ дѣловой, критическій и скептическій вѣкъ всякій стремится узнать все, а жизнь слишкомъ коротка для этого. Зрѣнію работы все больше и больше, слуху все меньше и меньше, и рядомъ съ этимъ описательное изложеніе уступаетъ мѣсто картинамъ, а картины въ свою очередь замѣняются настоящими предметами. Діаграммы и предметы для нагляднаго обученія, неизвѣстные тридцать лѣтъ тому назадъ, теперь распространены повсюду въ школахъ. Публичный лекторъ, чтобы лучше запечатлѣть свои слова, употребляетъ волшебный фонарь, издатель иллюстрируетъ свои журналы и сборники гравюрами во сто разъ болѣе многочисленными и изящными, чѣмъ прежде; купецъ и мануфактуристъ также рекламируютъ свои товары посредствомъ рисунковъ и наглядныхъ изображеній. Старинный мѣстный базаръ превратился въ громадную выставку часто международную; выставки эти поощряются правительствомъ, и тысячи такихъ выставокъ учреждались въ послѣдніе сорокъ лѣтъ, начиная отъ Японіи до Тасманіи, отъ Норвегіи до Бразиліи. При господствѣ такого направленія музеевъ, казалось-бы, долженъ былъ занять выдающееся мѣсто, такъ какъ онъ составляетъ самое могущественное и полезное пособіе при всякихъ видахъ нагляд-

наго обученія. Но наша современная организація музеевъ не соотвѣтствуетъ потребностямъ времени. Мы не отвѣчаемъ запросамъ нашего народа и въ этомъ отношеніи мы отстали отъ Англіи, Германіи, Франціи, Итали и Японіи.

Правда, у насъ есть два или три центра широкаго развитія музейнаго дѣла, за то въ теченіи двадцати лѣтъ открылось мало новыхъ, а многіе изъ старыхъ находятся въ состояніи неподвижности. Такъ не можетъ продолжаться долго. Музей прошедшаго долженъ быть отодвинутъ на задній планъ, перестроенъ и превращенъ изъ кладовой со всякой всячиной въ нитомникъ живыхъ мыслей. Музей будущаго долженъ стать бокъ о бокъ съ библіотекой и лабораторіей, какъ одна изъ составныхъ частей учебныхъ пособій коллегій и университетовъ, и въ большихъ городахъ долженъ дѣйствовать сообща съ публичной библіотекой въ качествѣ одного изъ главныхъ двигателей народнаго просвѣщенія.

Чтобы опредѣлить истинное значеніе слова «музей», бросимъ бѣглый взглядъ на далекое прошлое нашей исторіи, когда наши предки, сотни поколѣній тому назадъ, участвовали въ великомъ переселеніи народовъ, населившихъ Европу племенами центральной Азіи.

Очень удачно сказано, что древняя исторія Греціи составляетъ первую главу въ политической и умственной жизни Европы. Намъ надо обратиться къ исторіи Греціи, чтобы опредѣлить происхожденіе идеи музея, которая привилась только среди европейской отрасли великой индо-германской и арійской семьи обитателей міра.

За много столѣтій до изобрѣтенія письменности, вдоль береговъ сѣверной Греціи, по склонамъ горъ Олимпа и Геликона жилъ народъ, который позднѣйшіе греки звали «фракійцами»; это была полумифическая раса; даже языкъ ея остался неизвѣстнымъ. По устнымъ сказаніямъ, дошедшимъ до насъ, это была раса бардовъ; ей приписывается особенная легендарная поэзія догомеровскихъ временъ, въ которой впервые были олицетворены вполне ясно могущественныя

силы природы. Эта поэзія, какъ предполагають, относится къ тому времени, когда предки грековъ покинули свою индо-европейскую родину, но не успѣли еще завладѣть вполне землями, на которыхъ впослѣдствіи мы видимъ эллиновъ. Духи природы говорили съ чуткими душами бардовъ-фракійцевъ при посредствѣ журчанія ручьевъ или пѣнія птицъ, и каждая изъ силъ или проявленій природы олицетворялась этими пѣвцами и становилась предметомъ культа.

Духи существовали въ каждомъ лѣсу и на каждой горѣ, но только во Фракіи жили музы-покровительницы науки и памяти, хранительницы всякой мудрости, сообщившія своимъ ученикамъ знанія и искусство письма.

Музей, на языкѣ древней Греціи, было мѣстопребываніе музъ. Сначала это были лѣса Парнаса и Геликона, а потомъ храмы въ различныхъ мѣстахъ Эллады. Вскорѣ, однако-же, значеніе этого слова измѣнилось и имъ стали обозначать мѣсто обученія или школу. Аѳинянинъ во второмъ столѣтіи описываетъ Аѳины, какъ «музей Греціи», и это-же названіе было примѣнено къ той части Александрійскаго дворца, которая была предназначена исключительно для занятій науками и въ которой помѣщалась знаменитая Александрійская бібліотека. Александрійскій музей представлялъ собою громадный университетъ, постоянное мѣстопребываніе мужей науки и литературы, которые раздѣлялись на нѣсколько группъ или коллегій и каждая изъ нихъ имѣла свой опредѣленный, весьма приличный бюджетъ.

Александрійскій музей былъ сожженъ во время Цезаря и Аврелія п, начиная съ IV до XVII столѣтія, терминъ «музей», обозначающій большое публичное учрежденіе, выводится изъ употребленія. Исчезновеніе какого-нибудь слова служить указаніемъ на то, что идея, для выраженія которой оно существовало, впала въ немилость; такъ оно было на самомъ дѣлѣ и съ музеемъ.

Исторіи музея и бібліотеки идутъ параллельно другъ другу. Существованіе теперешнихъ бібліотеки и музея сдѣ-

алось возможнымъ только тогда, когда развились науки и искусства, когда письменная литература получила обширное распространѣніе и образовался слой общества, посвятившій себя литературнымъ и научнымъ занятіямъ. Наши музеи гораздо менѣе похожи на свои прототипы, чѣмъ наши бібліотеки.

Въ древности существовали уже галлерей живописи и скульптуры, называвшіяся музеями. Публичныя коллекціи картинъ и статуй мы видимъ въ Греціи и Римѣ уже въ очень ранній періодъ. Въ одной изъ мраморныхъ залъ Прописея въ Афинахъ была галлерей картинъ (Пинакотека), а въ Римѣ была роскошная публичная выставка произведеній искусства. М. Дезобри, въ своемъ блестящемъ трудѣ — «Римъ во времена Августа» — описываетъ эту эпоху Римской цивилизаціи въ первомъ столѣтіи до Р. Х.

«Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ очерковъ: «любовь къ живописи развилась въ необыкновенной степени. Въ прежнее время картины можно было найти только въ храмахъ, гдѣ онѣ были выставлены не столько съ цѣлью украшенія, какъ въ знакъ почтенія къ богамъ; теперь же онѣ повсюду — не только въ храмахъ, въ частныхъ домахъ и въ общественныхъ зданіяхъ, но также прямо на наружныхъ стѣнахъ, на открытомъ воздухѣ. Римъ представляетъ сплошную галлерей живописи; форумъ Августа изобилуетъ картинами, ихъ можно видѣть также на форумѣ Цезаря, на римскомъ форумѣ, подъ перестылями многихъ храмовъ и въ особенности въ портикахъ, служившихъ мѣстами публичныхъ гуляній и сборищъ; многія изъ нихъ буквально переполнены ими. Такимъ образомъ каждый имѣетъ возможность любоваться ими и притомъ во всякое время дня».

Власти Рима въ позднѣйшій періодъ его исторіи тоже старались удовлетворить вкусу народа къ произведеніямъ искусства. Они думали, что столица великой націи должна быть украшена всѣми лучшими произведеніями цивилизаціи. Плиній говоритъ, что Цезарь во времена своего диктаторства

купилъ за 300,000 динаріевъ двѣ греческія картины и выставилъ ихъ для публича, и что Агриппа помѣстилъ много драгоценныхъ произведеній искусства въ залу, которую онъ выстроилъ и завѣщалъ римскому народу. Константинъ собиралъ въ Константинополь картины и статуи великихъ художниковъ, такъ что городъ передъ его разрушеніемъ представлялъ, подобно Риму, громадный музей.

Вкусъ къ произведеніямъ искусства во времена древней цивилизаціи господствовалъ вообще по всему побережью Средиземнаго моря, и есть много данныхъ предполагать, что прототипы новѣйшихъ музеевъ существовали въ Персіи, Ассиріи, Вавилонѣ и Египтѣ такъ-же, какъ и въ Римѣ.

Существовали также несомнѣнно и естественно-историческія коллекціи, хотя у насъ нѣтъ точныхъ описаній ихъ. Естественно-историческія рѣдкости, конечно, проникали въ частныя коллекціи монарховъ, и несомнѣнно ими также пользовались при занятіяхъ ученые въ Александрійскомъ музеѣ. Аристотель въ четвертомъ столѣтіи до Р. Х. имѣлъ, какъ говорятъ, громадную коллекцію монетъ для пользованія при своихъ ученыхъ изысканіяхъ, а Александръ Великій, его патронъ, посылалъ ему громадныя зоологическія коллекціи, которыя собирались въ покоренныхъ имъ странахъ, и нѣсколько тысячъ человѣкъ было отдано въ распоряженіе Аристотеля для занятій охотой, рыболовствомъ и для производства наблюдений, необходимыхъ при составленіи его исторіи животныхъ. Судя по всему сказанному, мы можемъ предполагать, что у Аристотеля былъ большой естественно-историческій музей.

Когда римская столица была перенесена въ Византію, искусства и литература Европы стали приходить въ упадокъ. Господствующая церковь не поощрала ихъ, а нашествіе сѣверныхъ варваровъ уничтожило все. Въ 476 году, съ паденіемъ Западно-Римской Имперіи, начался періодъ умственного застоя, продолжавшійся тысячу лѣтъ. Наука и литература снова ожили прежде всего въ Багдадѣ и Кордовѣ, и

Африка перенесла Европу своим библиотеками. Съ возрожденіемъ наступилъ періодъ новой жизни для коллекторовъ. Церкви южной Европы превратились въ художественныя галлерей, а монархи, дворянство и духовенство стали собирать книги, рукописи, статуи, керамическія издѣлія и драгоценныя камни и положили этимъ начало коллекціямъ, разросшимся впоследствии въ публичныя музеи. Нѣкоторыя изъ этихъ коллекцій несомнѣнно получили начало еще въ средніе вѣка въ стѣнахъ феодальныхъ замковъ или большихъ монастырей, но число ихъ не велико и онѣ должны были состоять преимущественно изъ предшествовъ, близкихъ ко вкусамъ средневѣковыхъ книжниковъ и направленію тогдашней литературы. Идеи великаго національнаго музея наукъ и искусствъ была впервые выражена лордомъ Бэкономъ въ его «Новой Атлантикѣ» — философскомъ романѣ, изданіемъ въ концѣ семнадцатаго столѣтія. Первый настоящій научный музей былъ основанъ въ Оксфордѣ въ 1667 г. Эліасомъ Асмоу; онъ извѣстенъ и до сихъ поръ подъ именемъ Асмоу-леанскаго музея и состоитъ преимущественно изъ естественно-историческихъ коллекцій, собранныхъ ботаниками Традескантами, сыномъ и отцомъ, въ Виргиніи и сѣверной Африкѣ. Вскорѣ послѣ этого, въ 1753 г., былъ основанъ по парламентскому акту Британскій музей. Мысль объ этомъ учрежденіи была вызвана сэромъ Гансомъ Слэномъ, который, въ 1749 г., умирая, оставилъ націю свою драгоценную коллекцію книгъ, рукописей и рѣдкостей.

Многіе изъ большихъ музеевъ Европы составились изъ частныхъ коллекцій царственныхъ особъ. Франція первая въ 1789 году переименовала частныя королевскія коллекціи въ національныя, когда въ 1789 г. Лувръ перешелъ въ вѣдѣніе республиканскаго правительства. Демократическая Англія осталась въ этомъ отношеніи позади Франціи.

За сто лѣтъ передъ этимъ, когда Карлъ I былъ казненъ, по распоряженію парламента, его великолѣпная частная коллекція разошлась по рукамъ. Какое благодѣяніе было-бы

для современной Англіи, еслибъ у послѣдователей Бромвеля явилась мысль объ основаніи національнаго музея.

Интеллектуальная жизнь Америки такъ тѣсно связана съ интеллектуальной жизнью Англіи, что вновь проявившійся тамъ въ половинѣ нынѣшняго столѣтія интересъ къ музеямъ и развитію народнаго образованія не можетъ не имѣть особеннаго значенія для насъ.

Великая выставка 1851 г. дала главный толчекъ промышленному преобразованію Англіи, той великой реформѣ, которая наступила тотчасъ за введеніемъ желѣзныхъ дорогъ и превратила феодальную и земледѣльческую Англію въ Англію демократическую и коммерческую. Эта выставка составляетъ эпоху въ интеллектуальномъ развитіи народовъ, говорящихъ на англійскомъ языкѣ. «Великая выставка», говоритъ одинъ популярный романистъ и мыслитель: «оказала большую услугу деревенскому жителю: она показала ему, какъ легко понасть въ Лондонъ и какой неистощимый источникъ для разсказовъ и разговоровъ съ односельчанами представляетъ этотъ огромный городъ». Наша собственная выставка, по случаю столѣтняго юбилея Соединенныхъ Штатовъ въ 1876 г., была великимъ откровеніемъ для народовъ, населяющихъ ихъ.

Страна получила понятіе о вещахъ, до тѣхъ поръ для нея неизвѣстныхъ. И мы только можемъ пожалѣть, что система музеевъ не получила у насъ такого широкаго развитія, какого она достигла въ нашей метрополіи.

При разумномъ руководствѣ Соутъ-Кенсингтонской администраціи, какъ результатъ событія 1851 г., разрослась громадная сѣть педагогическихъ и общеобразовательныхъ музеевъ по всей Великобританіи. Подобное распространеніе публичныхъ музеевъ въ нашей странѣ вполне соответствовало-бы потребностямъ времени, на которыя указываютъ уже стремленія къ развитію университетскаго образованія. Англія имѣла въ своемъ распоряженіи почти сорокъ лѣтъ для осуществленія этихъ стремленій, со времени-же нашей выставки

прошло только тринадцать. Не можемъ-ли мы надѣяться, что въ подобный-же періодъ времени и даже раньше 1914 года Соединенные Штаты достигнутъ того-же положенія, которое занимаетъ теперь Англія, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается заботъ о развитіи народнаго образованія и участія правительства въ этомъ дѣлѣ?

Теперь въ Соединенныхъ Штатахъ сто пятьдесятъ публичныхъ музеевъ, дѣятельныхъ и полезныхъ. Система музеевъ Великобританіи гораздо ближе, какъ мнѣ кажется, къ идеалу, къ которому должна-бы стремиться Америка, чѣмъ системы музеевъ Франціи и Германіи. Музеи Англіи болѣе заботливо приспособлены къ удовлетворенію народныхъ потребностей и находятся въ болѣе близкой связи съ распространеніемъ народнаго образованія. Сэръ Генри Соль, основатель «Департамента наукъ и искусствъ», въ своей рѣчи по поводу музея, находящагося на его попеченіи, сказалъ народу въ Бирмингемѣ въ 1874 году: «Если вы хотите, чтобы ваши школы наукъ и искусствъ были плодотворны, чтобы ваше тѣло, воздухъ и пища были здоровы, чтобы жизнь ваша была долга, чтобы совершенствовалась ваша мануфактура и расширялась ваша торговля, чтобы народъ вашъ былъ цивилизованъ; вы должны имѣть музей наукъ и искусствъ, которые должны наглядно учить тому, что нужно для сохраненія жизни, здоровья, для пониманія природы, науки, искусства и красоты.

Кромѣ того, онъ высказалъ мысль настолько-же приложимую къ нынѣшней Америкѣ, настолько она была справедлива относительно Англіи въ 1874 г.: «Совершенное воспитаніе и изученіе наукъ и искусствъ составляютъ жизненную потребность для націй, если она желаетъ сохранить то мѣсто, которое она занимаетъ теперь въ цивилизованномъ мірѣ. Наука и искусство—это питающая кровь, безъ которой невозможны успѣхи промышленности. Всѣ цивилизованныя націи стремятся перегнать насъ, и наше національное паденіе начнется съ того времени, когда мы остановимся въ дѣлѣ

развитія образованія, науки и искусства. То, что сдѣлано, составляетъ только первый шагъ къ тому, что остается еще сдѣлать».

Музеи будущаго въ нашей странѣ должны быть приспособлены къ потребностямъ механика, мануфактуриста, садовника, скотопромышленника и клерка, и къ потребностямъ дѣловаго человека и человека пользующагося досугомъ. Необходимо также, чтобы рядомъ съ музеями существовали лаборатории и специальные библіотеки для подготовки свѣдущихъ людей, которые-бы организовали, устроили музей и давали имъ объясненія. Въ лабораторіяхъ должна идти дѣятельная, кипучая работа, чтобы поддержать кредитъ тѣхъ учреждений, при которыхъ онѣ основаны. Не можетъ расти и пользоваться уваженіемъ тотъ музей, который не даетъ каждый годъ новаго доказательства того, что онъ стоитъ на стражѣ умственаго движенія страны.

Съ другой стороны публика имѣетъ право требовать, чтобы принималось во вниманіе ея интересы. Она охотно согласится, чтобы консерваторъ музея употреблялъ часть своего времени на изысканія и опыты. Она будетъ гордиться тѣмъ, что музей обладаетъ десятками тысячъ предметовъ, интересныхъ только для специалистовъ, предметовъ, постоянно скрытыхъ отъ взоровъ публики, но необходимыхъ для научныхъ изслѣдованій. Эти предметы составляютъ фундаментъ научнаго зданія, который обусловливаетъ устойчивость учрежденія. Но надобно стараться, не жадя никакихъ трудовъ, чтобы сдѣлать матеріалы музея возможно доступными для публики, выставлять ихъ въ залахъ и галлерейхъ. Предметы должны быть препарированы съ возможной тщательностью, артистически и красиво расположены въ хорошо приспособленныхъ витринахъ съ вполне прозрачными стеклами. Каждый предметъ долженъ быть снабженъ ярлыкомъ, съ обозначеніемъ названія и исторіи предмета настолько полной, чтобы она отвѣчала заранее на всѣ вопросы, могущіе возникнуть въ умѣ посетителя. Справочныя книги должны находиться въ

соответствующихъ мѣстанъ. Опраска стѣнъ, ящиковъ и ярыковъ не должна раздражать зрѣніе и повсюду должна находиться удобная мебель, такъ какъ, ходя по музею и осматривая его, посетитель захочетъ наклонить и отдохнуть. Однимъ словомъ, публичный музей прежде всего служить для пользы общества.

Если число консерваторовъ недостаточно, каждый изъ нихъ долженъ посвящать часть своего времени заламъ, открытымъ для публики. Если составъ увеличится, возможно будетъ для специализаціи дѣла устроить такъ, чтобы одни посвящали свое время безъ помѣхи лабораторному дѣлу, между тѣмъ какъ другіе занимались-бы объясненіемъ коллекцій и ихъ установкой. Я надѣюсь и твердо увѣренъ, что черезъ пятьдесятъ лѣтъ каждое американское общество, насчитывающее пять или болѣе тысячъ жителей, будетъ имѣть публичную библіотеку, вѣренную опытному библіотекарю. Какъ-бы мала она ни была, ея вліяніе на народъ будетъ имѣть громадное значеніе. Одна изъ самыхъ прискорбныхъ вещей въ этой жизни есть сознаніе, что со смертію старѣйшихъ изъ членовъ общества теряется для міра такъ много драгоценнаго по отношенію къ знанію и опыту. При посредствѣ же книгъ человѣчество пользуется трудомъ прошедшихъ поколѣній и имѣетъ возможность избѣгать уже пережитыхъ другими заблужденій.

Теперь, когда печатаніе дешево и писатели многочисленны, легко можетъ быть пропущена безъ вниманія какая-нибудь хорошая и честная мысль. Ежедневныя газеты, а главное непомѣрно разившіеся, громадные воскресные листки похожи на сорную траву въ саду, широкіе листья которой не только истощаютъ землю, но и скрываютъ отъ глазъ болѣе скромныя и болѣе полезныя растенія, развивающіеся медленно.

Мы находимъ очень поучительнымъ очеркъ «Капиталъ и культура въ Америкѣ», недавно появившійся въ одномъ изъ Англійскихъ журналовъ. Авторъ его, хорошо извѣстный англо-американскій астрономъ, смѣло утверждаетъ, будто съ

каждымъ годомъ дѣлается очевидно, что вопреки быстрому увеличенію въ Америкѣ числа культурныхъ людей, какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, нація въ культурномъ отношеніи приходитъ въ упадокъ. Прежде было до 500 городовъ въ Америкѣ, которые стремились къ различнымъ развлечениямъ, достойнымъ цивилизованныхъ обществъ: — концерты, лекціи, чтенія художественныхъ, литературныхъ и научныхъ произведеній и тому подобное устраивались и шли успѣшно изъ сезона въ сезонъ. Теперь врядъ-ли можно насчитать только пятьдесятъ городовъ, гдѣ еще поддерживаются прежнія культурныя стремленія, несмотря на то, что большинство не сочувствуетъ имъ.

Научныя, литературныя и артистическія общества, процвѣтавшія прежде, теперь умираютъ или умерли во многихъ городахъ, несмотря на то, что благосостояніе и численность народонаселенія ихъ увеличились. Авторъ приводитъ въ примѣръ Чикаго, какъ типъ американскихъ городовъ, и затѣмъ приводитъ цѣлый рядъ доказательствъ его культурнаго упадка въ продолженіи послѣднихъ шестнадцати лѣтъ.

Народный музей не долженъ быть только зданіемъ, наполненнымъ предметами въ стеклянныхъ шкафахъ. Онъ долженъ быть наглядною, систематическою выставкою идей.

Я однажды пытался выразить эту мысль словами: «настоящій музей, преслѣдующій воспитательныя задачи, можно опредѣлить, какъ коллекцію учебниковъ въ видѣ ярлычковъ, изъ которыхъ каждый иллюстрированъ хорошо подобранными предметами».

Музей, прибавлю я, не долженъ быть только коллекціей предметовъ, хорошо расположенныхъ и вѣрно обозначенныхъ. Подобно библіотекѣ онъ долженъ быть подъ постояннымъ наблюденіемъ одного или нѣсколькихъ лицъ, хорошо ознакомившихся съ нимъ, научно и практически развитыхъ, съ выработаннымъ вкусомъ и притомъ людей, способныхъ оказать помощь въ дѣлѣ воспитанія.

По моему, не слѣдуетъ основывать музея для лицъ, находящихся въ младенческой или школьной стадіи существованія. Въ настоящее время учитель публичной школы, снабженной иллюстрированными изданіями, діаграммами и другими наглядными пособиями, имѣетъ подъ руками матеріалъ, котораго совершенно достаточно, чтобы помочь ему обучать его питомцевъ. Школьный періодъ обнимаетъ по большей части только время между пятью и пятнадцатью годами, онъ оканчивается у большинства людей прежде, чѣмъ ихъ умъ достигъ стадіи развитія наиболѣе благоприятной для воспринятія и ассимилированія лучшихъ и полезнѣйшихъ понятій. Почему-же насъ окормливаютъ наукой въ дѣтскую пору жизни и оставляютъ въ состояніи умственнаго голода вирожденіи всей остальной, начиная отъ періода зрѣлости до старости? Это жестоко и непростительно, такъ какъ любовь къ умственнымъ занятіямъ отчасти уже сформировалась, возбуждается въ насъ въ школьный періодъ времени. Связь и отношенія между библіотекой и музеемъ требуютъ выясненія.

Первая, если названіе вѣрно передаетъ ея назначеніе обозначаетъ прежде всего книгохранилище. Второй—хранилище предметовъ всякаго рода, не исключая и книгъ. Британскій музей съ своими библіотеками, своими картинными галереями, археологическими, антропологическими, геологическими, ботаническими и зоологическими коллекціями служитъ самымъ яснымъ примѣромъ того, что обозначаетъ собою терминъ—музей. Профессоръ Гексли называлъ музей «консультативной библіотекой предметовъ». Это опредѣленіе удобопонятно, но неудовлетворительно. Оно относится только къ содержанию музея, отличая его отъ содержимаго библіотеки, но не указываетъ на разницу методовъ пользованія ими. Сокровища библіотеки должны быть разсматриваемы каждое отдѣльно и однимъ лицомъ; пользованіе ими требуетъ продолжительнаго вниманія. Книга должна быть для употребленія временно взята съ своего мѣста, изъята изъ систематическаго ряда по-

добныхъ ей. Музейныя-же сокровища представляются на разсмотрѣніе публики группами, въ систематическомъ порядкѣ, такъ что они имѣютъ какъ коллективное, такъ и индивидуальное значеніе. Сверхъ того, значеніе многихъ изъ нихъ можетъ быть опредѣлено при одномъ взглядѣ на нихъ. Музей развиваетъ способность къ наблюденію и случайный посѣтитель узнаетъ много новаго для себя и при помощи однихъ ярлыковъ формируетъ свои собственныя понятія. Въ библіотекѣ каждый воспринимаетъ понятія другого лица. Библіотека полезна для образованныхъ, музей-же одинаково полезенъ и для образованныхъ, и для необразованныхъ, для толпы такъ-же, какъ и для исключительныхъ личностей, и является могущественнымъ стимуломъ интеллектуальной дѣятельности во всѣхъ слояхъ общества. Вліяніе музея на общество не такъ сильно, какъ вліяніе библіотеки, но оно простирается на гораздо большее число людей. Національный музей имѣетъ 300,000 посѣтителей въ годъ, изъ которыхъ каждый выносить отсюда извѣстное количество новыхъ мыслей.

И музей, и библіотека могутъ помѣщаться бокъ о бокъ въ одномъ и томъ-же зданіи и, если нужно, могутъ находиться подъ управленіемъ одного и того-же лица, не только не мешая, но даже помогая другъ другу. Что близость хорошей библіотеки абсолютно необходима для пользы музея, съ этимъ согласится каждый.

Я увѣренъ, поэтому, что музей, разумно организованный и надлежащимъ образомъ устроенный, несомнѣнно принесетъ выгоду библіотекѣ, около которой онъ находится, возбуждая интересъ къ книгамъ, увеличивая общую популярность и усиливая ея доходы.

Приобрѣтеніе многихъ книгъ, особенно-же цѣнныхъ, должно составлять первую задачу музейнаго дѣла, но не съ цѣлью соперничества съ библіотекой. (Въ случаѣ надобности нѣкоторыя книги можно имѣть въ двойныхъ экземплярахъ). Часто случается даже, что книги не только сохраняются, но и полезны въ музеѣ, чѣмъ на полкахъ библіотеки, такъ

какъ въ музеѣ онѣ выставлены ежедневно на показъ тысячамъ, тогда какъ въ библіотекѣ о существованіи многихъ изъ нихъ забываютъ всѣ, за исключеніемъ библіотекаря. О книгѣ Одибона «Птицы Сѣверной Америки» всякій слышалъ и всякому необходимо видѣть ее по крайней мѣрѣ хотъ разъ въ жизни. Въ библіотекѣ ее не раземотрятъ, вѣроятно, и десять человекъ въ годъ; въ музеѣ-же томы выставлены для осмотра въ стеклянныхъ ящикахъ, нѣкоторыя изъ наиболѣе интересныхъ таблицъ вставлены въ красивыя рамки и повѣшены тутъ-же на стѣнѣ, такъ что ихъ можетъ разсматривать всякій мимо проходящій.

Съ своей стороны библіотека можетъ служить во многихъ отношеніяхъ подспорьемъ музею. Рисунки часто лучше, чѣмъ предметы, иллюстрируютъ какое-нибудь понятіе. Человѣческія племена и ихъ распредѣленіе могутъ быть представлены только при помощи рисунковъ и картъ. Атласы этнологическихъ портретовъ и карты могутъ быть изъяты изъ библіотеки, если по близости есть музей, въ которомъ они могутъ быть выставлены.

Есть и другой родъ хранилищъ, которыя хотя и похожи по внѣшнему виду на музеи и часто смѣшиваются съ ними и называются также музеями, но въ дѣйствительности не имѣютъ съ послѣдними ничего общаго. Это художественныя галлерей. Научныя тенденціи современной мысли проникли во всѣ отдѣлы человѣческой дѣятельности, даже оказали вліяніе на изящныя искусства. Многія галлерей называются теперь музеями, а присвоеніе имени обыкновенно ведетъ къ принятію въ большей или меньшей мѣрѣ научнаго метода классификацій предметовъ. Разница между музеями и галлерейми состоитъ только въ системѣ веденія ихъ. Musée des Thermes и Musée de Cluny въ Парижѣ, несмотря на ихъ названіе, только простыя галлерей рѣдкостей. Ихъ содержаніе расположено прежде всего съ цѣлью произвести эффектъ. Древнія монастырскія зданія, въ которыхъ они помѣщаются, служатъ

великобѣннымъ образчикомъ внутренняго средне-вѣковаго декоративнаго убранства.

Музей Кляни весьма красивое и поучительное мѣсто. Я не желалъ-бы видѣть его инымъ, чѣмъ оно есть, но оно навсегда останется единичнымъ и единственнымъ примѣромъ въ своемъ родѣ. Эффектная обстановка, дѣлающая его столь привлекательнымъ, была-бы раззорительна для музея. Онъ, болѣе чѣмъ какой-либо другой изъ живѣстныхъ мѣъ музеевъ, ставитъ на первый планъ эффектное, артистическое расположеніе своихъ коллекцій. Но надобно сознаться, что тотъ-же матеріалъ въ рукахъ какого-нибудь Клема или Питъ Риверса, приспособленный для нагляднаго изученія исторіи человѣческой мысли, былъ-бы гораздо интереснѣе и, еслибъ за дѣло взялся благоразумно, не былъ-бы лишенъ своей артистической привлекательности. Другую коллекцію, подобную только-что описанной, представляетъ собою Seoam Museum въ Лондонѣ. Потомъ слѣдуетъ упомянуть знаменитую коллекцію королевскихъ драгоценныхъ камней и металлическихъ предметовъ въ Дрезденѣ, съ которой рядомъ можно поставить коллекцію, хранящуюся въ Лондонѣ въ Тоуэрѣ, Берлинскій Гогенцоллернскій музей и музей города Парижа, въ силу вещей единственные въ своемъ родѣ.

Подобныя коллекціи не могутъ быть искусственно созданы. Онѣ увеличиваются, повинаясь закону природы, совершенно такъ, какъ растутъ дерево или губка, по мѣрѣ естественнаго накопленія матеріала, исторически.

Городъ, обладающій подобнымъ наслѣдствомъ, такой-же счастливецъ, какъ и обладатель историческаго имени или наслѣдникъ генія, накопившагося въ послѣдовательномъ рядѣ поколѣній даровитыхъ предковъ. Обладаніе однимъ или двумя десятками подобныхъ храмовъ искусства не освобождаетъ однако-же общество отъ обязанности основывать музеи съ цѣлью образованія народа и для научныхъ изслѣдованій.

Основаніе публичнаго музея въ городѣ, подобномъ Бруклину, является такимъ дѣломъ, важность котораго не можетъ

быть оценена въ достаточной мѣрѣ. Основатели подобныхъ учреждений часто не представляютъ себѣ, какъ много они дѣлаютъ для будущаго. Случай, подобный тому, который выпадаетъ теперь на долю членовъ бруклинскаго института, можетъ явиться только однажды въ жизни націи. Очень возможно, что отъ лицъ, собравшихся теперь въ этой залѣ, зависитъ рѣшеніе, обуславливающее будущій интеллектуальный прогрессъ всей націи; это-же рѣшеніе опредѣлитъ и то положеніе, которое займетъ въ этомъ прогрессѣ Бруклинь—придется-ли ему идти во главѣ его или остаться далеко позади.

Многіе изъ моихъ слушателей, безъ сомнѣнія, знаютъ ту густо населенную пустыню, которая занимаетъ пространство вдвое больше Бруклина; я говорю о восточномъ концѣ Лондона, среди котораго теперь находится рѣдко встрѣчающійся интеллектуальный оазисъ. Кто можетъ сказать, насколько отличалось-бы его положеніе отъ теперешняго, если-бы апостольскіе труды Вальтера Безанта начались столѣтіемъ раньше и если-бы Народный Дворецъ, это чудесное осуществленіе поэтическихъ фантазій, явился-бы тремя поколѣніями раньше, оваря своимъ свѣтомъ жизнь обитателей Нижняго Гемлета и Гекная.

Библіотеки и музеи не возникаютъ всегда тамъ, гдѣ они нужны. У насъ, какъ правительство штата, такъ и союзное и городское самоуправленіе не отличаются духомъ отеческой попечительности.

Оно много отстало въ этомъ отношеніи отъ Англіи; тамъ, несмотря на общепризнанную теорію частной инициативы, правительство, подъ руководствомъ покойнаго принца Консорта и принца Уэльскаго, надѣлало чудесъ во всѣхъ провинціальныхъ городахъ, такъ-же какъ и въ Лондонѣ, покровительствуя библіотекамъ, музеямъ, искусству и промышленному образованію. Какъ-бы много государство ни помогало дѣлу, частная инициатива должна вести свое дѣло, организовать и расчищать путь. При основаніи музея его бюджетъ является

однимъ изъ главныхъ вопросовъ, особенно въ такомъ большомъ городѣ, какъ Бруклинъ, который имѣетъ высокое понятіе о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ умственному развитію своего населенія и поддержанію своего достоинства.

Даровая служба администраціи музея, даже когда за нее берутся люди преданные и добросовѣстные, подъ конецъ окажется неудовлетворительной. Еще менѣе возможно для порядочнаго музея обойтись безъ крупныхъ затратъ на пріобрѣтеніе коллекцій и ихъ установку.

Хорошая администрація имѣетъ немаловажное значеніе. Что касается завѣдующаго музеемъ, въ музеѣ-ли наукъ или въ музеѣ искусствъ, то почти излишне говорить, что онъ долженъ обладать возможно лучшими качествами; это долженъ быть человѣкъ даровитый, преданный дѣлу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опытный. Управление музеями и выставками сдѣлалось въ послѣдніе годы особой профессіей, и тщательное изученіе системъ веденія ихъ—дѣло первой необходимости для завѣдующаго музеемъ. Если новый администраторъ лишенъ опытности, учрежденіе, избравшее его, должно дать ему средства пріобрѣсти эту опытность и издержекъ на это жалѣть нечего. Ничто не принесетъ такой пользы музею, какъ устройство фонда на уплату жалованья администраціи. Около кружка людей съ признанной репутаціей и административнымъ тактомъ соберется цѣлый штабъ добровольныхъ помощниковъ; трудъ послѣднихъ, при правильной поддержкѣ и разумно направленный, даетъ неоцѣнимые результаты. Были-бы кровь и мозгъ въ организмѣ, а развитіе тѣла пойдетъ своимъ порядкомъ. Внѣшніе-же покровы, одежда—дѣло второстепенное. Гораздо лучше нанять зданіе для временнаго пользованія, или выстроить простыя изъ огнеупорнаго матеріала казармы, чѣмъ воздвигать капитальное зданіе музея, не выяснивши себѣ предварительно, изъ чего будетъ состоять его личный составъ и въ чемъ будетъ заключаться содержимое музея. Какъ было уже сказано, музей долженъ тратить много

и много денег на приобретение коллекцій. Устройство и поддержка британскаго музея стоили уже націи около 30,000,000 фунтовъ стерлинговъ. До 1882 г. было истрачено больше 1,500,000 фун. ст. на приобретение художественныхъ коллекцій для одного Соутъ-Кенсингтона.

Подобныя траты приносятъ, впрочемъ,, хорошіе проценты національному капиталу. До 1882 года, почти за двадцать лѣтъ существованія, зданіе и содержаніе соутъ-кенсингтонскаго музея стоили націи около 5,000,000 фун. стерл., но вполне компетентные авторитеты были убѣждены въ томъ, что продажа музея съ аукціона дала-бы не менѣе 100,000,000 фун. ст. Здѣсь стало быть на каждый истраченный долларъ прибрѣтается почти 20 долларовъ. Кстати, не лишнее будетъ привести здѣсь слова одного изъ наиболѣе опытныхъ администраторовъ англійскихъ музеевъ (сэра Филиппа Коллайфа Оуэна); онъ много лѣтъ тому назадъ, на вопросъ американцевъ—смогутъ-ли они основать большое публичное учрежденіе по образцу кенсингтонскаго—отвѣтилъ: «Пусть они положатъ начало дѣлу, ростъ его нельзя будетъ остановить и очень вѣроятно, что увеличеніе превзойдетъ количество затраченныхъ силъ, какъ оно превысило затраты и нашихъ силъ. Прежде всего требуется одинъ или два умныхъ человека, имѣющихъ средства на постройку хорошаго зданія на участкѣ земли значительно большею, чѣмъ тотъ, который требуется подъ самое зданіе. Тамъ, гдѣ обезпечено солидное и свѣтлое помѣщеніе для выставки, въ зданіи безопасномъ отъ огня, и гдѣ будутъ его тщательно оберегать день и ночь, тамъ не придется долго ждать обильнаго притока сокровищъ. Главное, обращайтесь вниманіе на внутреннее содержаніе, а не тратьте свои силы и деньги на внѣшнее великолѣпіе и украшеніе. Внутреннее содержаніе—первая забота, съ внѣшними украшеніями можно подождать до болѣе удобнаго времени».

Много будетъ дано, конечно, тому музею, который пользуется довѣріемъ общества,—многіе изъ этихъ даровъ очень

цѣнны, но многіе и бесполезны. Въ древности трояне не до-
вѣряли грекамъ, когда они приходили съ подарками. Адми-
нистраторъ музея долженъ остерегаться всякаго, кто предла-
гаетъ подарки. Безусловное даваніе можетъ быть обыкновенно
принято безъ колебанія, но даръ, обусловленный чѣмъ-либо,
за исключеніемъ только экстренныхъ случаевъ, не благо-
дѣяніе.

Дающій требуетъ, чтобы его коллекція была выставлена,
какъ нѣчто цѣлое, и сохранялась отдѣльно отъ всѣхъ дру-
гихъ. Если его коллекція имѣетъ при достаточной полнотѣ
чисто монографическій характеръ, то иногда желательно при-
нять ее на такихъ условіяхъ. Однако, надо взять за правило
лучше попробовать убѣдить дающаго согласиться, чтобы его
коллекціи были присоединены къ общей серіи, причемъ къ
каждому предмету долженъ быть прикрѣпленъ особый ясно
написанный ярлычекъ. Я не хотѣлъ-бы, чтобы мои слова были
истолкованы въ томъ смыслѣ, что даровыя коллекціи, при
хорошемъ управленіи, не должны играть самой выдающейся
роли въ дѣлѣ приращенія публичныхъ коллекцій. Я только
желаю обратить вниманіе на то, что музей, который прини-
маетъ безъ разбору пожертвованія, каковы бы они ни были,
и не пополняетъ эти пожертвованія усиленными и необходи-
мыми покупками, можетъ легко потерять систему и пойти
по ложно-направленному пути. Далѣе, если музей поддержи-
вается свободными и постоянно притекающими пожертвова-
ніями изъ общественныхъ или государственныхъ хранилищъ,
то обиліе выставочнаго матеріала можетъ наконецъ подавить
его. Необходимо, чтобы каждый музей, научный или худо-
жественный, запасалъ матеріалъ не только для выставочныхъ
залъ, но также и матеріалъ для лабораторій и складочныхъ
галлерей.

Умственная дѣятельность можетъ быть двоякаго рода—
или имѣютъ цѣлью накопленіе знаній, или-же распро-
страненіе ихъ; одна стремится къ изслѣдованіямъ и откры-
тіямъ, другая—къ воспитанію народа и приложенію научныхъ

истинъ въ видахъ улучшенія матеріальнаго благосостоянія. Усилія ученыхъ прилагаются иногда только къ одному изъ этихъ родовъ дѣятельности, иногда къ обоимъ, и большинствомъ передовыхъ учителей признано, что самые счастливые результаты, какъ для учащихся, такъ и для учащихся достигаются тогда, когда обученіе и изслѣдованіе идутъ рука объ руку. Еще ярче эта истина выступаетъ въ дѣлѣ преподаванія. Школы, сообщающія своимъ ученикамъ знанія только изъ вторыхъ рукъ, представляютъ уже явленіе отживающее, несоотвѣтствующее современному уровню требованій. Подобнымъ-же образомъ и музей, чтобы отправлять надлежащую ему функцію, долженъ содѣйствовать развитію образованія и путемъ приобрѣтенія новыхъ знаній, и посредствомъ распространенія ихъ.

Мы такъ часто говоримъ объ образовательныхъ музеяхъ и объ образовательной системѣ расположенія коллекцій, что можно опасаться извращенія смысла этихъ терминовъ. Образовательный музей, по популярному представленію, тотъ, въ которомъ даются объясненія коллекцій посѣтителямъ неспеціалистамъ,—учрежденіе для образованія народа при помощи наглядныхъ коллекцій и объяснительныхъ чтеній. Но, напримѣръ, музей при учебномъ заведеніи, хотя онъ и служитъ пособіемъ для образованія, не есть еще «образовательный музей» въ строгомъ смыслѣ, также и музей для научныхъ изысканій, какъ напримѣръ музей сравнительной зоологій въ Кембриджѣ, (въ Массачузетсѣ), не принадлежитъ къ этому типу, хотя въ ограниченныхъ предѣлахъ онъ и преслѣдуетъ цѣль народнаго образованія; но это уже его второстепенная функція.

Въ національномъ музеѣ въ Вашингтонѣ коллекціи раздѣлены на 2 большихъ разряда. Къ первому относятся коллекціи публичныхъ залъ, представляющія собою педагогическую часть музея; тамъ выставлены предметы на показъ публикѣ, тамъ все приспособлено къ тому, чтобы одѣлать осмотръ ихъ возможно занимательнымъ и поучительнымъ; ко второму принадлежатъ серіи научныхъ предметовъ, кото-

рья хранятся въ кабинетахъ для занятій и осматриваются почти одними только профессиональными изслѣдователями.

Въ каждомъ правильно устроенномъ музеѣ коллекціи должны съ самаго начала дѣлиться на эти 2 разряда и при распланировкѣ зданія администрація должна позаботиться не только о помѣщеніи для выставки предметовъ въ стеклянныхъ шкафахъ и витринахъ, но и о томъ, что-бы было гдѣ сохранять большія коллекціи, неудобныя для выставки, но важныя для занятій специалистовъ. Лордъ Бэконъ, которому, какъ я уже упоминалъ, первому пришла мысль основать большой научно-художественный музей, три столѣтія тому назадъ жаловался въ своей книгѣ «о движеніи науки впередъ», что пособія для научныхъ изслѣдованій служатъ только для праздної забавы, отчасти ради цѣлей преподаванія, а не для изысканія новыхъ истинъ. Безъ сомнѣнія, желательно было-бы приспособить исключительно къ цѣли народнаго образованія нѣкоторые чисто мѣстные музеи. Если они не могутъ сами помочь школамъ, то можно было-бы присоединить ихъ къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя могутъ выполнить это.

Общій характеръ музея долженъ быть ясно опредѣленъ при самомъ началѣ. Специализація и подраздѣленіе труда необходимы для учрежденій такъ-же, какъ и для отдѣльных личностей. Только большой національный музей можетъ надѣяться вмѣстить въ себѣ всѣ отдѣлы и можетъ поощрять сборъ коллекцій по всѣмъ специальностямъ.

Городскому музею, даже въ такомъ большомъ городѣ какъ Бруклинъ, нужно по возможности выбрать какое-нибудь специальное направленіе дѣятельности и главнымъ образомъ культивировать его. Если-же музею съ самаго начала придать энциклопедическій характеръ, то все-таки надо рѣшить, на какой отрасли слѣдуетъ сосредоточить вниманіе и развивать ее по преимуществу. Нѣкоторые музеи не дѣлаютъ этого выбора въ началѣ, и вмѣсто того, чтобы направлять свой путь къ опредѣленной цѣли, мечутся то туда, то сюда и рискуютъ совершенно запутаться.

Очень возможно, что музей Бруклинскаго института достигнет со временем всемірной извѣстности и привлечетъ учащихся и посѣтителей издалека, но благоразумно было-бы, опредѣляя будущую политику учрежденія, не терять изъ виду, что въ Нью-Йоркѣ и Бруклинѣ имѣются два превосходныхъ музея и что выгоднѣе имъ не соперничать другъ съ другомъ, а совмѣстно и согласно помогать другъ другу. Бруклинъ могъ-бы имѣть свой собственный музей художественный и музей естественно-историческій, но слѣдовало-бы избѣгать заводить снова такія коллекціи, которыя уже имѣются подъ рукой по сосѣдству. Такъ какъ предстоитъ теперь выбрать извѣстное направленіе, въ которомъ будетъ развиваться музей, то, можетъ быть, не бесполезно рассмотреть, какія поприща открыты здѣсь для него.

Для удобства музея обыкновенно дѣлятся на 2 группы — музей научные и музей художественные, и въ Великобританіи это дѣленіе принято и поддерживается «Департаментомъ наукъ и искусствъ комитета Училищнаго Совѣта».

Классификація эта не вполне удовлетворительна: въ основу такого дѣленія принять не столько характеръ самаго матеріала, сколько способъ его классификаціи, и притомъ, слѣдую строго такому дѣленію, придется оставить въ сторонѣ массу такого матеріала, который не подходитъ ни подъ ту, ни подъ другую категорію, а онъ между тѣмъ чрезвычайно важенъ какъ въ научномъ, такъ и въ педагогическомъ отношеніи.

Съ одной стороны, являются естественно-историческія коллекціи, которыя безъ сомнѣнія лучше всего отдать въ руки геологамъ, ботаникамъ и зоологамъ, съ другой стороны — коллекціи изящныхъ искусствъ, которыя лучше всего могутъ устраивать понимающіе требованія эстетики артисты. Между ними находится область, для которой нѣтъ подходящаго названія въ англійскомъ языкѣ, которую нѣмцы обозначаютъ терминомъ *Culturgeschichte* — естественная исторія культуры или цивилизаціи, исторія человѣка, его идей и его дѣяній.

Музеи художественные и научные затрудняются, куда отнести эту область. Точная классификація музеевъ по старой схемѣ теперь не примѣнима и не будетъ возможна до тѣхъ поръ, пока не будетъ произведено перераспределенія коллекцій, которыя въ нихъ находятся. Можетъ быть было бы не бесполезно теперь сдѣлать бѣглый обзоръ главныхъ музеевъ, опредѣляя вкратцѣ ихъ характеристическія черты.

Каждая великая нація имѣетъ свой естественно-историческій музей. Естественно историческое отдѣленіе Британскаго музея, недавно перенесенное изъ средней части Лондона въ Соутъ-Кенсингтонъ, является съ своими тремя большими отдѣленіями—зоологическимъ, ботаническимъ и геологическимъ—вѣроятно, самымъ обширнымъ въ свѣтѣ. Музей «d' Histoire Naturelle», въ ботаническомъ саду Парижа, основанный въ 1795 году, съ своими анатомическими, антропологическими, зоологическими, ботаническими, минералогическими и геологическими галлереями, одинъ изъ самыхъ обширныхъ, но теперь не имѣющій такого значенія для науки, какъ во времена Кювье, Ламарка, Сентъ-Илера, Жюлье и Брокара. Въ Вашингтонѣ есть національный музей съ антропологическими, зоологическими, ботаническими, минералогическими и геологическими коллекціями; онъ имѣетъ кромѣ того обширный отдѣлъ искусствъ, ремеслъ и техники.

Если перейдемъ къ спеціальнымъ естественно-историческимъ музеямъ, то наиболѣе достопримѣчательные изъ нихъ окажутся зоологическіе, во главѣ ихъ придется поставить устроенный въ нашемъ Американскомъ Кембриджѣ музей сравнительной зоологіи, основанный Агассисомъ «для иллюстраціи исторіи творенія, насколько это возможно при настоящемъ состояніи нашихъ знаній», объ этомъ музеѣ въ 1887 г. англійскій натуралистъ Альфредъ Руссель Уэллесь сказалъ, что онъ далеко превосходитъ подобныя учрежденія въ Европѣ, какъ въ педагогическомъ, такъ и въ ученомъ отношеніи.

Рядомъ съ Кембрижемъ, послѣ зоологическаго отдѣленія музеевъ Лондона и Парижа, стоятъ коллекціи въ Императорскомъ кабинетѣ въ Вѣнѣ и коллекціи зоологическихъ музеевъ Берлина, Лейдена, Копенгагена и Христіаніи.

Между ботаническими музеями, музей королевскаго ботаническаго сада въ Кью, около Лондона, занимаетъ первое мѣсто съ своимъ колоссальнымъ гербаріемъ, содержащимъ изящнѣйшія коллекціи въ свѣтѣ, и съ своимъ специальнымъ музеемъ хозяйственной ботаники, основаннымъ въ 1847 г., причемъ оба находятся среди коллекцій живыхъ растений. Въ Берлинѣ также есть королевскій ботаническій музей, основанный въ 1818 г., и королевскій гербарій; въ Петербургѣ—гербарій Императорскаго ботаническаго сада. Между геологическими и минералогическими коллекціями первое мѣсто занимаетъ Императорскій минералогическій кабинетъ въ Вѣнѣ.

Музей практической геологіи въ Лондонѣ, при геологическомъ комитетѣ Великобританіи, былъ основанъ въ 1837 г. для выставки коллекцій комитета, съ цѣлью «показать приложеніе геологіи къ обыденнымъ потребностямъ жизни». Подобно всякому другому правильно устроенному музею, рядомъ съ образовательными цѣлями онъ преслѣдовалъ научныя, и многія очень важныя открытія были сдѣланы въ его лабораторіяхъ. Онъ стоитъ въ самомъ первомъ разрядѣ музеевъ для народнаго образованія, такъ какъ въ немъ устройство выставокъ по истинѣ образцовое. Первокласныхъ анатомическихъ музеевъ считается тридцать, всѣ они возникали при медицинскихъ и хирургическихъ школахъ, за исключеніемъ великолѣпнаго военно-медицинскаго музея въ Вашингтонѣ.

Медицинскій музей королевской медицинской коллегіи въ Лондонѣ, кажется, самый обширный. Коллекціи при госпиталяхъ св. Томы, Бюи и св. Георгія и другихъ больницахъ очень богаты анатомическими и патологическими препаратами. Самый старинный публичный анатомическій музей въ Лондонѣ—устроенный при госпиталѣ св. Варфоломея.

Парижъ, Единбургъ и Дублинъ имѣютъ большія анатомическія и медицинскія коллекціи. Вообще-же медицинскіе музеи въ Европѣ находятся при университетахъ. Докторъ Биллингъ, хранитель военно-медицинскаго музея въ Вашингтонѣ, съ большой точностью изобразилъ ростъ медицинскихъ коллекцій, какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и за границей, и изъ его отчета о медицинскихъ музеяхъ, какъ президента конгресса американскихъ врачей и хирурговъ, въ 1888 году, были взяты здѣсь упомянутые факты, относящіеся къ этому разряду музеевъ. Военно-медицинскій музей обязанъ своимъ учрежденіемъ доктору Вильяму А. Гаммонду въ 1862 году. Музей заключалъ въ себѣ въ 1888 г. болѣе 15,000 предметовъ, кромѣ тѣхъ, которые находятся въ отдѣленіи микроскопическихъ препаратовъ. «Идеальный медицинскій музей», говоритъ докторъ Биллингъ: «долженъ имѣть возможно полныя отдѣлы профилактической медицины и гигиены. Это обширный отдѣлъ, заключающій въ себѣ все, что касается воздуха, воды, пищи, одежды, жилищъ, геологіи, метеорологіи, занятій человѣка и т. д., такъ какъ все это имѣетъ отношеніе къ происхожденію и предупрежденію болѣзней; но до сихъ поръ всему этому отводилось мало мѣста въ медицинскихъ музеяхъ и предоставлялось на долю спеціальныхъ гигиеническихъ музеевъ, которыхъ мы имѣемъ до сихъ поръ не болѣе полдюжины». Вильямъ Гунтеръ между 1770 и 1800 годами составилъ большую Глазговскую медицинскую коллекцію, а Джонъ Гунтеръ въ 1787 г. открылъ знаменитый Гунтеріанскій музей въ Лондонѣ, купленный англійскимъ правительствомъ вскорѣ послѣ того въ 1799 г., и теперь онъ извѣстенъ подъ именемъ музея королевской медико-хирургической школы.

Парижъ гордится коллекціями медицинской школы, (Musée d'Orfila) и музеемъ Дюпюитрена, изъ которыхъ одинъ посвященъ нормальной, а другой патологической анатоміи.

Этнографическіе музеи особенно многочисленны и изящны въ сѣверной части континентальной Европы. Вопросъ о нихъ

былъ поднять болѣе полстоletія тому назадъ французскимъ географомъ Жомаръ, но мысль эта была впервые приведена въ исполненіе около 1840 г. основаніемъ датскаго этнографическаго музея, который долго былъ лучшимъ въ Европѣ. Въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ проявилась необыкновенная дѣятельность въ этомъ направленіи.

Въ Германіи, кромѣ музеевъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ и Лейпцигѣ, были основаны музеи въ Гамбургѣ и Мюнхенѣ. Австрія имѣетъ въ Вѣнѣ два этнографическихкія музея, Kaiserliche-Hoff-Museum и Восточный музей. Голландія учредила національный этнографическій музей въ Лейденѣ; есть также небольшіе музеи въ Амстердамѣ, Роттердамѣ и Гагѣ. Во Франціи этнологическій музей основанъ въ Тракадеро (Musée Trocadéro). Въ Италіи находится значительный доисторическій и этнографическій музей въ Римѣ (museo prehistorico et ethnografico); есть также музеи во Флоренціи и Венеціи.

Этнографическіе музеи были также основаны въ Христіаніи и Стокгольмѣ; въ послѣдній изъ нихъ поступить богатая коллекція доктора Стольпа, собранная во время его путешествія вокругъ свѣта на фрегатѣ «Ванадись». Въ Англіи на этотъ предметъ обращено меньше вниманія—коллекція Кристи въ британскомъ музеѣ одна только посвящена этнографіи; можно, пожалуй, упомянуть также мѣстный блэкморскій музей въ Салисбюри.

Въ Соединенныхъ Штатахъ главныя учрежденія, содержащія этнографическія коллекціи—музей Археологіи Пибоди въ Кембриджѣ, музей при пибодійской академіи наукъ въ Салемѣ, и американскій естественно-историческій музей въ Нью-Йоркѣ.

Этнологическія коллекціи въ Вашингтонѣ классифицированы по двумъ системамъ; одна система по своимъ чертамъ сходна съ системой европейской, другая, подобно знаменитой Пить-Риверской коллекціи въ Оксфордѣ, приспособлена къ тому, чтобы показать общее развитіе культуры и цивилизаціи безъ различія расъ. Такой широкій планъ даетъ доступъ

многимъ матеріаламъ, которые бракуются защитниками этнографическихъ музеевъ; эти защитники обращаютъ свое вниманіе почти исключительно на примитивные или не европейскіе народы.

Въ мѣстной связи съ этнографическими музеями стоятъ тѣ, которые посвящены специально изученію человѣческихъ мыслей и интересовъ. Наиболѣе замѣчательный среди нихъ, можетъ быть, музей Гиме, недавно перенесенный изъ Ліона въ Парижъ, цѣль котораго иллюстрировать исторію религиозныхъ обрядовъ у всѣхъ человѣческихъ расъ. Другимъ хорошимъ примѣромъ этого разряда музеевъ служатъ нѣкоторые музеи въ Парижѣ, какъ напримѣръ «Musée de Marine», который показываетъ не только развитіе торговли и мореходства въ странѣ, но также, при помощи трофеевъ и другихъ историческихъ памятниковъ, представляетъ исторію морскихъ битвъ націй. Артиллерійскій музей служить, хотя и не такъ полно, для исторіи войнъ тѣмъ-же, чѣмъ морской музей для исторіи мореплаванія; подобные музеи существуютъ и въ другихъ странахъ. Изъ музыкальныхъ музеевъ можетъ быть самый значительный инструментальный музей, основанный Клапписсономъ, принадлежащій музыкальной консерваторіи въ Парижѣ. Есть великолѣпная коллекція музыкальныхъ инструментовъ въ Соутъ-Кенсингтонѣ, но предметы въ ней находящіеся не вполне раціонально расположены. Есть также большія коллекціи въ національномъ музеѣ въ Вашингтонѣ, въ музыкальной консерваторіи въ Бостонѣ, а въ Metropolitan Museum, въ Нью-Йоркѣ, недавно поступила весьма полная коллекція Mrs. Джонъ Кросли Броунъ.

При французской академіи въ Парижѣ есть театральный музей, въ Антверпенѣ музей журнальнаго дѣла, въ Парижѣ педагогическій музей является достойной параллелью Соутъ-Кенсингтонскаго. Но это скорѣе профессиональные, чѣмъ научные или образовательные музеи, подобно музею практической культуры рыбъ въ Соутъ-Кенсингтонѣ и музею гигиены въ Лондонѣ и Вашингтонѣ.

Археологическія коллекціи бываютъ двухъ родовъ: коллекціи доисторической и исторической археологіи. Первыя обыкновенно заключаются въ этнографическихъ музеяхъ, послѣднія въ музеяхъ художественныхъ. Значеніе для историка археологическихъ коллекцій какъ доисторическихъ, такъ и историческихъ было давно признано.

Музеи Лондона, Парижа, Берлина и Рима говорятъ сами за себя. Въ Кембриджѣ, Нью-Йоркѣ и Вашингтонѣ существуютъ обширныя коллекціи остатковъ жителей Америки въ періодъ до Колумба,—коллекціи, значеніе которыхъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ; онѣ сдѣлались предметомъ изслѣдованія и громадное собраніе матеріаловъ этого рода находится въ рукахъ учреждений и частныхъ коллекторовъ во всѣхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ.

Музей въ Неаполѣ показываетъ, насколько можетъ это сдѣлать музей, исторію извѣстнаго періода жизни города Помпеи; музей св. Германа, около Парижа, изображаетъ исторію Франціи во времена галлійскаго и романскаго владычества. Въ Швейцаріи, спеціально въ Невшателѣ, мы видимъ наглядную исторію обитателей озера.

Ассирійская и египетская галереи въ британскомъ музеѣ сами по себѣ составляютъ цѣлые музеи.

Историческіе музеи разнообразны по характеру и интересъ ихъ по необходимости мѣстный. Нѣкоторые изъ нихъ охватываютъ исторію провинцій или городовъ. Одинъ изъ древнѣйшихъ и лучшихъ—провинціальный музей въ Берлинѣ; за нимъ слѣдуетъ музей города Парижа, недавно открытый въ «Hotel Carnavalet». Многія историческія общества имѣютъ коллекціи того-же характера. Нѣкоторые историческіе музеи заключаютъ исторію династіи, какъ, напримѣръ, музей Гогенцоллерновъ въ Берлинѣ.

Соборы Южной Европы и св. Павла въ Лондонѣ являются до нѣкоторой степени національными или городскими музеями. Музей Галилея во Флоренціи и музей Шекспира въ Стратфордѣ представляютъ хорошіе образцы музеевъ, посвящен-

ныхъ памяти *представителей человечества*, а монастырь св. Марка во Флоренціи даетъ, насколько возможно для музея, полное изображеніе жизни Саванароллы. Сленовскій музей въ Лондонѣ (Sloan Museum) и музей Торвальдсено въ Копенгагенѣ сходны между собою по цѣли и результатамъ, но они скорѣе географическіе, чѣмъ историческіе. Есть и музеи, иллюстрирующіе исторію народа, каковъ, наприимѣръ, баварскій національный музей въ Нюрнбергѣ.

Музеи изящныхъ искусствъ стоятъ дороже другихъ, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ образцовыя произведенія величайшихъ въ свѣтѣ живописцевъ и скульпторовъ: въ Римѣ, Флоренціи, Венеціи, Неаполѣ, Болоньѣ, Пармѣ, Миланѣ, Моденѣ, Падуѣ, Феррарѣ, Бресціи, Сіеннѣ и Пизѣ, въ Мюнхенѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ и Прагѣ, въ Парижѣ и многихъ провинціальныхъ городахъ Франціи, въ Лондонѣ, Петербургѣ, Мадридѣ, Копенгагенѣ, Брюсселѣ, Антверпенѣ и Гагѣ существуютъ большія коллекціи, извѣстныя всему свѣту и представляющія склады драгоценнѣйшихъ сокровищъ искусства. Многія изъ нихъ замѣчательны только своими картинами и статуями и могутъ съ одинаковымъ правомъ быть названы галлереями; другія изобилуютъ мелкими произведеніями художниковъ и ихъ можно назвать музеями въ болѣе широкомъ значеніи слова.

Во главѣ ихъ стоитъ Лувръ, въ Парижѣ, со своими сокровищами, ради которыхъ стоитъ сдѣлать многолѣтнее путешествіе вокругъ свѣта; затѣмъ Ватиканъ, въ Римѣ, со своими тремя залами древней скульптуры и своими этрускимъ, египетскимъ, языческимъ и христіанскимъ музеями, со своей Византійской галлереей и своей коллекціей медалей; неаполитанскій музей (Museo di Studi) со своими чудесными помпейскими *коллекціями*; Uffizi Museo во Флоренціи, переполненный картинами и статуями, древними и новыми, рисунками, камнями, эмалями, произведеніями изъ слоновой кости, коврами, медалями и вещами декоративнаго искусства всякаго рода.

Есть особыя коллекціи, составляющія переходное звено между искусствомъ и этнологіей, наилучшій способъ экспозиціи которыхъ до сихъ поръ еще не опредѣлился.

Въ Луврѣ допущены коллекціи моделей судовъ (Musée de Marine). Соутъ-Бенсингтонъ заключаетъ въ себѣ музыкальные инструменты и много другихъ подобныхъ предметовъ, которые размѣщены и въ этнологической коллекціи. Многие *музеи искусствъ* приобретаютъ гербы и оружія, выдающіеся костюмы, обувь и предметы домашняго употребленія. Такіе предметы, какъ фарфоръ, кружево, медали и металлическія вещи, требуютъ вкуса отъ консерватора музея, чтобы расположить ихъ изящно и красиво. При обхожденіи съ ними требуется особенная осторожность. Благодаря этому послѣднему качеству только высоко-художественные предметы дошли до насъ и подверглись разрушенію многіе другіе, которые были-бы крайне важны для тѣхъ, кто изучаетъ теперь судьбы человѣческой мысли въ прошедшемъ. Съ другой стороны, есть многое въ музеяхъ искусствъ, что могло-бы съ большимъ основаніемъ быть предоставлено этнологу для его витринъ. Есть также многое, чему музеи искусствъ, связанные, какъ часто бываетъ, традиціональной системой размѣщенія предметовъ, могли-бы поучиться у научныхъ музеевъ.

Многіе изъ порядковъ въ европейскихъ музеяхъ искусствъ способны охладить ревностнаго посѣтителя. Недостатки такихъ порядковъ были хорошо описаны нѣмецкимъ критикомъ, В. Бюргеромъ: «наши музеи», пишетъ онъ, «суть настоящіе могильные склепы искусства, въ которыхъ собранное, какъ въ могилѣ, все свалено въ кучу. Венера стоитъ бокъ о бокъ съ мадонной, сатиръ рядомъ со святымъ, Лютеръ въ тѣсной близости съ паной, картина, изображающая спальню молодой барыни—рядомъ съ церковью. Вещи, исполненные для церквей, дворцовъ, городскихъ залъ, какого-нибудь частнаго зданія, требующія нѣкотораго особеннаго освѣщенія, нѣкоторой хорошо приспособленной обстановки, всё висятъ въ перемежку на стѣнахъ какой-нибудь недоступной галлерей,

вродѣ посмертнаго приюта, куда народъ, утратившій свои творческія способности, приходитъ любоваться этой великолѣпной коллекціей обломковъ».

Когда зданіе для музея приготовлено и ядро коллекцій и администрація на лицо, дѣло составленія музея начинается, и дѣло это, надо надѣяться, не скоро дойдетъ до конца.

Оконченный музей—мертвый музей, а мёртвый музей—бесполезный музей. Надо главнымъ образомъ имѣть въ виду при всякой организаціи, которая предполагаетъ основать и поддерживать музей, что дѣло это никогда не имѣетъ конца, что когда коллекции перестаютъ расти, они начинаютъ падать. Одинъ мой пріятель желалъ у фотографа купить виды кенсингтонскаго музея; но такихъ не оказалось. «Какъ, у васъ нѣтъ видовъ Кенсингтона»—воскликнулъ онъ. «Что-же дѣлать» кротко отвѣтилъ тотъ,—«музей вѣчно двигается впередъ, не стоитъ на мѣстѣ, не успѣваешь снять фотографію». И это, кажется, справедливо. Постоянно возводя новыя зданія, перестраивая старыя, измѣняя декораціи, кенсингтонскій музей быстро мѣняетъ свою фizioномію; его видъ въ данное время только и соотвѣтствуетъ данному моменту развитія этого вѣчно растущаго учрежденія.

Мое пожеланіе музеямъ Соединенныхъ Штатовъ и всѣмъ подобнымъ учрежденіямъ—*пусть они никогда не перестанутъ расти!*

ОЧЕРКЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОСТНАГО СУДА

ВЪ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

О К Р У Г ъ К Р А С Н О Я Р С К І Й .

Волостной судъ дѣйствуетъ въ Восточной Сибири со времени преобразованія въ предѣлахъ ея общественнаго управленія крестьянъ на началахъ общаго положенія 19-го февраля 1861 г.; преобразование совершено въ силу Высочайше утвержденнаго 27 апрѣля 1882 г. мѣнія Государственнаго Совѣта Введеніе новаго Положенія началось съ 1883 г., такъ-что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ края волостной судъ дѣйствуетъ уже слишкомъ 8 лѣтъ. Ближайшій надзоръ за его дѣятельностью возложенъ на земскихъ засѣдателей,¹⁾ которымъ были предоставлены права мировыхъ посредниковъ, и отчасти—на окружныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Но въ первые же годы дѣйствія новыхъ учреждений оказалось, что ни земскіе засѣдатели, ни окружныя присутствія далеко не оправдываютъ возложенныхъ на нихъ надеждъ въ отношеніи руководства и надзора за правильнымъ и законнымъ ходомъ дѣлъ, какъ въ волостныхъ правленіяхъ, такъ и у должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія. Въ виду этого и съ цѣлью ознакомить крестьянское населеніе съ узаконеніями, относящимися до устройства его быта и управленія, по распоряженію иркутскаго генералъ-губернатора былъ изданъ въ 1886 г. «Сборникъ узаконеній по крестьянскому управленію и наставленій сельскимъ и волостнымъ сходамъ и должност-

¹⁾ Земскій засѣдатель является въ Восточной Сибири такимъ же полицейскимъ чиновникомъ, какъ въ Европейской Россіи становой приставъ; но сверхъ того на него возложены еще обязанности судебного слѣдователя и мирового посредника.

нымъ лицамъ», который и былъ разосланъ во всё селеніе обширнаго края. Необходимость такого изданія мотивируется въ циркулярѣ генераль-губернатора отъ 12 іюня 1889 года, сопровождающемъ второе изданіе Сборника и тутъ же напечатанномъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «земскіе засѣдатели, на коихъ возложены права мировыхъ посредниковъ, не подготовленные къ столь серьезной обязанности и обремененные работою по судебно-полицейскимъ дѣламъ, не могли быть дѣятельными руководителями общественнаго управленія. Равнымъ образомъ и окружныя присутствія, состоя изъ членовъ, также занятыхъ дѣлами по примымъ своимъ обязанностямъ, и распространяя свою дѣятельность на значительные районы, не въ состояніи были оказать особаго вліянія на успѣшное исполненіе возложенныхъ на крестьянское управленіе обязанностей. Нельзя умолчать также и о томъ, что укоренившіеся въ волостяхъ старыя порядки, при которыхъ произволъ, хищничество и злоупотребленія сдѣлались зауряднымъ явленіемъ, въ значительной степени оказывали препятствіе къ направленію новаго дѣла по пути, указанному закономъ». Однимъ изъ цѣлесообразнѣйшихъ средствъ къ установленію законнаго порядка и было признано изданіе сборника узаконеній по крестьянскому управленію съ наставленіями сельскимъ и волостнымъ сходамъ, судьямъ и должностнымъ лицамъ. Тѣмъ не менѣе цитируемый циркуляръ все-таки признаетъ, что «достигнутые результаты далеки еще (т. е. черезъ 6 лѣтъ послѣ введенія Положенія) отъ вполне законнаго и желательнаго устройства крестьянскаго управленія». И дѣйствительно, трудно ожидать, чтобы при отсутствіи соответствующаго своему назначенію и вполне компетентнаго лица съ функціями мирового посредника, однимъ изданіемъ узаконеній, — даже съ подробными объясненіями, можно бы было, вмѣсто укоренившихся произвола, злоупотребленій и хищничества, воздвигнуть порядокъ и законъ. Необходимость непосредственнаго и ближайшаго въ этомъ отношеніи вліянія сознается уже давно и, вѣроятно, въ очень

недалекомъ будущемъ вопросъ объ изъятіи функций мирового посредника изъ вѣдѣнія полицейскаго чиновника и представленія ихъ особому компетентному лицу получить законодательное разрѣшеніе. Поэтому и представляется въ настоящее время далеко не лишнимъ подвести итогъ восьмилѣтней дѣятельности одного изъ важнѣйшихъ учреждений крестьянскаго самоуправления, именно волостнаго суда.

Достаточно типичнымъ является въ этомъ отношеніи Красноярскій округъ Енисейской губерніи, который по густотѣ населенія занимаетъ первое мѣсто въ ряду всѣхъ другихъ округовъ края и вмѣстѣ съ тѣмъ отражаетъ въ достаточной степени всѣ типичнѣйшія и разнообразныя черты экономической и культурной жизни Восточной Сибири; онъ состоитъ изъ 7 большихъ волостей¹⁾, въ предѣлахъ которыхъ мы встрѣтимъ и горы, и степь, и тайгу, встрѣтимъ большія, чрезвычайно бойкія притрактовыя селенія, и въ то же время, далекія, уединенныя захолустья, гдѣ нерѣдко находятъ приютъ бродяга и бѣглый каторжникъ. Наконецъ, въ этомъ округѣ волостной судъ введенъ всего ранѣе, именно въ началѣ 1883 года.

Матеріалъ, послужившій для составленія настоящаго очерка, представляется достаточно полнымъ, такъ какъ я имѣлъ возможность свободно пользоваться всѣми дѣлами и книгами волостныхъ правленій и дѣлать изъ нихъ необходимыя выборки. Такимъ образомъ, изъ книгъ на записку жалобъ и рѣшеній волостныхъ судовъ выбранъ весь цифровой матеріалъ, съ момента учрежденія суда и по 1890-году включительно, обнимающій свыше 7 тысячъ постановленныхъ за этотъ періодъ судебныхъ рѣшеній; помимо этого, мною былъ выписанъ in extracto текстъ около 2 тысячъ рѣшеній, причемъ за 1890-году выписаны всѣ рѣшенія сплошь (въ количествѣ 1082), дабы имѣть возможность дѣлать точные количественныя выводы относительно разныхъ сторонъ дѣя-

¹⁾ Названія волостей слѣдующія: Вознесенская, Заледѣевская, Частоегровская, Погорѣльская, Сухобувижская, Елевская и Нахвальская.

тельности суда по существу; за прошлые же годы выбирались рѣшенія наиболее характерныя, но въ то же время по каждой волости выписывались сплошь всѣ рѣшенія еще за одинъ годъ, кромѣ 1890. Что же касается изложенія собраннаго матеріала, то, по самому свойству послѣдняго, оно разбивается на двѣ части: въ первой обрисовывается количественная сторона дѣятельности волостныхъ судовъ, съ точки зрѣнія общаго числа постановленныхъ рѣшеній, числа, пола и сословія судящихся, рода наказаній, рода дѣлъ и проч., а вторая имѣетъ цѣлью предоставить данныя для сужденія объ отправленіи волостной юстиціи въ качественномъ отношеніи, главнымъ образомъ—въ отношеніи приѣмовъ и правилъ обыкновеннаго волостнаго судопроизводства.

I.

На записку рѣшеній волостныхъ судовъ въ волостномъ правленіи ведется книга, состоящая изъ двухъ частей; въ первую вписываются рѣшенія по тяжбынымъ дѣламъ, во вторую—по маловажнымъ проступкамъ. Но такъ какъ квалифікація иска зависитъ всецѣло отъ усмотрѣнія волостнаго писаря, то нерѣдко приходится въ книгахъ встрѣчать записанными рѣшенія, не соотвѣтствующія той части, къ которой онѣ отнесены. Такъ, въ числѣ проступковъ легко встрѣтить неплатежъ долга или неисполненіе договора, а въ числѣ тяжбыныхъ дѣлъ такія, которыя оканчиваются тѣлеснымъ наказаніемъ, напримѣръ—присвоеніе чужаго имущества, самовольный увозъ сѣна, хлѣба и проч. Помимо неправильной квалифікаціи, встрѣчаются также и просто ошибки: перепутаетъ писарь или его помощникъ книги и запишетъ дѣлъ съ десятокъ не въ ту часть, куда слѣдуетъ. Наконецъ, бывають случаи, правда рѣдкіе, смѣшаннаго процесса, обыкновенно—когда къ разсмотрѣнію уголовного иска присоединяется искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, напримѣръ—за растрату, за убой скота и т. п.; такія дѣла встрѣчаются записанными то въ 1-й части, то во 2-й. Поэтому, прежде

чѣмъ опредѣлить число дѣлъ тяжёбныхъ и по проступкамъ, пришлось выдѣлить изъ соотвѣствующихъ частей всѣ дѣла, попавшія туда неправильно, и отнести ихъ къ надлежащей категоріи, причемъ всѣ случаи смѣшанныхъ исковъ считались исками уголовными. Такимъ образомъ, общее число дѣлъ, рассмотрѣнныхъ 7-ю волостными судами Красноярскаго округа въ періодъ съ 1883 по 90-й г., равняется 7171, изъ нихъ тяжёбныхъ—3585, а по проступкамъ—3586. Но такое совпаденіе цифръ наблюдается только въ итогѣ за всѣ 8 лѣтъ; по каждому же году отдѣльно число дѣлъ той и другой категоріи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Число дѣлъ- тяжёбныхъ.	Дѣлъ по про- ступкамъ.	ИТОГО.
1883 г.	317	— 344	— 661
1884	522	— 532	— 1054
1885	452	— 396	— 848
1886	439	— 471	— 910
1887	505	— 478	— 983
1888	465	— 436	— 901
1889	379	— 353	— 732
1890	506	— 576	— 1082
Итого	3585	— 3586	— 7171

Итакъ, съ перваго же года введенія волостныхъ судовъ, дѣятельность ихъ приняла довольно широкіе размѣры¹⁾; въ первый же годъ, если не считать неполнаго 1883 года, число рассмотрѣнныхъ дѣлъ достигло 1054 и, то падая, то повышаясь, остановилось въ 1890 г. на 1082; въ общемъ же замѣтно все-таки нѣкоторое, хотя и слабое, повышеніе, именно: сумма рѣшеній за 1-е четырехлѣтіе равняется 3473, за второе же—3698, т. е. на 6,1% больше, но и это повышеніе можетъ быть отнесено на счетъ неполноты 1883 г., такъ какъ судъ началъ функционировать только съ 1-го апрѣля послѣдняго. Очевидно, стало быть, что давно ощуща-

¹⁾ Этотъ выводъ подтверждается ниже, при сопоставленіи числа дѣлъ и числа судящихся съ численностью населенія округа.

емая потребность мѣстнаго населенія въ такомъ судѣ, который согласовалъ бы свои рѣшенія съ его нуждами и обычаями, нашла, наконецъ, удовлетвореніе, почему население сразу же стало обращаться къ новому суду охотно и съ довѣріемъ. Отсутствие же повышенія числа дѣлъ за 8-ми лѣтній періодъ въ свою очередь можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ неправильности довольно распространеннаго мнѣнія, будто наличность легко-доступнаго суда уже сама по себѣ усиливаетъ сутяжничество.

Волостной судъ, обладая, конечно, всѣми недостатками спеціального сословнаго суда, имѣетъ съ другой стороны и весьма важныя достоинства, заключающіяся, главнымъ образомъ, въ той легкости, съ какой онъ приспосабливается не только къ обычно-правовому міровозрѣнію крестьянъ, но и къ ихъ экономическимъ нуждамъ. Такъ, едва ли какой-либо иной, не крестьянскій, судъ имѣлъ бы возможность строго сообразовать время своихъ засѣданій съ удобствомъ земледѣльческаго сельскаго населенія; крестьянинъ, наиримѣръ, очень нерѣдко пропускаетъ срокъ на подачу апелляціонной жалобы, а иногда даже вовсе отказывается отъ иска, подсуднаго общимъ судебнымъ мѣстамъ, только потому, что ему недосугъ, что потеря времени въ страдную пору на хожденіе по суду обойдется ему дороже, нежели отказъ отъ иска. Волостнымъ же судомъ этотъ важный, особенно при огромности сибирскихъ разстояній, вопросъ рѣшается легко и просто тѣмъ, что число судебныхъ засѣданій въ рабочую пору сводится до минимума, причемъ и этотъ минимумъ въ значительной степени опредѣляется желаніемъ самихъ тяжущихся. Такъ, группируя число разсмотрѣнныхъ за весь періодъ дѣлъ по мѣсяцамъ, мы увидимъ, что число это равняется:

за Январь	550,	или 7,7	%	всего	число	разсмотрѣнныхъ	дѣлъ
» Февраль	760	« 10,3	«	«	«	«	«
» Мартъ	708	« 9,9	«	«	«	«	«

за Апрель	417	или	5,8	всего число разсмотрѣнныхъ дѣлъ				
» Май	380	«	5,3	«	«	«	«	«
» Июнь	546	«	7,6	«	«	«	«	«
» Июль	356	«	5,0	«	«	«	«	«
» Августъ	234	«	3,3	«	«	«	«	«
» Сентябрь	571	«	8,0	«	«	«	«	«
» Октябрь	853	«	11,9	«	«	«	«	«
» Ноябрь	913	«	12,8	«	«	«	«	«
» Декабрь	883	«	12,4	«	«	«	«	«
<hr/>								
Итого	7171	«	100,0	«	«	«	«	«

Этотъ рядъ представляетъ удивительное соотвѣтствіе съ распредѣленіемъ земледѣльческихъ работъ крестьянъ въ теченіе года: въ августѣ мѣсяцѣ, когда наступаетъ въ Сибири жнитво, а съ нимъ и самая горячая страдная пора, число разсмотрѣнныхъ дѣлъ достигаетъ минимума, равняясь только 3,3% числа дѣлъ за годъ; очень близко это число къ минимуму за апрѣль и май, когда идетъ сѣвъ яровыхъ и взметъ паровъ, а такъ же и за июль, во время сѣнокоса. Максимумъ же, естественно, падаетъ на зимніе мѣсяцы, свободные отъ земледѣльческихъ работъ. Но при всемъ этомъ, нѣтъ сомнѣній, что приведенные проценты были бы гораздо характернѣе, если бы, подъ вліяніемъ понужденій земскихъ заสѣдателей, не устраивались довольно нерѣдко засѣданія волостнаго суда въ неудобную пору, лишь бы только скопленіе неразсмотрѣнныхъ жалобъ, хотя бы временное и непродолжительное, не подало повода упрекать судъ въ бездѣятельности, а ихъ, засѣдателей, — въ отсутствіи за нимъ надзора.

Участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, кромѣ свидѣтелей, за весь періодъ было 20,605; изъ нихъ 7860 выступали въ качествѣ истцовъ и 12745 — въ качествѣ отвѣтчиковъ. По сословіямъ и полу, а также по категоріямъ дѣлъ, эти цифры распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

СОСЛОВІЕ СУДЯЩИХСЯ.	По тяж- нымъ дѣламъ.		По мало- важнымъ преступл.		В С Е Г О.						Итого истцовъ и отвѣтчиковъ.
	Истцовъ.	Отвѣт- чиковъ.	Истцовъ.	Отвѣт- чиковъ.	И с т ц о в ъ .			О т в ѣ т ч и к о в ъ .			
					Мужч.	Женщ.	Итого.	Мужч.	Женщ.	Итого.	
Крестьяне	2923	3990	2997	6013	4895	1025	5920	9309	694	10003	15923
Ссылные	776	1143	785	1523	1405	156	1561	2459	207	2666	4227
Мѣщане	143	32	97	41	184	56	240	61	12	73	313
Купцы	57	—	5	—	49	13	62	—	—	—	62
Дворяне и чиновн.	29	—	11	—	38	2	40	2	—	2	42
Духовные	19	1	18	—	34	3	37	—	1	1	38
Итого	3947	5168	3913	7577	6605	1255	7860	11831	914	12745	20605

Итакъ, на каждыя 100 рассмотрѣнныхъ дѣлъ приходи-лось, въ общемъ, 105 истцовъ и 178 отвѣтчиковъ. Относи-тельное число истцовъ почти одинаково по дѣламъ тяжбы-нымъ и по проступкамъ (104 и 105 на 100 дѣлъ), между тѣмъ какъ отвѣтчиковъ по первымъ приходится на 100 дѣлъ 144, а по вторымъ—212. Такое значительное превышеніе числа отвѣтчиковъ не только надъ общимъ количествомъ дѣлъ, но и надъ числомъ истцовъ, объясняется въ отношеніи тяжбы-ныхъ дѣлъ тѣмъ, что нерѣдко одинъ кредиторъ предъявляетъ искъ сразу къ нѣсколькимъ должникамъ, а въ отношеніи про-ступковъ—вошедшимъ въ практику лицъ сельской и волост-ной администраціи обычаемъ привлекать крестьянъ къ волост-ному суду за «нерадѣіе, лѣнь и пьянство, влекущія къ невзносѣ податей», или «за нарушеніе Устава о благо-устройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ»—иногда цѣлыми десят-ками. И тѣ, и другіе случаи довольно часты.

Затѣмъ, изъ таблицы видно, что волостной судъ являет-ся почти исключительно судомъ крестьянскимъ или, правиль-нѣе, судомъ сельскаго населенія, такъ какъ разныя кате-горіи ссыльныхъ, входящихъ въ составъ этого населенія въ

значительномъ количествѣ, подчиняются совершенно такъ же, какъ и крестьяне, всѣмъ сельскимъ и волостнымъ распорядкамъ¹⁾; крестьяне же съ ссыльными даютъ 97,8% всего числа судящихся; на долю прочихъ сословій приходится только 2,2%. Однако, прочія сословія выступаютъ, главнымъ образомъ, въ роли истцовъ; въ качествѣ же отвѣтчиковъ они дали всего 76 человекъ, или 0,6%, но и то изъ этого числа 73 мѣщанина, а купцовъ, дворянъ, чиновниковъ, духовныхъ только 3; между тѣмъ, въ числѣ истцовъ ихъ 139. Наименшій процентъ судящихся даютъ духовные, затѣмъ дворяне и чиновники. Вообще же, на каждые 10 человекъ участвовавшихъ въ дѣлѣ духовныхъ приходилось лицъ другихъ сословій:

Дворянъ и чиновниковъ	11
Купцовъ	15
Мѣщанъ	82
Ссыльныхъ	1112
Крестьянъ	4304

Женщинъ въ общемъ числѣ судящихся было 2169, или 10%; въ качествѣ истецъ женщины дали 16,1%, въ качествѣ отвѣтчицъ—7,2%. Въ дѣлахъ тяжёбныхъ и въ качествѣ отвѣтчицъ участіе женщинъ гораздо, меньше, нежели въ дѣлахъ по проступкамъ и въ качествѣ истецъ:

0% по всему соответствующему числу судящихся.

Истцы	{ По тяжёбнымъ дѣламъ	10,1
	{ По маловажнымъ проступкамъ	21,8
Отвѣтчицъ	{ По тяжёбнымъ дѣламъ	5,6
	{ По маловажнымъ проступкамъ	8,2

¹⁾ Вообще Волостной судъ въ Восточной Сибири принимаетъ къ своему разбирательству споры и тяжбы, цѣною до 100 руб., и дѣла по маловажнымъ проступкамъ—1) крестьянъ всѣхъ категорій, съ присоединеніемъ сюда осѣдлыхъ инородцевъ, проживающихъ въ крестьянскихъ селеніяхъ, примѣнительно къ 836 ст. IX т. зак. о состоян. и 12 и 16 ст. Полож. объ управл. сибирск. инородцевъ; 2) казаковъ, согласно Положенія 19-го мая 1871 г.; 3) отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ, а также уволенныхъ въ запасъ нижнихъ чиновъ; 4) ссыльно-поселенцевъ, согласно журналу совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири отъ 3-го февраля 1884 г. за № 6. Осѣдлые инородцы, казаки и отставные солдаты считаны вездѣ за одно съ крестьянами, такъ какъ de facto они отличаются отъ послѣднихъ только по названію, и притомъ въ Красноярскомъ округѣ ихъ очень мало.

Женщина, въ Сибири, выступаетъ въ роли домохозяйки, отстаивающей извѣстный имущественный интересъ двора-хозяйства, вообще рѣдко; поэтому невеликъ въ тяжбныхъ дѣлахъ и $\%$ истицъ. Еще рѣже къ женщинѣ предъявляется какой-либо искъ имущественнаго характера. Но въ дѣлахъ по проступкамъ женщинъ-истицъ болѣе $\frac{1}{3}$ части; это потому, что женщины и даютъ почти все число истицъ въ дѣлахъ о равныхъ оскорбленіяхъ—дѣйствіемъ, словами, клеветой: мужчины въ этомъ отношеніи обижаются гораздо рѣже. Женщинъ же отвѣтчицъ и здѣсь сравнительно немного: всего 8,2 $\%$.

Небезынтересно теперь сопоставить приведенныя цифры съ численностью населенія округа; чтобы опредѣлить интенсивность явленія, такое сопоставленіе даже необходимо. Единственные данные, которыми можно было съ этой цѣлью воспользоваться, являются цифры обзоровъ губерніи, прилагаемыхъ ко Всенподанныйшимъ отчетамъ. Но сравненіе по обзорамъ численности населенія Красноярскаго округа за соответствующія періоду дѣятельности судовъ 8 лѣтъ показало, что цифры, выражающія эту численность, колеблются изъ года въ годъ въ широкихъ размѣрахъ—отъ 74 тысячъ и до 84000; при этомъ, никакой послѣдовательности въ колебаніяхъ не наблюдается, такъ-что, въ виду отсутствія въ округѣ замѣтной иммиграціи и эмиграціи, эти колебанія съ большей вѣроятностью должны быть отнесены на счетъ неточности данныхъ. Не останавливаясь, поэтому, ни на одной изъ 8 цифръ, я взялъ для сопоставленій среднюю изъ нихъ. Эта средняя равняется для мужского населенія 44 тысячамъ, а для женскаго 37 тыс. Для того же, чтобы выдѣлить изъ общей цифры того и другого населенія—взрослое, что именно въ данномъ случаѣ и нужно, пришлось поступить нѣсколько наугадъ; именно—принять численность взрослого населенія равной половинѣ или 50 $\%$ всего. Такое отношеніе является, однако, очень правдоподобнымъ, если сравнить его съ данными о населеніи Иркутской губерніи, приведенными въ

«Матеріалахъ по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній). По этимъ даннымъ рабочее населеніе—мужское въ возрастѣ отъ 18 до 60 лѣтъ, а женское—отъ 16 до 55—въ итогѣ по тремъ подворно изслѣдованнымъ округамъ даетъ 49⁰/о всего населенія для обоихъ половъ одинаково. Имѣя же въ виду, что въ Енисейской губерніи, а особенно въ Красноярскомъ округѣ, вообще больше, чѣмъ въ Иркутской губерніи, ссыльнаго элемента, который представляется по преимуществу въ рабочемъ возрастѣ, мы едва ли одѣлаемъ большую ошибку, принявъ процентъ взрослого рабочаго населенія для Красноярскаго округа равнымъ 50. На рабочемъ же населеніи въ указанныхъ возрастахъ я останавливаюсь потому, что въ крестьянскомъ быту именно оно и является дѣеспособнымъ почти исключительно: старики, а тѣмъ болѣе подростки, на волостномъ судѣ большая рѣдкость.

Такимъ образомъ, не боясь особенной неточности, можно остановиться на слѣдующихъ цифрахъ, выражающихъ численность дѣеспособнаго населенія округа: для мужчинъ 22 тысячи, для женщинъ 18¹/₂ тысячъ. Что же касается числа дворовъ или хозяйствъ, то всѣ данныя въ этомъ отношеніи до такой степени далеки отъ истины, что воспользоваться ими не оказалось никакой возможности. Но и въ этомъ случаѣ приходятъ на помощь цифры названныхъ «Матеріаловъ»¹⁾; именно, онѣ опредѣляютъ средній численный составъ 1 двора въ 5,3 душъ обоего пола въ итогѣ по 3-мъ округамъ; соответствующая средняя по каждому изъ послѣднихъ равняется для Иркутскаго и Нижнеудинскаго 5,1, а для Балаганскаго 5,4. Если остановиться на средней для первыхъ двухъ, какъ болѣе подходящихъ по мѣстнымъ социальнымъ и экономическимъ условіямъ къ Красноярскому округу, то, при числен-

¹⁾ Томъ I; Иркутскъ, 1889 г. См. итоги по всемъ округамъ. Такія же данныя по Енисейской губерніи ожидаются въ вышедшемъ году.

ности всего населенія послѣдняго въ 81 тыс.; число дворовъ опредѣлится приблизительно въ 15 тысячъ ¹⁾).

Въ среднемъ за одинъ годъ разсматривалось 896 дѣлъ, а участвовавшихъ въ дѣлѣ лицъ было—мужчинъ 2304, женщинъ 271. Такимъ образомъ, ежегодно 1 дѣло приходилось въ среднемъ на каждые 17 дворовъ и почти на каждыя 45 душъ всего взрослого населенія обоего пола. Изъ каждыхъ 95 душъ взрослыхъ мужчинъ участвовало въ процессѣ десять, и столько же женщинъ—изъ каждыхъ 683 душъ. Иначе говоря, каждый взрослый мужчина, входящій въ составъ сельскаго населенія Красноярскаго округа, имѣетъ шансы принимать участіе на волостномъ судѣ въ качествѣ истца или отвѣтчика разъ въ $9\frac{1}{2}$ лѣтъ; а такъ какъ дѣеспособный жизненный періодъ лица мужского пола опредѣленъ въ 42 года (отъ 18 до 60 лѣтъ), то, стало быть, каждое такое лицо принимаетъ въ судѣ участіе въ теченіе своей жизни въ среднемъ отъ 4 до 5 разъ. Что же касается женщинъ, то ихъ шансы слабѣе въ этомъ отношеніи, нежели шансы мужчинъ, слишкомъ въ 7 разъ, иными словами—изъ 5 женщинъ двѣ могутъ разсчитывать вовсе не принимать участія въ волостномъ процессѣ въ теченіе всей своей жизни, между тѣмъ какъ другія будутъ на судѣ только по одному разу.

Приведенныя сопоставленія служатъ достаточнымъ доказательствомъ, до какой степени дѣятельность волостнаго суда въ Красноярскомъ округѣ интенсивна. Насколько же такое широкое пользованіе судомъ представляется явленіемъ нормальнымъ и насколько мѣстное населеніе заслуживаетъ упрекъ въ страсти къ сутяжничеству, можно до известной степени заключить изъ обзора рѣшеній судовъ по предметамъ разбирательства. Пользоваться съ этой цѣлью дан-

¹⁾ Данныя произведеннаго нынѣ статистико-экономическаго изслѣдованія Енисейской губерніи подтверждаютъ, насколько мнѣ извѣстно, правильность выведенной цифры. Между тѣмъ по свѣдѣніямъ волостныхъ правленій она не болѣе 11 тысячъ, такъ какъ волостныя правленія опредѣляютъ число дворовъ не по числу хозяйствъ, а по числу домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ.

ными за всё 8 лѣтъ было бы, впрочемъ, излишнимъ; уже не говоря о крайней сложности работы по классификаціи слишкомъ 7 тысячъ дѣлъ, записанныхъ. нерѣдко въ такой редакціи, что только съ трудомъ можно догадаться о дѣйствительномъ предметѣ искового требованія, подобная работа, въ виду большого однообразія; искомъ не имѣла бы и серьезнаго значенія. Поэтому я остановился только на 3-хъ послѣднихъ годахъ—1888, 1889 и 1890, обнимающихъ 1350 рѣшеній по тяжбынымъ дѣламъ и 1365 рѣшеній по маловажнымъ проступкамъ.

Установленіе общихъ классификаціонныхъ рубрикъ, какъ для дѣлъ тяжбыныхъ, такъ и по проступкамъ, встрѣчаетъ, однако, серьезныя затрудненія въ массѣ разнообразнѣйшихъ проявленій обычнаго гражданскаго и уголовнаго права, нерѣдко неукладающихся ни въ какія рамки общепринятой терминологіи. Въ качествѣ примѣра можно указать на иски о нарушеніи права труда, вложеннаго въ захваченное земельное угодье, каковое право, въ свою очередь, можетъ испытывать опасную борьбу съ правомъ перваго захвата; также до суда доходятъ споры сына и принятаго въ домъ зятя объ отцовскомъ имуществѣ, споры между хозяиномъ и работникомъ о неисполненіи кѣмъ-либо изъ нихъ такихъ своихъ обязанностей, которыя не были предметомъ ни письменнаго, ни словеснаго договора, но тѣмъ не менѣе освящены и поддерживаются обычаемъ. Аналогичные споры имѣютъ нерѣдко мѣсто въ довольно распространенныхъ составныхъ семьяхъ, на примѣръ—дяди съ племянникомъ, «сродныхъ» (двоюродныхъ) братьевъ и т. п. Такихъ оригинальныхъ проявленій бытовой жизни населенія, выраженныхъ въ формѣ исковыхъ требованій, не мало и въ уголовныхъ дѣлахъ, но о нихъ будетъ рѣчь впереди. Тѣмъ не менѣе, съ небольшою натяжкой, представилось возможнымъ разбить всё тяжбыныя дѣла на 2 группы, причемъ къ 1-й отнесены всё иски, имѣющіе своимъ предметомъ право обязательственное, а ко 2-й правовещное. При этомъ, изъ 1-й группы выдѣлены особо всё

иски по долговымъ денежнымъ обязательствамъ, какъ имѣющіе для мѣстнаго населенія весьма важное значеніе. Изъ 2-й же—выдѣлены спеціальныя споры о правѣ собственности (или пользованія) на разныя земельныя угодья. Наконецъ, самостоятельныя иски о вознагражденіи за вредъ и убытки, не приходящіе къ уголовнымъ искамъ, составили особую категорию, независимо отъ первыхъ двухъ. Группируя дѣла по установленнымъ, такимъ образомъ, рубрикамъ, получимъ слѣдующую таблицу:

ПРЕДМЕТЫ РАЗБИРАТЕЛЬСТВА.	Число дѣлъ (абсолютное).				Тоже въ ‰-ахъ.			
	1888 г.	1889 г.	1890 г.	Итого.	1888 г.	1889 г.	1890 г.	Итого.
Иски по долговымъ денежнымъ обязательствамъ	187	183	241	581	40,2	40,2	47,6	46,0
Споры по исполненію разныхъ другихъ договоровъ и обязательствъ	118	95	105	318	25,4	25,1	20,7	23,6
Споры о земельныхъ угодіяхъ	16	21	30	67	3,4	5,3	5,9	5,0
Споры о правѣ собственности (или пользованія) на разное имущество	39	43	59	141	8,4	11,3	11,8	10,4
Иски о вознагражденіи за вредъ и убытки	105	67	171	243	22,6	17,8	14,0	18,0
Итого	465	379	506	1350	100	100	100	100

Изъ таблицы видно, что иски, имѣющіе предметомъ своимъ какое-либо обязательство, составляютъ въ общемъ числѣ тяжёбныхъ дѣлъ огромное большинство, именно—66,6‰; этотъ процентъ за три послѣдніе года испыталъ лишь небольшія колебанія—отъ 65,8 до 68,3—безъ замѣтной тенденціи къ повышенію. Великъ также и процентъ исковъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, между тѣмъ какъ споры о земельныхъ угодіяхъ даютъ только 1/10 часть всего числа дѣлъ. Такія соотношенія неизбѣжно приводятъ къ мысли, что нерѣдко дѣлаемый сибирскому крестьянину упрекъ въ

страсти къ сутяжничеству не лишень нѣкотораго основанія. Дѣйствительно, мнѣ нерѣдко приходилось слышать отъ бѣлыхъ же крестьянъ о существованіи такой категоріи должниковъ, которые считаютъ себя обязанными уплатить долгъ не иначе, какъ въ силу судебного рѣшенія. Не въ пользу сибиряка говорить и высокій процентъ исковъ о вознагражденіи за вредъ и убытки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что не только характеръ дѣлъ, но и количество ихъ находится въ сильной зависимости отъ общаго характера экономической жизни округа, такъ какъ отсутствіе сколько-нибудь организованнаго кредита съ одной стороны, а съ другой—широко практикуемое примѣненіе наемнаго труда, также лишенное всякой регламентаціи, являются главнѣйшими причинами, порождающими такое множество споровъ по исполненію договоровъ и обязательствъ; отвѣтчиками же въ дѣлахъ о вознагражденіи за убытки главнымъ образомъ являются поселенцы, нравственная фізіономія которыхъ настолько извѣстна, что едва ли можетъ быть поводъ къ сомнѣнію въ добросовѣстности такихъ исковъ. Не имѣя, къ сожалѣнію, данныхъ, чтобы сдѣланные предположенія подтвердить болѣе вѣскими доказательствами¹⁾, считаю, однако, долгомъ высказать свое убѣжденіе, что этотъ вопросъ, именно вопросъ о связи отправленія волостной юстиціи съ экономической жизнью, достоинъ серьезнаго изученія и полнаго вниманія, особенно со стороны лицъ мѣстной администраціи.

Что касается предметовъ уголовнаго разбирательства, то въ этомъ отношеніи нестрога и разнообразіе еще большія. Помимо произвольной, неправильной, а иногда и нелѣпой квалифікаціи исковъ, здѣсь выступаетъ на сцену вопросъ о подсудности, который составляетъ повсемѣстно одно изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ волостной юстиціи. Въ дѣлахъ тяжбныхъ подсудности поставлены законодателемъ довольно точ-

¹⁾ Есть основанія надѣяться, что такіа данныя въ изобиліи найдутся въ ожидаемыхъ «Матеріалахъ по изслѣдованію Енисейской губерніи».

ныя рамки: дѣла между крестьянами (въ Сибири—и ссыльными) на сумму не свыше 100 р. и дѣла о крестьянскомъ надѣлѣ (въ Сибири—о находящихся въ пользованіи крестьянъ угодіяхъ), вотъ та точно намѣченная область тяжёбныхъ дѣлъ, за предѣлы которой волостной судъ выходитъ очень рѣдко, и то въ случаяхъ, указанныхъ закономъ же; ошибка въ этомъ отношеніи явленіе исключительное. Но для уголовныхъ дѣлъ законъ, ограничиваясь ссылкой на сельско-судебный уставъ и устанавливая максимальныя нормы наказаній, не даётъ никакого матеріальнаго, такъ сказать, критерія для опредѣленія подсудности проступковъ именно волостному суду; критерій въ этомъ случаѣ отрицательный: волостному суду подсудны лишь тѣ проступки, которые не подсудны общимъ¹ судебнымъ мѣстамъ, или—*vice versa*— всѣ тѣ преступныя дѣянія, которыя подсудны послѣднимъ, не подсудны первому. За отсутствіемъ же какаго либо въ этомъ направленіи надзора и руководства, волостнымъ судомъ разбираются сплошь и рядомъ такія дѣла, которыя безъ всякаго сомнѣнія ему не подсудны, и притомъ по такимъ «проступкамъ», которые очень недалеки отъ преступленій. Но съ другой стороны, нерѣдко караются судомъ такія дѣянія, которыя развѣ только съ точки зрѣнія общаго уголовного права могутъ подойти подъ категорію преступныхъ; на-примѣръ, пьянство, картежная игра (не азартная), непочтеніе къ родителямъ, развратная жизнь и т. п.¹). Вотъ перечень «проступковъ», бывшихъ предметомъ разбирательства, въ томъ видѣ, какъ они квалифицированы въ книгахъ на записку приговоровъ:

Неплатежъ податей.

Нарушеніе Уст. о благоустр.

въ казенныхъ селеніяхъ.

Нарушеніе общественной тишины и спокойствія.

Неисполненіе законныхъ распоряженій начальства.

¹) Правда, эти дѣянія предусматриваются сельско-судебнымъ уставомъ (ст. ст. 495, 496, 498, 529). Но считать ихъ преступными и налагать за нихъ кары волостной судъ не обязанъ (ср. Высочайше утвержд. 27-го іюля 1861 г. Положеніе Глав. Комитета объ устр. сельск. сост.). Если это и дѣлается, то единственно на основаніи мѣстныхъ обычаевъ.

Неявка на волостной судъ.
 Неправедливая подача жалобъ.
 Соблазнъ въ публичн. мѣстѣ.
 Буйство.
 Непристойное поведение на
 судѣ, въ волостномъ или
 въ сельскомъ управленіи.
 Праздношатательство.
 Самовольная отлучка безъ вида.
 Нищенство.
 Неосторожное обращеніе съ
 огнемъ.
 Картежная игра.
 Раззореніе хозіиства.
 Развратная жизнь и пьянство.
 Непочтеніе къ родителямъ,
 ослушаніе и грубость.

Прелюбодѣяніе.
 Оскорбленіе словами.
 Угроза.
 Клевета.
 Местъ (?) и похвальба.
 Оскорбленіе дѣйствіемъ.
 Нанесеніе ранъ, увѣчій, по-
 боевъ.
 Бража.
 Необъявленіе находки.
 Захватъ чужой собственности.
 Присвоеніе чужаго имущества.
 Порча чужаго имущества.
 Убой скота.
 Самоуправство.
 Мошенничество и обманъ.

Изъ этого перечня не трудно убѣдиться, до какой сте-
 пени разнообразна дѣятельность волостнаго суда въ сферѣ
 проступковъ, нерѣдко и значительно превышая его компе-
 тенцію. Но съ другой стороны, также нерѣдко встрѣтить въ
 записи лишь громкое названіе какого нибудь проступка,
 весьма легкаго; напримѣръ, «угрозой» въ книгахъ часто на-
 зываютъ простую брань; нанесеніе увѣчья, въ сущности,
 можетъ оказаться лишь подбитіемъ глаза въ дракѣ или на-
 несеніемъ синяковъ. Тоже самое и нанесеніе ранъ. Побои—
 большею частію обыкновенное оскорбленіе дѣйствіемъ. Вслѣд-
 ствіе такой неопредѣленности квалификаціи, въ связи съ
 крайне неяснымъ изложеніемъ дѣла, въ записи рѣшенія не-
 рѣдко оказывается совершенно невозможнымъ выяснить во-
 просъ о дѣйствительномъ предметѣ разбирательства и о дѣй-
 ствительномъ характерѣ проступка. Въ то же время масса
 уголовныхъ исковъ вчинается лицами мѣстной сельской и
 волостной администраціи, какъ по собственной ихъ иници-
 ативѣ, такъ и по предписаніямъ земскихъ застѣдателей—въ
 качествѣ мировыхъ посредниковъ. Всѣ эти иски имѣютъ
 предметомъ своимъ разныя нарушенія публичнаго права,

какъ-то: неплатежъ податей, нарушеніе общественной тишины и спокойствія, отлучка безъ письменнаго вида, празднотателство, вообще разныя нарушенія уст. о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ, аналогичныя иски возбуждаются иногда и частными лицами, интересы которыхъ вслѣдствіе извѣстныхъ дѣйствій, наказуемыхъ большею частію только по обычному праву, такъ или иначе страдаютъ; напримѣръ, неосторожное обращеніе съ огнемъ, раззореніе хозяйствъ, развратная жизнь и проч. Такимъ образомъ, въ основаніе классификаціи преступныхъ дѣяній, бывшихъ предметомъ разбирательства волостныхъ судовъ, пришлось положить двоякій принципъ: во 1-хъ, раздѣлить всѣ дѣла по проступкамъ на такія, иски по которымъ вчинались частными лицами, и на такія, гдѣ преслѣдованіе возбуждалось лицами должностными; затѣмъ, выдѣливъ дѣла послѣдняго рода въ особую категорію, — разгруппировать всѣ остальные по объекту преступнаго дѣянія, т. е. съ точки зрѣнія того, было ли этимъ объектомъ лицо или вещь. Приэтомъ, оскорбленія дѣйствіемъ, а также раны, побои, увѣчья, выдѣлены особо. Соотвѣтственно такимъ рубрикамъ получимъ таблицу, цифры которой въ достаточной степени обрисуютъ дѣятельность судовъ въ сферѣ дѣлъ по проступкамъ въ ихъ наиболѣе характерныхъ и рѣзкихъ чертахъ:

[См. табл. стр. 87].

Въ среднемъ за три года почти $\frac{1}{3}$ разобранныхъ волостнымъ судомъ дѣлъ по проступкамъ, именно 30,4 %, составили иски, вчиненные должностными лицами. Относительное число дѣлъ этого рода изъ года въ годъ сильно увеличивается. Такое увеличеніе обусловливается исключительно настояніями окружнаго и участковаго начальства — исправника и засѣдателей: чѣмъ требовательнѣе это начальство, тѣмъ выше и процентъ вчиняемыхъ должностными лицами исковъ. Напримѣръ, въ 1890 году въ одной Вознесенской водости слишкомъ 700 человекъ были приговорены къ различнымъ наказаніямъ за нарушеніе устава о благоустройствѣ

ПРЕДМЕТЫ РАЗБИРАТЕЛЬСТВА.	Число дѣлъ (абсолютное).				Тоже въ ‰-ахъ.			
	1888 г.	1889 г.	1890 г.	Итого.	1888 г.	1889 г.	1890 г.	Итого.
1. По жалобамъ должностныхъ лицъ на лѣность, пьянство, нерадѣніе, нарушеніе разныхъ уставовъ и вообще на «недобрительное» поведеніе	89	108	218	415	20,4	30,5	37,8	30,4
2. Тоже — по жалобамъ частныхъ лицъ	6	2	19	27	1,4	0,6	3,8	1,6
3. Оскорбленіе словами, клевета, угроза	111	74	111	296	25,5	21,0	19,3	21,7
4. Оскорбленіе дѣйствіемъ, нанесеніе ранъ, увѣчий, побоевъ	83	89	85	267	19,0	25,2	16,5	19,7
5. Проступки, имѣющіе объектомъ вещь	147	80	133	360	33,7	22,7	28,1	26,8
Итого	436	353	576	1365	100	100	100	100

въ казенныхъ селеніяхъ или, правильнѣе, за «неисполненіе законныхъ распоряженій начальства»; напримѣръ, за «непривязываніе собакъ», «неразборку на лѣтнее время соломенныхъ крышъ», «сваливаніе навозовъ (навоза) въ недозволенные мѣста», «неметеніе улицъ» и мн. друг. Вмѣстѣ съ тѣмъ повсемѣстно за невзносъ хлѣбной и податной недоимки, недоимщики приговаривались къ тѣлесному наказанію во множествѣ. За одинъ только 1890 годъ число отвѣтчиковъ по проступкамъ составляетъ 1888 изъ общаго числа ихъ за всѣ 8 лѣтъ—7577, т. е. равняется почти $\frac{1}{4}$ части послѣдняго. Конечно, въ этомъ отношеніи волостной судъ удовлетворяетъ потребности мѣстной администраціи, а не мѣстнаго населенія, иначе говоря—почти на цѣлую треть размѣры дѣятельности волостныхъ судовъ въ Красноярскомъ округѣ опредѣляются дѣятельностью окружной администраціи. Съ другой стороны, высокій ‰ проступковъ, имѣющихъ объектомъ лицо—его честь или физическое здоровье—несомнѣнно зна-

чительно понизился бы, если бы не крайне легкая доступность суда: нерѣдко предметомъ судебного разбирательства служить пустѣйшая брань, драка, толчокъ, учиненные почти всегда въ пьяномъ видѣ. Здѣсь въ качествѣ истцовъ выступают преимущественно женщины. Одни только оскорбленія словомъ, въ томъ числѣ—по квалификаціи судебныхъ приговоровъ—клевета, угроза, похвальба, даютъ болѣе $\frac{1}{3}$ части всего числа дѣлъ по проступкамъ. Довольно видный процентъ принадлежитъ проступкамъ имущественнаго характера, главнымъ образомъ кражамъ, именно—26,3 въ среднемъ за три года. Дѣлъ же, возникшихъ по жалобамъ частныхъ лицъ на неодобрительное поведеніе—главнымъ образомъ раззореніе хозяйства и непочтеніе къ родителямъ—менѣе $\frac{1}{50}$ части общаго числа судебныхъ разбирательствъ.

На вопросъ о подсудности, т. е. о томъ, какими признаками опредѣляется въ каждомъ данномъ случаѣ подсудность иска волостному суду, въ связи съ характеромъ иска по существу, придется остановиться съ подробностью во второй части настоящаго очерка; теперь же слѣдуетъ выяснитъ, насколько мѣстное населеніе съ одной стороны, и волостной судъ съ другой, пользуются предоставленнымъ послѣднему правомъ, съ согласія сторонъ, принимать къ своему разбирательству иски, стоимостью свыше 100 руб., или такіа дѣла, гдѣ одной изъ сторонъ является лицо не крестьянскаго сословія (въ Сибири—и не изъ ссыльныхъ). Такихъ дѣлъ было:

	Между развѣсолов- ными лицами.	На сумму свыше 100 р
въ 1883 году	23	1
» 1884 »	48	2
» 1885 »	47	1
» 1886 »	46	—
» 1887 »	38	1
» 1888 »	48	4
» 1889 »	31	1
» 1890 »	64	3
Итого	345	43

Эти цифры показываютъ, о' чемъ упоминалось уже и выше, что во 1) волостной судъ является почти исключительно судомъ крестьянскаго населенія, и во 2) что онъ очень рѣдко выходитъ за предѣлы обычной своей компетенціи по разбору тяжёбныхъ дѣлъ. Но и въ томъ и въ другомъ направленіи замѣчается возрастаніе: именно, за 1-е четырехлѣтіе число дѣлъ между лицами разныхъ сословій равняется 164, а за 2-е—181, т. е. больше на 10,4%, число же дѣлъ на сумму свыше 100 руб. за 2-е четырехлѣтіе больше соотвѣствующаго числа за 1-е болѣе чѣмъ вдвое (4 и 9).

Обозрѣвъ дѣятельность волостныхъ судовъ со стороны числа дѣлъ и участвующихъ лицъ, а также со стороны предметовъ судебно-волостного разбирательства, мы подошли, такимъ образомъ, къ вопросу о результатахъ послѣдняго, т. е. къ вопросу о томъ, какія (съ формальной точки зрѣнія) постановляются рѣшенія по дѣламъ гражданскимъ и какіе приговоры по дѣламъ уголовнымъ. Разсмотримъ въ этомъ отношеніи сначала дѣла гражданскія.

Изъ 5585 тяжёбныхъ дѣлъ, бывшихъ предметомъ разбирательства волостныхъ судовъ, окончились:

Полнымъ удовлетвор. иска	2597	или 72,4%	общаго числа дѣлъ.
Частичнымъ	416	» 11,6%	» » »
Отказомъ въ искѣ	466	» 13,0%	» » »
Примиреніемъ	106	» 3,0%	» » »
<hr/>			
Итого	3585	» 100%	

Итакъ, удовлетвореніемъ иска—полнымъ или частичнымъ—оканчивается 84% всего числа дѣлъ; неосновательными же признано только 13%. Отсюда слѣдуетъ заключить, что съ точки зрѣнія волостныхъ судей, являющихся на судѣ выразителями народныхъ взглядовъ и обычаевъ, подавляющее большинство исковъ представляются основательными. Что же касается обязанности судей склонять стороны къ примиренію, то въ этомъ отношеніи судьи далеко не могутъ похвалиться успѣхомъ: дѣлъ, окончившихся прими-

реніемъ, только 3% общаго числа. Если теперь прослѣдить аналогичныя соотношенія не въ среднемъ за весь восьми-лѣтній періодъ, а отдельно по 4-лѣтіямъ, то получаютъ слѣдующіе ряды:

	Ч И С Л О		Д ѣ л ѣ:	
	За 1-е четырехлѣтіе.		За 2-е четырехлѣтіе.	
Окончившихся полнымъ				
удовлетвореніемъ иска	1220	или 70,5%	1377	или 74,0%
— частичнымъ	214	» 12,4%	202	» 10,8%
— отказомъ въ искѣ	238	» 13,7%	228	» 12,6%
— примиреніемъ	58	» 3,4%	48	» 2,6%
Итого	1730	» 100	1855	» 100

Сравненіе этихъ рядовъ показываетъ, что число дѣлъ, окончившихся полнымъ удовлетвореніемъ иска, увеличилось за 2-е четырехлѣтіе на счетъ какъ абсолютнаго, такъ и относительнаго уменьшенія числа исковъ, имѣвшихъ всякій иной исходъ, такъ-что четырехлѣтняя практика волостныхъ судовъ отразилась здѣсь въ томъ направленіи, что еще болѣе понизила и до того очень невысокое относительное число мало-основательныхъ тяжбъ.

Что касается дѣлъ уголовныхъ, то здѣсь тотъ или иной приговоръ долженъ разсматриваться по отношенію къ каждому отвѣтчику, а не ко всему дѣлу, такъ какъ, при валичности нѣсколькихъ обвиняемыхъ по одному и тому же иску, одніи могутъ быть оправданы, другіе приговорены къ различнымъ наказаніямъ, третьи, наконецъ, прощены истцами. Такимъ образомъ, изъ 7577 отвѣтчиковъ въ теченіе 8-ми лѣтъ были—				
Оправданы	942	или 12,4% общаго числа ихъ.		
Прощены (истцами)	295	» 3,9%	»	»
Приговорены къ розгамъ .	2701	» 35,6%	»	»
» къ аресту	2500	» 33,0%	»	»
» къ штрафу	678	» 8,9%	»	»
» къ обществен-				
веннымъ работамъ	442	» 5,9%	»	»
Приговорены къ выговору				
или внушенію	19	» 0,3%	»	»
Итого	7577	» 100.		

Итакъ, въ числѣ практикуемыхъ волостными судами наказаній розга занимаетъ первое мѣсто: болѣе $\frac{1}{3}$ части отвѣтчиковъ были приговорены къ тѣлесному наказанію. Единственно конкурирующій съ нимъ родъ наказанія—это арестъ; въ сложности, къ розгѣ или къ аресту приговаривались изъ каждаго 100 отвѣтчиковъ—69, а за исключеніемъ прощенныхъ и оправданныхъ—82, такъ-что изъ каждой сотни признанныхъ виновными отвѣтчиковъ избѣгали розги или ареста только 18. Нельзя сказать, чтобы дѣятельность сибирскаго волостнаго суда отличалась въ этомъ отношеніи мягкостью. Но все-таки случаевъ отказа въ искѣ, т. е. признанія иска неосновательнымъ или недоказаннымъ, здѣсь значительно больше, чѣмъ въ тяжёбныхъ дѣлахъ: оправдывается почти $\frac{1}{3}$ часть всѣхъ отвѣтчиковъ. Также выше въ уголовныхъ дѣлахъ и $\frac{0}{\infty}$ примиреній. Таковы данные за весь восьмилѣтній періодъ; отдѣльно же по четырехлѣтіямъ аналогичныя соотношенія представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	ЧИСЛО ОТВѢТЧИКОВЪ:	
	За 1-е четырехлѣтіе.	За 2-е четырехлѣтіе.
Оправданныхъ	489 или 18,8 $\frac{0}{\infty}$	453 или 9,1 $\frac{0}{\infty}$
Прощенныхъ	127 „ 4,9 $\frac{0}{\infty}$	168 „ 3,4 $\frac{0}{\infty}$
Приговоренныхъ къ розгѣ	953 „ 36,5 $\frac{0}{\infty}$	1748 „ 35,2 $\frac{0}{\infty}$
„ къ аресту	622 „ 23,9 $\frac{0}{\infty}$	1878 „ 37,8 $\frac{0}{\infty}$
„ къ штрафу	163 „ 6,2 $\frac{0}{\infty}$	515 „ 10,2 $\frac{0}{\infty}$
„ къ общественнымъ работамъ . .	246 „ 9,4 $\frac{0}{\infty}$	196 „ 4,0 $\frac{0}{\infty}$
Приговоренныхъ къ выговору или винушенію . .	9 „ 0,3 $\frac{0}{\infty}$	10 „ 0,3 $\frac{0}{\infty}$
Итого	2609 „ 100	4968 „ 100.

Въ этихъ рядахъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе пониженіе за 2-е четырехлѣтіе относительнаго числа оправданій почти вдвое. Параллельно этому въ $1\frac{1}{2}$ раза увеличивается примѣненіе ареста и почти вдвое—штрафа; процентъ же приговоренныхъ къ общественнымъ работамъ,

наоборотъ, болѣе чѣмъ вдвое понизился. Безъ измѣненій остался только $\frac{0}{100}$ выговоровъ и почти безъ измѣненій— $\frac{0}{100}$ тѣлесныхъ наказаній: послѣдній даже нѣсколько понизился. Но если примѣненіе розги въ общей массѣ другихъ наказаній нѣсколько и сократилось, то, съ другой стороны, ея абсолютное значеніе не только не уменьшилось, но, наоборотъ, сильно увеличилось; именно, въ 1-е четырехлѣтіе въ теченіе каждаго 10 дней подвергались тѣлесному наказанію по приговорамъ волостныхъ судовъ въ среднемъ 7 человѣкъ, а во 2-е—12, т. е. болѣе одного человѣка въ день. Вообще же за 8 лѣтъ дѣятельности новаго крестьянскаго суда было высѣчено 12,5 $\frac{0}{100}$ всего взрослого мужскаго населенія округа (2701 изъ 22 тысячъ). Если даже исключить отсюда извѣстное число неисполненныхъ приговоровъ, то все-таки приведенный $\frac{0}{100}$ едва ли понизится сколько-нибудь значительно, такъ какъ во 1) $\frac{0}{100}$ неисполненныхъ уголовныхъ приговоровъ, какъ увидимъ дальше, вообще не высокъ, а во 2) потому, что 22 тысячи выражаютъ численность взрослого мужскаго населенія всѣхъ сословій, а также, стало быть, и крестьянъ отъ тѣлеснаго наказанія свободныхъ. Если всѣ такія лица исключить, то $\frac{0}{100}$ высѣченныхъ къ числу отъ тѣлесныхъ наказаній не изъятыхъ, вѣроятно, повысился бы не меньше, если даже не больше, чѣмъ онъ понизился бы при исключеніи изъ числа приговоренныхъ къ розгѣ тѣхъ, надъ которыми приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе.

Такіе широкіе размѣры дѣятельности волостныхъ судовъ по примѣненію розги и ареста въ значительной степени обусловливаются, во 1-хъ, вкоренившимся убѣжденіемъ, что съ сибирскимъ мужикомъ «ничего безъ розги и чижовки не подѣлаешь», а во 2-хъ—значительнымъ количествомъ среди мѣстнаго населенія ссыльныхъ, относительно которыхъ господствуетъ мнѣніе, что и эти наказанія являются для нихъ вполнѣ привычными и легкими. Ссыльныхъ же главнымъ образомъ и сѣкутъ; именно, изъ 5527 отвѣтчиковъ крестьянъ было высѣчено 1942 или 35 $\frac{0}{100}$, а изъ 1388 ссыльныхъ—759

или 55%, т. е. если изъ 3-хъ отвѣтчиковъ крестьянъ приговаривается къ сѣченію одинъ, то изъ отвѣтчиковъ ссыльных сѣчется одинъ изъ каждаго двухъ. Помимо этого, къ ссыльнымъ примѣняется тѣлесное наказаніе въ болѣе высокой мѣрѣ, чѣмъ къ крестьянамъ. Такъ, если разгруппировать приговоренныхъ къ розгѣ крестьянъ и ссыльных по количеству ударовъ, то получатся слѣдующія соотношенія:

	Число приговоренныхъ къ розгѣ: Крестьянъ. Ссыльных.	
Въ количествѣ до 10 ударовъ	622 или 32%	146 или 19%
» » отъ 11 до 15	682 » 35%	177 » 23,3
» » отъ 16 до 20	638 » 32,9	436 » 57,5
Итого	1942 » 100	759 » 100.

Отсюда видно, что изъ поселенцевъ, приговоренныхъ къ розгѣ, высшей мѣрѣ наказанія подвергаются болѣе половины, а изъ крестьянъ—около $\frac{1}{3}$ ¹⁾.

Какъ рѣшеніями, такъ и приговорами стороны остаются недовольны очень часто: за весь періодъ кассационныхъ жалобъ было подано—по тяжбынымъ дѣламъ 1369 и по проступкамъ 1398. Однако, рѣшеній было отмѣнено только 175, изъ нихъ по первымъ 93 или 6% всего числа жалобъ, а по вторымъ—82 или 5,9%. Въ общемъ же изъ тысячи жалобъ окружное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе находило заслуживающими уваженія только 63. Дѣятельность присутствія въ этомъ направленіи довольно постоянная: несмотря на значительное увеличеніе съ теченіемъ времени числа заявленныхъ неудовольствій, процентъ отмѣненныхъ рѣшеній почти не измѣнился, именно:

	За 1-е четырехлѣтіе.	За 2-е четырехлѣтіе.
Заявлено неудовольствій	1204	1563
Отмѣнено рѣшеній	75	100
% кассированныхъ рѣшеній ко всему числу жалобъ	6,2	6,4

¹⁾ По ст. 836 Уст. о ссыльных поселенцы могутъ быть приговариваемы къ розгамъ въ количествѣ до 30 ударовъ. Но этотъ законъ нашелъ примѣненіе въ одной только Вознесенской волости; всего такихъ случаевъ было 7; въ таблицѣ эти случаи, вслѣдствіе малочисленности, особо не выдѣлены.

—т. е. хотя абсолютно число отмѣненныхъ рѣшеній увеличилось ровно на $\frac{1}{3}$ или на 33,3%, тѣмъ не менѣе по отношенію къ общему числу жалобъ оно возрасло только на 0,2%. Что же касается увеличенія за второе 4-хъ-лѣтіе числа жалобъ (34,6% и 42,3% всего числа дѣлъ за соотвѣтствующія 4-хъ-лѣтія), то этотъ фактъ находитъ объясненіе въ весьма значительномъ увеличеніи числа отвѣтчиковъ: въ среднемъ за первые 4 года ихъ приходилось на 100 дѣлъ 150, за вторые—269, а отвѣтчики главнымъ образомъ и остаются недовольны.

Съ постановленіемъ рѣшенія всѣ отношенія между сторонами и судомъ прекращаются: исполненіе рѣшеній совершенно не входитъ въ область дѣятельности волостнаго суда, а всецѣло возложено на сельскихъ старостъ; волостное правленіе предписываетъ послѣднимъ о приведеніи въ исполненіе судебныхъ рѣшеній, общій же контроль въ этомъ отношеніи предоставленъ земскимъ засѣдателямъ, какъ мировымъ посредникамъ, и отчасти—присутствію по крестьянскимъ дѣламъ, какъ ревизующей инстанціи. Тѣмъ не менѣе, если выясненіе вопроса о количествѣ неисполненныхъ рѣшеній и не даетъ ничего въ смыслѣ характеристики дѣятельности волостнаго суда, то для характеристики, значенія послѣдней остановиться на этомъ вопросѣ даже необходимо. Но если пользоваться съ этой цѣлью только книгами на записку рѣшеній, то можно впасть въ большую ошибку, такъ какъ отмѣтки объ исполненіи дѣлаются очень небрежно; сплошь и рядомъ неотмѣченными оказываются такіа рѣшенія, которыя приведены въ исполненіе уже давнымъ-давно, что и обнаруживается при ближайшей провѣркѣ отмѣтокъ. Такъ, въ одной Вознесенской волости вмѣсто 85 значущихся по книгамъ неисполненныхъ рѣшеній за 1889 и 90 годы, по провѣркѣ путемъ спроса сельскихъ старостъ, оказались дѣйствительно неисполненными только 50; но и это число, вѣроятно, понизилось бы, если бы провѣрка была произведена тщательнѣе. Довѣрять вообще книжнымъ отмѣткамъ нельзя,

и поэтому всѣ отзывы о громадномъ, будто бы, количествѣ остающихся неисполненными рѣшеній страдаютъ преувеличенностью въ высшей степени. Единственное, о чемъ можно въ данномъ случаѣ говорить съ увѣренностью, это о замѣчательной медленности: проходить нерѣдко нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ постановленное рѣшеніе приведется въ исполненіе, и случаи съченія черезъ 3—5 лѣтъ послѣ постановленія приговора не являются особенной рѣдкостью. Что именно медленность имѣетъ здѣсь превалирующее значеніе, не трудно убѣдиться изъ сопоставленія числа неисполненныхъ рѣшеній по двухлѣтіямъ:

	Общее число неисполненныхъ рѣшеній.	% неисполненныхъ рѣшеній ко всему числу рѣшеній за соответствующія 2-хъ лѣтія.
За 1-е двухлѣтіе	161	9,9
» 2-е »	232	13,2
» 3-е »	414	22,0
» 4-е »	625	34,5
Итого . .	1432	20,0

Или—на каждыя 10 неисполненныхъ рѣшеній за 1-е двухлѣтіе приходится неисполненныхъ рѣшеній:

за 2-е двухлѣтіе	14
» 3-е »	26
» 4-е »	39

—т. е. какъ абсолютное такъ и относительное число рѣшеній за 4-е двухлѣтіе почти въ 4 раза превышаетъ соответствующее число за 1-е. Относить такую разницу можно единственно на счетъ того обстоятельства, что значительный % рѣшеній приводится въ исполненіе лишь черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ постановленія, такъ какъ постоянныя администраціи въ этомъ направленіи не только съ теченіемъ времени не ослабѣваютъ, но, наоборотъ, становятся все энергичнѣе, и энергичнѣе.

Въ значительномъ количествѣ рѣшенія останавливаются въ своемъ исполненіи за окружнымъ присутствіемъ, гдѣ кас-

саціонныя жадабы лежать неразмсрѣнныи нерѣдко 1—2 года; затѣмъ, если рѣшеніе кассируется, то до вторичнаго пересмотра и вторичной кассациі можетъ снова пройти 1—2 года. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что даже черезъ 4—6 лѣтъ $\%$ неисполненныхъ рѣшеній имѣетъ шансы понизиться почти въ $1\frac{1}{2}$ раза, что видно изъ сравненія соответствующихъ цифръ за 1-е и 2-е двухлѣтія. Помимо этого, множество рѣшеній не приводится въ исполненіе вслѣдствіе несостоятельности отвѣтчиковъ или вслѣдствіе ихъ отлучки: ушелъ, напимѣръ, на пріиски, нанялся куда-либо въ работники или просто, если поселенецъ, ушелъ бродяжить. Наконецъ, случаи примиренія уже послѣ записи рѣшенія въ книгу также увеличиваютъ число неисполненныхъ рѣшеній. Изъ перечисленныхъ причинъ самой серьезной является несостоятельность отвѣтчиковъ. Въ этомъ убѣждаетъ сопоставленіе $\%$ неисполненныхъ рѣшеній по тяжбынымъ дѣламъ и по проступкамъ, именно:

Число неисполненныхъ рѣшеній въ $\%$ къ соответствующему числу дѣлъ:		
	По тяжбынымъ дѣламъ.	По маловажнымъ проступкамъ.
За 1-е 4-хъ-лѣтіе . . .	14,8	7,7
» 2-е . . .	34,3	21,8
Итого . . .	39,4	29,5

Итакъ, относительное число неисполненныхъ рѣшеній за 1-е четырехлѣтіе по проступкамъ почти вдвое ниже соответствующаго числа по дѣламъ тяжбынымъ, а за 2-е четырехлѣтіе ниже почти въ $1\frac{3}{4}$ раза. Причиной такого превышенія является исключительно невозможность приводить въ исполненіе многія рѣшенія по тяжбынымъ дѣламъ, вслѣдствіе несостоятельности отвѣтчиковъ.

Полученный $\%$ приговоровъ по дѣламъ о проступкахъ, оставшихся неисполненными къ 1 января 1891 года отъ перваго четырехлѣтія дѣятельности волостнаго суда, является вообще невысокимъ, именно—7,7 (около $\frac{1}{15}$ части всего

числа приговоровъ за этотъ періодъ). Но можно съ увѣренностью утверждать, что и этотъ $\frac{0}{100}$ понизился бы по крайней мѣрѣ на $\frac{1}{3}$, если бы отмѣтки въ книгахъ дѣлались тщательнѣе, такъ какъ, при энергичномъ настояніи окружнаго начальства о приведеніи въ исполненіе рѣшеній волостныхъ судовъ непреодолимымъ препятствіемъ въ этомъ отношеніи для приговоровъ можетъ служить только отлучка отвѣтчиковъ, затѣмъ ихъ болѣзнь или смерть, и наконецъ—кассация, т. е. все такіе случаи, которые на практикѣ встрѣчаются лишь въ видѣ исключеній.

Итакъ мы видѣли, какъ интенсивна и широка дѣятельность сибирскаго волостного суда; мы видѣли, что въ теченіе 8 лѣтъ въ одномъ Красноярскомъ округѣ было постановлено слишкомъ 7 тысячъ рѣшеній при участіи свыше 20 тысячъ истцовъ и отвѣтчиковъ. Дѣятельность суда въ сферѣ гражданскихъ правоотношеній затрагиваетъ самые близкіе, насущные, повседневные интересы сельскаго населенія, а въ сферѣ уголовной она налагаетъ многочисленныя кары, и притомъ такія суровыя, какъ розги. Восемь лѣтъ судебно-волостной практики успѣли выработать типъ волостного суда, установили путь, которымъ выясняется на судѣ истина. Поэтому и представляется не только въ высшей степени важнымъ, но и вполне возможнымъ остановиться на вопросѣ, какимъ образомъ осуществляетъ волостной судъ свою дѣятельность, насколько соответствуетъ онъ своему назначенію—легко доступнаго и справедливѣйшаго суда, насколько, наконецъ, удовлетворяетъ требованіямъ практической справедливости обычное судебно-волостное судопроизводство, начиная съ момента принятія жалобы и кончая постановленіемъ рѣшенія или приговора. Къ возможному разрѣшенію этихъ вопросовъ на основаніи матеріаловъ по записямъ рѣшеній, отчасти—по разспросамъ мѣстнаго населенія и должностныхъ лицъ, мы теперь и перейдемъ.

II.

Чтобы подойти къ очерку дѣятельности волостныхъ судовъ по существу, т. е. съ точки зрѣнія установившихся принциповъ судопроизводства, необходимо предварительно остановиться на двухъ вопросахъ, выясненіе которыхъ для характеристики значенія судовъ представляется весьма важнымъ; первый изъ нихъ—вопросъ о подсудности, второй—о томъ, кто именно является субъектомъ, вчиняющимъ передъ волостнымъ судомъ искъ, или, другими словами, кто въ дѣйствительности является инициаторомъ судебно-волостного процесса.

Что касается подсудности, то вопросъ о томъ, какъ она фактически опредѣляется, нѣсколько выяснился при группировкахъ числа участвовавшихъ въ дѣлѣ лицъ по сословіямъ, и числа дѣлъ—по предметамъ разбирательства. Остановимся теперь на этомъ вопросѣ нѣсколько подробнѣе и рассмотримъ, какъ опредѣляется подсудность сибирскому волостному суду во 1) по роду дѣлъ, во 2) по лицамъ, принимающимъ участіе въ процессѣ, и въ 3) по мѣсту нахождения спорнаго имущества или по мѣсту совершенія преступнаго дѣянія.

Согласно 96 ст. Общ. полож. «волостной судъ рѣшаетъ окончательно всѣ споры и тяжбы собственно между крестьянами, цѣною до 100 руб. включительно, какъ о недвижимомъ, такъ и о движимомъ имуществахъ въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла, такъ и по займамъ, покупкамъ и всякаго рода сдѣлкамъ и обязательствамъ, а равно и дѣла по вознагражденію за убытки и ущербъ, крестьянскому имуществу причиненный». Изъ установленныхъ такимъ образомъ предѣловъ подсудности тяжбныхъ дѣлъ по роду волостной судъ выходитъ чрезвычайно рѣдко: если цѣна иска иногда и превышаетъ 100 руб., то мы всегда въ книгѣ найдемъ подписки сторонъ, удостоверяющія о согласіи послѣднихъ передать дѣло на окончательное разрѣшеніе волостнаго суда. Земель же, находящихся въ частной собственности, здѣсь

почти нѣтъ, а потому нѣтъ среди сельскаго населенія и споровъ о недвижимомъ имуществѣ, въ «крестьянскій надѣлъ не входящемъ». Но по займамъ очень нерѣдко обходы: кредиторъ-кулакъ, хорошо знающій предѣлы компетенціи волостного суда по тяжбымъ дѣламъ и находящій въ то же время для себя неудобнымъ обращаться въ общія судебныя мѣста, никогда не возьметъ долговой росписки, превышающей 100 руб., а заставитъ должника написать 2 или нѣсколько росписокъ, каждая въ нѣсколько десятковъ рублей. Такой обходъ въ довольно широкихъ размѣрахъ практикуютъ скупщики хлѣба, задавая впередъ зажиточнымъ крестьянамъ иногда по нѣсколько сотъ рублей. Если въ такихъ случаяхъ должникомъ является одно лицо, то о нарушеніи подсудности, по крайней мѣрѣ—съ формальной точки зрѣнія, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Но бываютъ случаи, что нѣсколько должниковъ, каждый на сумму менѣе 100 руб., даютъ одно общее обязательство, ручаясь въ исправности платежа круговой порукой; въ суммѣ такое обязательство превышаетъ предѣльную цѣну подсуднаго волостному суду иска иногда довольно значительно. Волостной судъ, принимая къ своему разсмотрѣнію иски по такимъ обязательствамъ, дѣлаетъ несомнѣнную ошибку, такъ какъ при круговой порукѣ не только всѣ отвѣчаютъ за каждого, но и каждый за всѣхъ, и поэтому искъ формально долженъ предъявляться въ полной суммѣ всего обязательства къ каждому изъ отвѣтчиковъ. Дробленіе иска не должно бы допускаться, а между тѣмъ, только благодаря такому дробленію, не мало исковъ по артельнымъ обязательствамъ на сумму болѣе 100 руб. не могутъ быть по записямъ рѣшеній даже и констатированы. Единственная замѣченная мною запись такого рода съ полною откровенностью занесена въ книгу словескаго волостного суда (90 г., ч. I, № 34); именно, предъявленъ искъ къ 10 отвѣтчикамъ-должникамъ, въ размѣрѣ 19 руб. къ каждому; доказательствомъ служило заемное обязательство, гарантированное круговой порукой всѣхъ 10 должниковъ. Искъ удо-

влетворенъ и рѣшеніе обжаловано не было. Однако, нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы вслѣдствіе единичныхъ фактовъ такого превышенія компетенціи волостного суда, чьи-либо интересы страдали; даже напротивъ: необходимость обращаться въ общія судебныя мѣста, соединенная съ формальностями и большой тратой времени, заставила бы кредиторовъ либо ограничить кредитъ, либо выработать такія формы послѣдняго, которыя оказались бы, несомнѣнно, тяжелѣе нынѣ существующихъ, и безъ того достаточно тяжелыхъ.

Для маловажныхъ проступковъ подсудность по роду закономъ точно не установлена; ст. 101 Общ. полож. говоритъ о маловажныхъ проступкахъ вообще, а ст. 102 опредѣляетъ максимальныя нормы наказаній за «таковыя проступки»; примѣчаніе 1-е къ этой статьѣ указываетъ еще, что волостные суды «при опредѣленіи.... мѣры наказаній за маловажныя преступленія и проступки, примѣняются къ правиламъ, по сему предмету установленнымъ въ уставѣ сельско-судебномъ для государственныхъ крестьянъ», такъ-что законъ обязываетъ волостные суды во 1-хъ) только примѣняться къ названному уставу, но отнюдь не слѣдовать ему безусловно, а во 2-хъ) примѣняться только къ резолютивной его части, т. е. при опредѣленіи мѣры наказаній, а не къ той части, которая опредѣляетъ составъ проступковъ. Вслѣдствіе этого, какъ мы видѣли выше, волостной судъ нерѣдко принимаетъ къ своему разбирательству дѣла, превышающія его компетенцію; составъ же преступнаго дѣянія по искамъ частныхъ лицъ опредѣляется на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, а по искамъ лицъ должностныхъ, главнымъ образомъ по предписаніямъ окружной администраціи,—на основаніи требованія послѣдней, какъ инстанціи для волостного суда безусловно компетентной. Что волостной судъ далеко не всегда руководствуется сельско-судебнымъ уставомъ при опредѣленіи подсудности проступковъ, достаточно видно изъ многочисленныхъ случаевъ разбирательства дѣлъ по убою животныхъ¹⁾;

¹⁾ Неподсудность такихъ дѣлъ волостному суду установлена еще въ 1871 году рѣшеніемъ Сената за № 1629.

не мало также дѣлъ по оскорбленіямъ волостныхъ старшинъ, не смотря на ст. 491, примѣч. 1, устава, повелѣвающую виновныхъ въ оскорбленіи начальниковъ или въ неповиновеніи имъ подвергать уголовному суду; частоостровскій же волостной судъ даже допустилъ примиреніе по дѣлу объ оскорбленіи старосты при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей (90 г. ч. II, 13). Аналогичный случай имѣлъ мѣсто и въ практикѣ погорѣльскаго волостного суда (87 г. ч. II, 1): отвѣтчикъ оказалъ сопротивленіе сельскому старостѣ при приведеніи послѣднимъ въ исполненіе рѣшенія волостного суда; судъ ограничился внушеніемъ—«чтобы на будущее время онъ (отвѣтчикъ) законныя требованія старосты по приведенію въ исполненіе рѣшеній волостного суда исполнялъ безпрекословно».

Должностныя лица крестьянскаго управленія, по настоянію окружной администраціи, привлекаютъ сельское населеніе весьма часто къ волостному суду за нарушеніе, какъ формулируютъ они свои требованія, «устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ», или, что гораздо правильнѣе, «неисполненіе законныхъ требованій начальства». Такихъ исковъ масса; но и здѣсь подсудность по роду опредѣляется довольно шатко: напримѣръ, такой проступокъ, какъ непривязываніе собакъ или даже недосмотръ за собакой, которая, будучи привязанной, сорвалась, можетъ быть и не подлежить вѣдѣнію суда: наложить въ данномъ случаѣ взысканіе въ порядкѣ административномъ во власти не только мирового посредника, но даже и сельскаго старосты, а между тѣмъ отвѣтчики привлекаются къ суду цѣлыми десятками, и дѣло оканчивается 25 копѣечнымъ штрафомъ или 1—2 дневнымъ арестомъ; земскіе же засѣдатели, предписывая старшинамъ и старостамъ привлекать такихъ правонарушителей къ волостному суду, надѣются, что послѣдній приговоритъ ихъ къ наказанію болѣе или менѣе суровому. Но такія надежды оправдываются очень рѣдко, даже относительно проступковъ болѣе серьезныхъ. Передаетъ, напримѣръ, засѣдатель на

обсужденіе волостного суда переписку о поселенцѣ Ив. З., который, «идя по улицѣ въ пьяномъ видѣ, производилъ сквернословіе нублочно и нарушалъ благочивіе», а потому «волостной судъ приговорилъ подвергнуть И. З. заключенію при волостной тюрьмѣ на двое сутокъ» (Еловской, 90 г., ч. II, 14). Въ другомъ случаѣ засѣдатель пренровождаетъ въ волостной судъ дознаніе о неосторожномъ обращеніи съ огнемъ, причемъ рекомендуетъ «наложить на виновныхъ, въ примѣръ прочимъ, самое строгое изъ предоставленныхъ волостному суду наказаній». Судъ приговариваетъ всѣхъ 3-хъ отвѣтчиковъ къ общественнымъ работамъ на 1 день (Еловская вол., 90 г., ч. II, 51). Вообще волостной судъ относится весьма сурово по такимъ искамъ только къ недоимщикамъ казенныхъ податей, приговаривая ихъ болѣею частію къ тѣлесному наказанію.

Итакъ, вслѣдствіе отсутствія въ законѣ положительныхъ нормъ, опредѣляющихъ подсудность волостному суду проступковъ по роду, а также вслѣдствіе отсутствія правильныхъ съ чьей бы то ни было стороны указаній, волостной судъ иногда принимаетъ къ своему разбирательству дѣла по преступнымъ дѣяніямъ, превышающимъ его компетенцію, и весьма часто — дѣла по проступкамъ настолько маловажнымъ, что они съ гораздо большимъ удобствомъ для населенія могли бы рѣшаться въ административномъ порядкѣ, безъ излишняго обремененія судей и безъ излишняго обремененія дѣлопроизводства волостныхъ правленій, достигающаго въ Сибири весьма почтенныхъ размѣровъ.

Что касается опредѣленія подсудности по лицамъ, то въ этомъ отношеніи недоразумѣнія очень рѣдки, въ особенности по дѣламъ тяжбынымъ; единственное, довольно частое нарушеніе требованія закона заключается въ томъ, что не всегда отбирается отъ разнословныхъ тяжущихся подписка въ желаніи подчиниться безпрекословно рѣшенію волостного суда; иногда такая подписка берется только отъ той изъ сторонъ, которая не принадлежитъ къ крестьянскому сословію, и почти

никогда—отъ обѣихъ сторонъ; тѣмъ не менѣе, не было ни одного случая, чтобы влѣдствіе этого оспаривалась сила разъ рѣшеннаго волостнымъ судомъ дѣла, конечно, исключая случаи обжалованія въ законномъ порядкѣ.

Незамѣтно также, чтобы нарушались основанія подсудности по мѣсту; въ тяжёбныхъ дѣлахъ—мѣсто нахождения спорнаго имущества, а по проступкамъ—мѣсто совершенія проступка, опредѣляютъ подсудность въ каждомъ случаѣ безспорно. Если иокъ по обязательству, то въ такомъ случаѣ всегда дѣйствуетъ правило: *auctor locum rei sequitur*. Выдающимся примѣромъ практическаго примѣненія этого правила можетъ служить рѣшеніе, занесенное въ книгѣ владѣвскаго волостного суда, ч. I, 89 г., подъ № 6: въ заледѣвскій волостной судъ Тоузовское волостное правленіе, Мокшанскаго уѣзда, препроводило для взысканія долговою росписку въ 20 руб. крестьянина Заледѣвской волости, выданную крестьянину Тоузовской волости. Отвѣтчикъ, вызванный въ судъ, хотя и отговаривался уплатой, но уплаты ничѣмъ не доказалъ, почему искъ былъ признанъ подлежащимъ удовлетворенію.

Въ общемъ выводѣ, волостной судъ, рѣшая въ каждомъ частномъ случаѣ вопросъ о подсудности, дѣлаетъ крупныя ошибки только по дѣламъ о проступкахъ, именно при опредѣленіи подсудности ихъ по роду; если же бывають неправильности по опредѣленію подсудности по лицамъ и по цѣлѣ иска, то эти неправильности рѣдки и практически не имѣютъ почти никакого значенія. Не опасно также и практикуемое, съ цѣлью обхода закона о предѣльной цѣлѣ иска, дробленіе одного по существу иска на нѣсколько. Нарушеній правилъ о подсудности по мѣсту, кажется, не бываетъ вовсе. Пререканій о подсудности волостной судъ не знаетъ: въ случаѣ какихъ-либо сомнѣній, вопросъ рѣшается окончательно земскимъ засѣдателемъ или окружнымъ присутствіемъ.

Вчинять искъ передъ волостнымъ судомъ можетъ всякій: и частное лицо, и должностное, и физическое, и юридическое,

и непосредственно, и через повѣренныхъ. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ иниціаторомъ процесса является частное физическое лицо непосредственно; случаевъ, чтобы такое лицо дѣйствовало черезъ повѣренныхъ, весьма мало,—но и то только тогда, если истецъ не принадлежитъ къ крестьянскому сословію. Частныя лица, предъявляющія уголовный искъ, всегда являются въ разсмотрѣніи его заинтересованными лично; случаевъ возбужденія такого иска свидѣтелями (Общ. полож., ст. 103, § 3) не бываетъ, кажется, никогда. Должностныя лица, дѣйствующія ех officio, или появляются на судѣ лично, или же предоставляютъ разсматривать вчиненный ими искъ заочно; повѣренныхъ здѣсь также не бываетъ. Должностнымъ юридическимъ лицомъ, въ качествѣ иниціатора преслѣдованія, является исключительно окружное полицейское управленіе (наприм., Еловск. вол., 90 г., ч. II, 75—за праздновательство), но непосредственно оно дѣйствуетъ весьма рѣдко, въ большинствѣ случаевъ предлагая возбудить преслѣдованіе волостному старшинѣ. Земскіе же засѣдатели вчинаютъ уголовныя иски передъ волостнымъ судомъ очень часто (конечно, не непосредственно, а черезъ должностныхъ лицъ волостной, а иногда и сельской администраціи); поводомъ здѣсь служить или неисполненіе требованій начальства, или жалоба частнаго лица, принесенная мировому посреднику, передаваемая въ судъ уже черезъ послѣдняго, или, наконецъ,—тѣ случаи, когда засѣдатель, производящій предварительное слѣдствіе по подозрѣнію въ какомъ-либо преступленіи, изъ данныхъ слѣдствія убѣдится, что имѣетъ дѣло съ маловажнымъ проступкомъ, подсуднымъ волостному суду; напримѣръ, когда дѣло о грабежѣ окажется дѣломъ о разорванной въ драгѣ рубахѣ, «тяжкіе побои» — оскорбленіемъ дѣйствіемъ и т. п. Частнымъ юридическимъ лицомъ, въ качествѣ иниціатора иска, является или сельское общество, или управленіе золотыхъ приисковъ. Какъ то, такъ и другое, представляется на судѣ повѣреннымъ. Послѣднимъ отъ лица общества всегда служить сельскій староста или его помощникъ, а отъ лица

прискового управления—его приказчикъ. Сельское общество предъявляетъ иски или къ отдѣльнымъ членамъ своимъ, на примѣръ—въ случаѣ нежеланія ихъ подчиниться раскладкѣ мирскихъ сборовъ (Сухобуз. вол., 88 г., ч. I, 58), или къ другому сельскому обществу, на примѣръ—въ случаяхъ по-
травы (Частоостр. вол., 90 г., ч. I, 57; одинъ изъ чрезвычайно рѣдкихъ случаевъ появленія юридическаго лица въ качествѣ отвѣтчика, также черезъ повѣреннаго—сельскаго старосту. Аналогичный случай разбирался вознесенскимъ волостнымъ судомъ въ 1884 году (книга ч. I, № 38), когда искъ былъ предъявленъ 3-мя крестьянами къ сельскому обществу о неправильномъ дѣленіи общественныхъ покосовъ; судъ постановилъ обязать общество дѣлить покосы правильно). Присковыя же управления ищутъ всегда съ рабочихъ (на примѣръ, Нахвальск. вол., 90 г., ч. I, 34; Еловск. вол., 86 г., ч. I, 234; Сухобуз. вол., 90 г., ч. I, 12 и друг.). Для того, чтобы повѣренный имѣлъ право представлять на волостномъ судѣ которую-нибудь изъ сторонъ, никакихъ формальныхъ довѣренностей не требуется; достаточно, чтобы судъ вообще убѣдился, что повѣренный дѣйствительно состоитъ таковымъ. Наконецъ, искать по обязательству послѣ смерти того лица, которому оно выдано, могутъ его ближайшіе наслѣдники; и въ данномъ случаѣ, для признанія права на вчинаніе иска, формальностей не требуется никакихъ; достаточно лишь санкціонированнаго судомъ обычая. Характернымъ примѣромъ можетъ служить слѣдующій случай: вдова ищетъ въ 1890 году долгъ по роспискѣ, выданной ей покойному мужу еще 20 іюля 1886 годъ. Вдова указываетъ, что «составу волостныхъ судей лично извѣстно, что послѣ смерти мужа она является единственной наслѣдницей». Судъ призналъ искъ правильнымъ, хотя отвѣтчикъ и отговаривался уплатой. (Вознесенск. вол., 1890 г., ч. I, 32, а).

Сами судьи въ качествѣ иниціаторовъ уголовного иска являются довольно часто въ тѣхъ случаяхъ, когда которая-

нибудь изъ сторонъ позволить себѣ во время судебного разбирательства какое-либо неприличіе; тогда судъ налагаетъ соответствующее взысканіе, которое и отоваривается въ рѣшеніи суда по тому дѣлу, при разборѣ котораго неприличіе имѣло мѣсто. Помимо этого, судъ беретъ на себя инициативу преслѣдованія и тогда, если во время рассмотрѣнія дѣла обнаружится какой-нибудь учиненный одной изъ сторонъ проступокъ, жалоба на который не была предметомъ искового требованія. Приведу нѣсколько наиболее характерныхъ случаевъ подобнаго рода: истица жалуется на оскорбленіе словами, учиненное въ пьяномъ видѣ; на судѣ состоялось примиреніе; тѣмъ не менѣе, судъ приговорилъ отвѣтника къ общественнымъ работамъ на 1 сутки «за пьянство» (Еловск. вол., 90 г., ч. II, 47). Еще типичнѣе слѣдующій случай: отвѣтникъ сначала отвергъ предъявленный къ нему долговой искъ, но потомъ, «снустья около часу», потолковавъ въ истцомъ, «самъ заявилъ суду, что долгъ признаетъ и обязывается уплатить», а «потому» судъ постановилъ: долгъ взыскать, а отвѣтника «за недобросовѣстность и намереніе обмануть подвергнуть общественнымъ работамъ на трое сутокъ». (Заледѣевск. вол., 90 г., ч. I, 84). О судьбѣ этого явно неправильнаго и несправедливаго приговора пока ничего неизвѣстно. Третій случай заключается въ томъ, что истецъ жалуется на оскорбленіе дѣйствіемъ; сущность искового требованія формулируется въ записи слѣдующимъ образомъ: «ударилъ просителя и прокусилъ зубами большой палецъ лѣвой руки и щеку, чѣмъ нанесъ просителю оскорбленіе дѣйствіемъ»¹⁾. Во время судебного слѣдствія отвѣтникъ объявилъ, что «оскорбилъ» истца потому, что послѣдній несправедливо обвинялъ его въ кражѣ 4 роговъ. Судъ, по собственной инициативѣ, удостовѣрившись изъ свидѣтельскихъ показаній, что отвѣтникъ дѣйствительно рогожи тайно похитилъ, постановилъ: «признавая N N виновнымъ въ нане-

¹⁾ Такого рода квалифікація вообще не составляетъ особенной рѣдкости въ книгахъ на записку жалобъ и рѣшеній волостныхъ судовъ Восточной Сибири.

осеніи побоенъ и укушеніи пальца со щекой крестьянину П. и въ захватѣ роговъ, наказать его 15 ударами розогъ, а рогожи отобрать и выдать по принадлежности (Заледѣевск. вол., 89 г., ч. I, 9). Наконецъ, весьма типичнымъ случаемъ инициативы суда по возбужденію преслѣдованія служитъ слѣдующее рѣшеніе: истица жалуется, что поселенецъ N нанесъ ей «оскорбленіе дѣйствіемъ, угрозы и склоняетъ на любовную связь». При разборѣ дѣла совершенно случайно оказалось, что отвѣтчикъ уже 4 года проживаетъ не на мѣстѣ причисленія и безъ вида. Судъ постановилъ: «въ искѣ, по бездоказательности, отказать, а поселенца N, за оскорбленіе истицы на судѣ словами и за проживаніе безъ писменнаго вида, употребить въ общественныя работы на 7 сутокъ». (Заледѣевск. вол., 89 г., ч. II, 7).

Направляются жалобы въ волостной судъ черезъ волостныя правленія; послѣднія, соответственно количеству жалобъ и мѣстожительству сторонъ, назначаютъ, по соглашенію съ судьями, время и мѣсто засѣданій. При огромности сибирскихъ волостей и удаленности нѣкоторыхъ селеній отъ волостного правленія, судъ, вслѣдствіе необходимости, пользуется довольно широко предоставленнымъ ему правомъ открывать свои засѣданія въ любомъ изъ селеній волости. Когда время засѣданій назначено и мѣсто ихъ определено, волостное правленіе дѣлаетъ вызовъ всѣмъ участвующимъ въ дѣлѣ лицъ—сторонъ и свидѣтелей—черезъ сельскихъ старостъ; особыхъ повѣстоковъ не рассылаютъ никогда. Если кто-либо изъ сторонъ не явился, то дѣло, обыкновенно, откладываютъ. Впрочемъ, неявка истицы безъ законныхъ причинъ почти всегда равносильна отказу отъ иска. Въ книгу рѣшеній такіе случаи, обыкновенно, не вносятся, и потому нѣтъ возможности прослѣдить количественную ихъ распространенность. Также не вносятся въ книгу и тѣ случаи, когда разборъ дѣла откладывается вслѣдствіе неявки отвѣтчика или кого-нибудь изъ необходимыхъ свидѣтелей. Но изъ нѣкоторыхъ записей можно усмотрѣть, что иногда заранѣе

рѣшенія постановляются лишь послѣ нѣсколькихъ случаевъ откладыванія; напримѣръ, дѣло, рѣшеніе по которому записано въ книгу Заледѣвскаго волостнаго суда, 89 г. ч. I, № 24, было разсмотрѣно лишь послѣ 5-кратнаго откладыванія за неявкой отвѣтчика, по причинамъ очень сомнительной уважительности. Въ этомъ же родѣ случай заочнаго рѣшенія послѣ 4 неявокъ (Заледѣвск. вол., ч. I, 37). Иногда неявка отвѣтчика, какъ увидимъ ниже, служить, до известной степени, доказательствомъ его дѣйствительной неправоты; иногда за неявку судъ налагаетъ на отвѣтчика штрафъ (напримѣръ, Вознесенск. вол., 83 г., ч. I, 8; Заледѣвская волость, 89 г., ч. I, 13) въ размѣрѣ 50 коп., примѣняясь, очевидно, къ ст. 474 сельско-судебнаго устава. Но вообще заочныя рѣшенія по тяжбынымъ дѣламъ очень рѣдки; по проступкамъ же, какъ было указано, дѣла разбираются въ отсутствіи истцовъ, наоборотъ, довольно часто, но все-таки лишь тогда, если истцы выражаютъ на это свое согласіе. Случаевъ наложенія штрафа на свидѣтелей за неявку безъ законныхъ причинъ не бываетъ; обусловливается это тѣмъ, что стороны, указывая свидѣтелей, всегда предварительно входятъ съ ними въ соглашеніе относительно желанія ихъ явиться въ судъ и давать свои показанія; если же нужный свидѣтель явиться не можетъ, то не является, въ большинствѣ случаевъ, и указавшая на него сторона; такая причина неявки считается судомъ законной.

Выяснивъ, такимъ образомъ, вопросъ о подсудности и о субъектахъ судебно-волостного процесса, другими словами— вопросъ о томъ, при какихъ условіяхъ, кѣмъ и къ кому можетъ предъявляться передъ волостнымъ судомъ гражданскій или уголовный искъ, перейдемъ теперь къ вопросу, при какихъ условіяхъ происходитъ самый разборъ дѣла на судѣ.

Что двери засѣданія волостнаго суда открыты для каждаго желающаго, явственно вытекаетъ изъ смысла ст. 104 Общ. полож., которая запрещаетъ присутствовать во время обсужденія дѣла только волостному старшинѣ и старостѣ.

Но и это единственное ограничение принципа гласности на практикѣ нарушается почти постоянно, тѣмъ болѣе, что доказанное присутствіе названныхъ лицъ не служить еще поводомъ къ кассаци, разъ только лица эти въ производство суда не вмѣшивались. Такимъ образомъ, практика волостного суда не только не служиваетъ принципа гласности, но, наоборотъ, даже расширяетъ его; дѣйствительно, въ засѣданіе суда можно являться кому угодно, пока дозволяютъ размѣры помѣщенія: и женщинамъ, и дѣтямъ, и лицамъ привеллигированныхъ сословій.

Статьями 105—107 устанавливаются принципы устности, состязательности и непосредственности; нарушение принципа состязательности (или обвинительности), въ видѣ невызова къ судебному слѣдствію которой-нибудь изъ сторонъ, прямо указывается закономъ, какъ обязательный поводъ къ кассаци. Между тѣмъ, мы встрѣтимъ довольно часто случаи нарушенія этихъ принциповъ; только требованіе непрерывности, хотя прямо изъ закона и не вытекаетъ, тѣмъ не менѣе никогда не нарушается,—просто потому, что нѣтъ, кажется, ни одного дѣла, коего разборъ потребовалъ бы болѣе времени, чѣмъ сколько нужно для рѣшенія его за одинъ присѣсть.

Въ томъ, что процессъ изъ устнаго обращается въ письменный, изъ обвинительнаго въ слѣдственный, что вмѣсто непосредственнаго продуцированія доказательствъ появляется передъ волостнымъ судомъ докладъ, виноваты, главнымъ образомъ, земскіе засѣдатели, передавая на разсмотрѣніе волостного суда свои «переписки» и даже цѣлыя слѣдственные дѣла, если при дознаніи или слѣдствіи выяснится, что дѣло подсудно волостному суду. Получивши такую «переписку», въ которой нерѣдко приведены показанія допрошенныхъ подъ присягой свидѣтелей, приведены протоколы очныхъ ставокъ, осмотровъ, освидѣтельствowań, обысковъ, вымоковъ и проч., и проч., судъ даже и не осмѣливается входить въ непосредственную провѣрку такихъ авторитетныхъ для него документовъ, скрѣпленныхъ подписью и печатью такого авторитет-

наго для него лица, какъ земскій засѣдатель (онъ же мировой посредникъ, онъ же и судебный слѣдователь); и вотъ все судебное слѣдствіе ограничивается *докладомъ* этихъ документовъ волостному суду, причемъ докладчикомъ является, конечно, волостной писарь. Производитъ, напримѣръ, засѣдатель слѣдствіе о кражѣ; оказывается, что кража простая и на сумму менѣе 30 руб.; дѣло, вмѣстѣ со слѣдственнымъ производствомъ, направляется въ волостной судъ; судъ безъ вызова свидѣтелей и отвѣтчика, по докладѣ дѣла волостнымъ писаремъ, приговариваетъ подсудимаго къ 20 ударамъ розогъ (Заледѣвск. вол., 90 г., ч. II, 62). Въ такомъ же родѣ случай изъ практики словскаго волостного суда (90 г., ч. II, 6). Также и частоостровскій судъ, при разборѣ одного дѣла въ 1884 г., записаннаго въ книгу ч. II, подъ № 24, постановилъ приговоръ на основаніи показаній 3-хъ свидѣтелей, безъ вызова ихъ въ судебное засѣданіе. Въ другомъ случаѣ судъ мотивируетъ свой приговоръ тѣмъ, «что дѣпрошенные его высокоблагородіемъ (т. е. засѣдателемъ) свидѣтели не подтвердили нанесенія оскорбленія (Заледѣвск. вол., 90 г., ч. II, 57). Конечно, предварительное слѣдствіе, какъ единственный матеріалъ для рѣшенія дѣла, представляется въ дѣятельности волостного суда не болѣе какъ случайностью, но такихъ случайностей, къ сожалѣнію, очень не мало, и онѣ начинаютъ входить даже въ систему, въ томъ смыслѣ, что земскіе засѣдатели, а за ними и лица волостной и сельской администраціи, усваиваютъ въ извѣстныхъ случаяхъ вѣзлякъ на волостной судъ, лишь какъ на орудіе кары. Напримѣръ, засѣдатель предлагаетъ волостному суду *наказать* (не разобрать дѣло, а прямо наказать) поселенца К. «за побѣгъ и оставленіе на производъ стороннихъ людей собственнаго дѣтя». Судъ, безъ всякаго судебного слѣдствія, повинувся предложенію засѣдателя, приговорилъ К. къ розгамъ, въ количествѣ 15 ударовъ (Еловск. вол., 90 г., ч. II, 1). Сказанное относится въ особенности къ случаямъ привлеченія къ отвѣтственности «за неисполненіе

законныхъ требованій начальства» и за неплатежъ податей и недоимокъ. Тогда просто составляются волостнымъ старшиною, съ участіемъ сельскаго старосты, списки неплательщиковъ или ослушниковъ, списки представляются въ судъ, и послѣдній, большую часть даже безъ проверки этихъ списковъ, постановляетъ приговоры (Заледѣвск. вол., 90 г., ч. II, 46, 47, 64 и 67; Вознесенск. вол., 90 г., ч. II, 30, 39, 55, 58 и 102; Частоостр. вол., 90 г., ч. II, 23 и 61; Еловск. вол., 90 г., ч. II, 9 и 68; Сухобуз. вол., 90 г., ч. II, 12, 13, 14, 15, 95 и 99; Нахвальск. вол., 90 г., ч. II, 43, 44 и 56; Погорѣльск. вол., 90 г., ч. II, 112 и 115 и мн. друг.); да и самъ судъ смотритъ на себя въ такихъ случаяхъ только какъ на орудіе кары, что видно изъ такихъ выраженій: «волостной судъ.... прибылъ вторично въ село Подъемное для наложенія тѣры наказанія на нерадивыхъ плательщиковъ податей и хлѣбной недоимки» (Еловск. вол., 90 г., ч. II, 68); или—«слушали переданное волостнымъ правленіемъ *предписаніе* г. земскаго заสѣдателя 3 уч. Красноярскаго округа отъ 17 іюля минувшаго года за № 2682 о наложеніи *взысканія* по волостному суду на тѣхъ изъ жителей волости, которые упорно уклоняются отъ повиновенія приказамъ сельскихъ старостъ и волостного правленія по содержанію въ чистотѣ и опрятности селеній» (Частоостр. вол., 90 г., ч. II, 23). И вотъ, волостной судъ усваиваетъ весьма вредный обычай—безусловно полагаться на списки «упорныхъ» и «нерадивыхъ», составляемые старостами и старшинами, отнюдь не выясняя лично путемъ, указаннымъ въ законѣ—въ ст. 103—107 Общ. полож.—являются ли всѣ поименованныя въ такихъ спискахъ лица дѣйствительно нерадивыми и упорными. Въ результатѣ выходитъ нѣчто довольно несообразное и совершенно противорѣчащее закону: выходитъ, что дѣло разсматриваютъ и рѣшаютъ сельско-волостные администраторы, а судъ только налагаетъ по ихъ указаніямъ кары. Если теперь вспомнить, что почти третья часть всего числа разсматриваемыхъ во-

лостнымъ судомъ дѣла по проступкамъ вчинается именно должностными лицами ex officio, то серьезное значеніе указанныхъ нарушеній, влекущихъ къ полному извращенію самой идеи суда, станетъ вполне яснымъ; а между тѣмъ я не знаю факта, чтобы мировой посредникъ, въ лицѣ того же земскаго засѣдателя, или окружныя присутствія обратили вниманіе хотя бы на одинъ случай такого извращенія; даже напротивъ,—подобные случаи имѣютъ мѣсто *только* по искамъ, вчиняемыхъ должностными лицами, не исключая и земскихъ засѣдателей; по дѣламъ тяжбынымъ и по жалобамъ на проступки, поданнымъ частными лицами, я въ книгахъ 7 волостныхъ правленій, за всѣ 8 лѣтъ, не нашелъ ни одного аналогичнаго факта.

Итакъ, за исключеніемъ указанныхъ случаевъ, воѣ дѣла, согласно 105 ст. Общ. полож., «производятся на волостномъ судѣ словесно». Отступленія отъ этого принципа устности, отчасти — непосредственности, если и встрѣчаются, то вслѣдствіе необходимости, именно, когда кто-либо изъ существенныхъ свидѣтелей не можетъ, по законной причинѣ, явиться въ судъ лично. Тогда, чтобы не откладывать дѣла, практикуются слѣдующіе приемы: во первыхъ, неявившійся свидѣтель представляется на судѣ сельскимъ старостою, черезъ котораго первый и передаетъ свои показанія (напримѣръ, Заледѣвск. вол., 90 г., ч. II, 28; Вознесенск. вол., 83 г., ч. II, 35 и друг.); официальное положеніе старосты является въ такихъ случаяхъ какъ бы гарантіей въ добросовѣстномъ исполненіи возлагаемой на него миссіи. Затѣмъ, въ другихъ случаяхъ, староста только удостовѣряетъ показаніе неявившагося свидѣтеля, изложенное письменно (напримѣръ, Сухобузиск. вол., 88 г., ч. II, 12; Погорѣльск. вол., 90 г. ч. I, 2); иногда такое письменное показаніе дается въ присутствіи еще 2-хъ свидѣтелей, которые затѣмъ лично на судѣ подтверждаютъ его правильность (Сухобуз. вол., 90 г., ч. I, 77). Наконецъ, если засѣданіе происходитъ въ мѣстѣ жительства свидѣтеля, то послѣдній допрашивается на дому

самимъ судомъ, въ полномъ составѣ (Вознесенск. вол., 90 г., ч. II, 12); впрочемъ, изъ такихъ случаевъ весьма послѣдовательнаго проведенія принциповъ устности и непосредственности мнѣ извѣстенъ только одинъ. Помимо описанныхъ случаевъ устнаго или письменнаго изложенія передъ волостнымъ судомъ показаній неявившагося свидѣтеля, очень часто читаются различные акты и протоколы осмотровъ, составленные сельскими старостами въ присутствіи понятыхъ, сопровождающіе почти всѣ дѣла о кражахъ или «самовольномъ захватѣ имущества»; но для подтвержденія правильности изложеннаго въ протоколѣ всѣ присутствовавшіе при его составленіи лица появляются, обыкновенно, на судѣ, въ качествѣ свидѣтелей. Иногда, въ дѣлѣ о нанесеніи побоевъ фигурируетъ протоколъ медицинскаго освидѣтельствованія, если, конечно, по дѣлу, до передачи его въ волостной судъ, производилось земскимъ засѣдателемъ слѣдствіе (напримѣръ, Заледѣвск. вол., 90 г., ч. II, 34; Нахвальск. вол., 90 г., ч. II, 39; Вознесенск. вол., 90 г., ч. II, 78 и друг.). Разумѣется, появленіе на волостномъ судѣ такихъ документовъ не можетъ признаваться явленіемъ нормальнымъ и согласнымъ съ закономъ; тѣмъ не менѣе, несмотря на сравнительную многочисленность случаевъ, никто на нихъ не обращаетъ никакого вниманія.

Что касается порядка судебного слѣдствія, то въ этомъ отношеніи практика волостныхъ судовъ не выработала никакихъ опредѣленныхъ правилъ; въ огромномъ большинствѣ случаевъ характеръ судебного разбирательства гораздо ближе къ полному безпорядку, нежели къ порядку. Но все-таки дѣло всегда начинается съ изложенія истцомъ своего требованія; изложеніе, обыкновенно, перебивается возраженіями отвѣтчика, и тутъ же происходитъ продуцированіе разныхъ доказательствъ,—допросъ свидѣтелей, разсмотрѣніе письменныхъ документовъ и т. п.

Вопросъ о системѣ доказательствъ, о способахъ ихъ проверки и оцѣнки, конечно, является центральнымъ при раз-

смотрѣніи любой судебной организаціи; не составляетъ въ данномъ случаѣ исключенія и волостной судъ. Поэтому въ далѣйшемъ изложеніи я останавливаюсь на этомъ вопросѣ съ возможной подробностью.

Нѣтъ, кажется, такого способа или приема, къ которому не прибѣгаютъ стороны для доказательства своей правоты, а судья — для выясненія истины и постановки рѣшенія. Укажемъ, прежде всего, что множество дѣлъ рѣшается просто на основаніи объясненія сторонъ; затѣмъ нерѣдко мѣсто въ качествѣ доказательства или, вѣрнѣе, обстоятельства, устраняющаго необходимость въ доказываніи, признаніе (или сознаніе). Объясненія сторонъ, съ цѣлью выясненія ихъ правоты, помогаетъ еще производимый на судѣ расчетъ, въ которомъ дѣятельное участіе принимаютъ и сами судьи; также сплошь и рядомъ предъявляются росписки и всевозможныя другія письменныя доказательства; о свидѣтельскихъ же показаніяхъ и говорить нечего. Появляются иногда и вещественныя доказательства, дѣлается ихъ сличеніе, приглашаются свѣдущіе люди, производятся удостовѣренія, осмотры и дознанія на мѣстѣ, также дознанія черезъ околныхъ людей. Наконецъ, какъ уже было указано, по большинству исковъ, вчиняемыхъ должностными лицами, доказательствомъ служатъ разныя «дѣла» и «перенески» или же дѣло обходится безъ доказательствъ вовсе, — даже безъ всякаго судоговоренія.

Чтобы опредѣлить количественную распространенность пользованія разными способами доказыванія, въ смыслѣ основанія для постановки рѣшенія, приводится таблица, составленная по выборкамъ изъ всѣхъ книгъ 7 волостныхъ судовъ округа за 1890 годъ.

ЧИСЛО СЛУЧАЕВЪ:

	По тяжбы- нымъ дѣламъ.	По маловаж- нымъ про- ступкамъ.	Итого.
1) Свидѣтельскія показанія и показанія свѣдущихъ людей	102	263	365

2) Разныя дѣла, переписки и вообще «указанія» (по искамъ должностныхъ лицъ).	210	210	
3) Объясненіе сторонъ и произведенный на судѣ расчетъ.	118	74	192
4) Признаніе (или сознаніе).	121	16	137
5) Долговые расписки	114	»	114
6) Разныя другіе письменные документы.	48	6	54
7) Разныя протоколы и акты—осмотровъ, освидѣтельствowań и проч.	8	28	36
8) Осмотры или дознанія на мѣстѣ	4	»	4
9) Дознаніе черезъ окольных людей	2	1	3
10) Вещественныя доказательства	»	3	3
Итого	517	601	1118 ¹⁾

Остановившись теперь на опредѣленіи значенія и обычныхъ способовъ пользованія каждымъ изъ перечисленныхъ видовъ доказательствъ.

1) *Показанія свидѣтелей*, какъ матеріалъ для рѣшенія дѣла, играютъ въ практикѣ красноярскаго волостного суда самую видную роль—и въ тяжёбныхъ дѣлахъ, и въ дѣлахъ по проступкамъ: по первымъ имъ принадлежитъ 19,7% всего числа случаевъ, а по вторымъ—43,8%. Кто можетъ быть свидѣтелемъ на волостномъ судѣ, закономъ не указывается, такъ-что никакихъ ограниченій въ этомъ отношеніи быть не должно, тѣмъ болѣе, что свидѣтели допрашиваются безъ присяги, и судъ воленъ оцѣнивать ихъ показанія, не стѣсняясь никакими обязательными постановленіями. Между тѣмъ бываютъ случаи отвода свидѣтелей: напримѣръ, зале-

¹⁾ Число это потому больше общаго числа дѣлъ за соотвѣтствующій годъ, что по нѣкоторымъ дѣламъ за основаніе для рѣшенія принимались 2 и даже 3 вида доказательствъ.

дѣвскій волостной судъ (89 г., ч. II, 6) нашелъ уважительнымъ предъявленный отвѣтчикомъ отводъ къ 1 изъ 3-хъ свидѣтелей потому, что онъ «кумъ просительницы». Въ другомъ случаѣ волостной судъ (Нахвальск. вол., 85 г., ч. II, 8) по собственной инициативѣ (что уже совершенно незаконно) устранилъ отъ допроса двухъ свидѣтелей на томъ основаніи, что они «ближайшіе родственники отвѣтчика». Но такіе случаи очень рѣдки, и судъ вообще допускаетъ свидѣтельскія показанія въ размѣрахъ чрезвычайно широкихъ и при всевозможныхъ условіяхъ. Прежде всего (за исключеніемъ весьма рѣдкихъ случаевъ отвода) никакихъ личныхъ ограниченій права являться въ качествѣ свидѣтелей нѣтъ: это право принадлежитъ и женщинамъ, и малолѣткамъ, и лицамъ привилегированныхъ сословій; напримѣръ, въ числѣ 3 свидѣтелей является 1 священникъ (Вознесенск. вол., 90 г., ч. II, 116); въ другой разъ по дѣлу о брани самыми неяростными словами даетъ показаніе 10-лѣтній мальчикъ (Вознесенск. вол., 90 г., ч. II, 19; въ этомъ же родѣ и № 115); въ одномъ дѣлѣ о кражѣ свидѣтелями были 5 мальчиковъ (Частоостровск. вол., 84 г., ч. II, 25). Затѣмъ, кромѣ свидѣтелей факта очень нерѣдко выступаютъ свидѣтели доброй или худой славы—нѣчто въ родѣ древне-русскихъ «послуховъ» или древне-римскихъ *infamatores et probatores* (вообще—*conjugatores*). Въ большинствѣ случаевъ показанія такихъ свидѣтелей самостоятельнаго значенія не имѣютъ, но ихъ роль, въ смыслѣ усиленія разныхъ другихъ доказательствъ, довольно видная; напримѣръ, въ судѣ являются два свидѣтеля, которые указываютъ, что отвѣтчикъ «пользуется вообще весьма дурной репутаціей» (Еловск. вол., 90 г., ч. II, 61). Въ другомъ случаѣ, «судъ, имѣя въ виду, что за означенный проступокъ отвѣтчикъ долженъ подлежать тѣлесному наказанію», но, «принимая во вниманіе примѣрную жизнь его», подтвержденную бывшими на судѣ свидѣтелями и «лично суду извѣстную», постановилъ арестовать его на три дня (Частоостровск. вол., 90 г., ч. II, 45). Можно ука-

затѣ еще на случай, когда явившіеся въ судѣ 5 человѣкъ «общественниковъ» и сельскій староста подтвердили, что отвѣтчикъ «дѣйствительно постоянно пьянствуетъ и расточаетъ имущество» (Еловск. вол., 86 г., ч. II, 154), или — когда 3 свидѣтели «подтвердили, что отвѣтчикъ во всѣхъ отношеніяхъ дерзкій» (Заледѣвск. вол., 90 г., ч. II, 2) ¹⁾. Нерѣдки также случаи, что волостной судѣ выслушиваетъ и принимаетъ во вниманіе показанія свидѣтелей, не указанныхъ сторонами, а присутствующихъ на судѣ случайно; иногда такіа показанія являются довольно существенными, оказывая на исходѣ дѣла почти рѣшающее вліяніе. Напримѣръ, отвѣтчикъ, сознаваясь, что дѣйствительно нанесъ истцу оскорбленіе, заявляетъ, что былъ вызванъ на это самимъ же истцомъ, «что подтвердили бывшіе на судѣ сельскій староста и нѣсколько человѣкъ общественниковъ, а потому — жалобу оставить безъ послѣдствій» (Сухобузимск. вол., 88 г., ч. II, 33). Въ другомъ случаѣ, жалобу истицы на жестокое обращеніе съ ней свекрови подтвердили, кромѣ двухъ свидѣтелей, и «другіе жители вообще», присутствовавшіе на судѣ совершенно случайно (Заледѣвск. вол., 90 г., ч. II, 68). Тотъ же судѣ, уже по тяжбному дѣлу, «по собраніи свидѣній отъ общественниковъ», бывшихъ на судѣ, убѣдился въ справедливости иска (90 г. ч. I, 88; въ этомъ же родѣ — Вознесенск. вол., 90 г., ч. II, 120; Заледѣвск. вол., 90 г., ч. II, 31; Вознесенск. вол., 83 г., ч. II, 32 и 156, и мн. друг.). Наконецъ, въ роли свидѣтелей выступаютъ и сами судьи, въ особенности, когда рѣчь идетъ о выясненіи репутаціи которой-либо изъ сторонъ. Судьи, конечно, такіе же общественники, какъ и всѣ прочіе; не могутъ они вполне отрѣшиться отъ того, что всѣ знаютъ, и требовать отъ нихъ рѣшенія дѣла исключительно на основаніи того, что они увидятъ и услышатъ на судѣ, едва ли возможно. Но съ другой

¹⁾ Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ и случаяхъ, имѣ аналогичныхъ, свидѣтели подтверждаютъ только добрую или худую славу, отнюдь не подтверждая факта; въ этомъ-то отношеніи ихъ присутствіе на волостномъ судѣ и является характернымъ.

стороны, нельзя признавать правильнымъ, чтобы судъ рѣшалъ дѣла *единственно* на основаніи того, что сами судьи узнали вѣ суда, а между тѣмъ подобныя случаи бываютъ: напримеръ, заведѣвакій волостной судъ мотивируетъ одно изъ своихъ рѣшеній слѣдующимъ образомъ: «волостной судъ, зная самолично неодобрительное поведеніе Пр. Б. (истины) и что она по уходѣ отъ мужа своего вела жизнь развратную, постановилъ: въ жалобѣ Пр. Б. отказать, а ее за неприличное выраженіе на судѣ и вообще за неодобрительное поведеніе подвергнуть общественнымъ работамъ на 5 дней» (90 г., ч. II, 19). Въ этомъ случаѣ совмѣщаются въ однихъ лицахъ инициаторы иска и свидѣтели, и судья; рѣшеніе было присутствіемъ отмѣнено; но, рассмотрѣнное вторично, окончилось тѣмъ же и было приведено въ исполненіе. Аналогичный случай изъ практики того же суда заключается въ слѣдующемъ: истица М. жалуется на отвѣтника Т., что онъ разбилъ въ ея домѣ стекла съ цѣлью къ ней войти. Свидѣтелей не было и другихъ доказательствъ также нѣтъ никакихъ. Отвѣтникъ возводимое на него обвиненіе отрицаетъ. Но волостной судъ, «зная, по убѣжденію, что Т. (отвѣтникъ) по поведенію своему способенъ на подобный скандалъ, а также зная, что вдова М. (истлица) не отличается хорошимъ поведеніемъ и сама даетъ поводъ къ скандаламъ, пущая въ домъ свой молодыхъ людей», приговорилъ: отвѣтника къ общественнымъ работамъ на 2 дня, а истицу—на 3 (90 г., ч. II, 70).

Вромѣ свидѣтелей факта или репутаціи, передъ волостнымъ судомъ являются иногда и свѣдующіе люди. Прибѣгаетъ судъ къ экспертизѣ для выясненія, главнымъ образомъ, какихъ-либо записей или отрывковъ; если, напримеръ, въ качествѣ доказательства появляются такъ называемые «настущіи описки», то свѣдующимъ человекомъ бываетъ настухъ; торговая книга—какой-нибудь лавочникъ или приказчикъ; книги по хлѣбозапаснымъ магазинамъ—магазинный писарь или вахтеръ со своими рубежами и бирками. Но о

поименіи таковыхъ свидущихъ людей записи рѣшеній почти никогда не упоминають, считая, очевидно, ихъ разъясненія избыточными совершенно частный характеръ и до существа дѣла не относящимися. Единственный извѣстный мнѣ случай отмѣченный записью сторонней экспертизы имѣлъ мѣсто въ практикѣ вознесенскаго волостного суда, когда былъ призванъ въ судъ лавочникъ для удостовѣренія тождества украденной вещи (90 г., ч. II, 49). По искамъ же о познанагражденіи за вредъ в убытки, при опредѣленіи размѣровъ послѣднихъ, въ качествѣ свидущихъ людей, выступаютъ почти всегда сами судьи (например, Частоостр. вол., 90 г., ч. I, 70; Погорѣльск. вол., 90 г., ч. I, 13; Сухобузимск. вол., 88 г., ч. I, 75, и мн. друг.).

Принимаетъ волостной судъ свидѣтельскія показанія въ доказательство любого факта и оцениваетъ ихъ единственно по внутреннему своему убѣжденію, не стѣсняясь никакими формальностями. Такой способъ оцѣнки доказательствъ имѣетъ особенное значеніе при разсмотрѣніи исковъ по долговымъ обязательствамъ; свидѣтельскія показанія принимаются здѣсь и въ доказательство существованія долга, при отсутствіи удостовѣряющаго его наличности письменнаго документа, и въ доказательство уплаты долга, при наличности такого документа. Для иллюстраціи приведемъ слѣдующіе примѣры: отвѣтчикъ предъявленный къ нему безъ всякаго документа долговой искъ отрицаетъ; но выставленные истцомъ 2 свидѣтеля показали, что слышали, какъ отвѣтчикъ при нихъ сознавался, что долженъ. Судъ рѣшилъ — взыскать (Едовск. вол., 90 г., ч. I, 18; тоже, самое — Нахвальск. вол., 90 г., ч. I, 6; Заедѣвск. вол., 89 г., ч. I, 10 и друг.). Однако, въ другомъ, формально точно такомъ же случаѣ, въ искѣ было отказано, «такъ какъ свидѣтели не были очевидцами, когда С. (отвѣтчикъ) получалъ отъ З. (истца) деньги» (Погорѣльск. вол., 87 г., ч. I, 18); между тѣмъ тотъ же Погорѣльскій волостной судъ присуждаетъ взыскать 36 р. 54 к. только на основаніи показанія одного свидѣтеля, который слышалъ,

какъ отвѣтъчикъ говорилъ «долженъ, не спору, но отдамъ не скоро», даже безъ указанія размѣровъ долга (90 г., ч. I, 6). Принимаются также свидѣтельскія показанія въ доказательство суммы долга, при неотрицаніи его существованія (напримѣръ, Вознесенск. вол., 83 г., ч. I, 1; Сухобузимск. вол., 90 г., ч. I, 40), и, наконецъ, въ доказательство уплаты долга, при наличности долговой росписки (напримѣръ, Частоостр. вол., 84 г., ч. I, 2). При такой обычной системѣ оцѣнки доказательствъ, странно встрѣтить отказъ въ удовлетвореніи жалобы, при одномъ свидѣтелѣ, «какъ необставленной полными, требуемыми закономъ (?) доказательствами» (Частоостр. вол., 90 г., ч. II, 15). Другой случай чрезвычайно своеобразной оцѣнки свидѣтельскаго показанія замѣченъ мною также въ записяхъ рѣшеній частоостровскаго волостного суда (90 г., ч. I, 41), именно, когда судъ мотивировалъ отказъ въ искѣ, подтвержденномъ 1 свидѣтелемъ, тѣмъ, что «показаніе его (свидѣтеля), какъ единичное, не можетъ служить никакимъ доказательствомъ». Но надо думать, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ мотивировка явилась слѣдствіемъ просто неудачной редакціи записи, а не слѣдствіемъ убѣжденія суда, такъ какъ никакими законами волостной судъ при оцѣнкѣ доказательствъ никогда не руководствуется и на основаніи единичныхъ свидѣтельскихъ показаній дѣла рѣшаются сплошь и рядомъ.

2) *Письменные документы*, въ качествѣ доказательствъ, появляются на волостномъ судѣ весьма часто и всевозможные, особенно по тяжбынымъ дѣламъ: въ общемъ числѣ всѣхъ доказательствъ по такимъ дѣламъ въ 1890 году письменные документы составляли 31,3%. Изъ нихъ самые распространенные—долговыя росписки (22% всей суммы доказательствъ). Въ числѣ другихъ документовъ встрѣчаются всевозможные сдѣлки и договоры, разные книги—податныя, магазинныя, «торговыя», встрѣчаются «раздѣльные акты», «уступныя письма», завѣщанія и проч. Безспорныхъ письменныхъ доказательствъ волостной судъ не признаетъ и при

оцѣнкѣ ихъ руководствуется также точно внутреннимъ своимъ убѣжденіемъ, граничащимъ съ полнымъ произволомъ, какъ и при оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній. Крайнимъ примѣромъ такого отношенія къ письменному документу можетъ служить слѣдующій случай: въ доказательство долга въ 17 руб. предъявляется росписка. Отвѣтчикъ, признавая подлинность послѣдней, отрицаетъ въ то же время фактъ получения имъ денегъ, «не зная» и не «помня» при какихъ обстоятельствахъ и «почему» онъ росписку подписалъ. Доказательствъ ни съ той, ни съ другой стороны больше никакихъ. Истецъ во время судебного разбирательства припоминаетъ отвѣтчику, при какихъ обстоятельствахъ послѣдній получилъ отъ него деньги и указываетъ, между прочимъ, что 3 руб. внесены въ росписку за взятое отвѣтчикомъ вино. Судъ постановляетъ: признать росписку недѣйствительной и въ искѣ отказать, такъ какъ въ росписку включены 3 руб., которые отвѣтчикъ, по признанію самого истца, долженъ ему за вино, а въ роспискѣ сказано «наличными деньгами» (Заледѣевск. вол., 90 г., ч. II, 43). Впрочемъ, такой случай оцѣнки письменнаго документа «по внутреннему убѣжденію», кажется, единственный. Но если судъ о предъявленномъ письменномъ документѣ иного мнѣнія, то можно встрѣтить слѣдующую мотивировку, совершенно несообразную съ обычной практикой волостного суда: «признавая искъ, какъ основанный на письменномъ доказательствѣ, безспорнымъ», — удовлетворить его (Вознесенск. вол., 90 г., ч. I, 59).

3) При оцѣнкѣ правильности иска въ тѣхъ случаяхъ, когда судебное слѣдствіе ограничивается только *объясненіями сторонъ*, безъ продуцированія какихъ-либо доказательствъ, судъ уже совершенно ничѣмъ не стѣсняется, карая и милуя, присуждая и отказывая, единственно по собственному своему усмотрѣнію. Такихъ случаевъ, гдѣ основаніемъ для постановки рѣшенія служили объясненія сторонъ, было въ 1890 году всего 175 или 15,1% суммы всѣхъ случаевъ (по тяжбынымъ дѣламъ—19,8%, а по проступкамъ—12,3%). Объ-

дспенія сторонъ по тяжбымъ дѣламъ имѣютъ, главнымъ образомъ, характеръ спора, о какомъ-нибудь принципиальномъ вопросѣ обычнаго права, разрѣшеніе котораго должно повести къ тѣмъ или инымъ послѣдствіямъ для спорящихъ сторонъ; таковы, напримѣръ, споры о правѣ наслѣдованія при коллизіи нѣсколькихъ даслѣдниковъ, споры о раздѣлѣ имуще-ства, о правѣ пользованія земельнымъ угодьемъ и ин. друг. Въ такихъ случаяхъ истецъ излагаетъ свое требованіе, отвѣтникъ, приводить свои возраженія, а судъ, согласившись съ мнѣніемъ того или другого, постановляетъ соотвѣствующее рѣшеніе. Останавливаясь на вопросѣ о томъ, насколько властной судъ отвѣчаетъ при такихъ тяжбахъ своему назначенію—быть носителемъ и толкователемъ народныхъ обычаевъ, я не буду, такъ какъ иначе пришлось бы далеко уйти въ области матеріальнаго обычнаго права, а это совершенно не входитъ въ число задачъ настоящаго очерка. Ограничусь только общимъ замѣчаніемъ, что въ этихъ случаяхъ, какъ и во многихъ другихъ, личный составъ суда имѣетъ важнѣйшее значеніе. Что же касается дѣлъ по проступкамъ, то здѣсь суду, обыкновенно, приходится изъ объясненія сторонъ убѣждаться, кто правъ и кто виноватъ, безъ всякихъ другихъ, хотя бы подспорныхъ доказательствъ. Но судъ не всегда, однако, придерживается въ такихъ случаяхъ рекомендуемаго ст. 443 сельско-судебнаго устава правила, что «лучше освободить отъ наказанія десять виновныхъ, нежели приговорить къ оному одного невиннаго». Достаточнымъ доказательствомъ, помимо нѣсколькихъ приведенныхъ выше, можетъ служить еще и слѣдующій примѣръ: крестьянка С. жалуется на крестьянина Ф. въ томъ, что послѣдній, нанявъ ее къ себѣ въ стряпки, «склонялъ къ любовной связи», а такъ какъ она не соглашалась, то нанесъ ей оскорбленіе дѣйствіемъ. Отвѣтникъ, сознаваясь въ желаніи склонить истцу къ любовной связи, оскорбленіе дѣйствіемъ отрицалъ. Доказательствъ равно никакихъ. Судъ постановилъ: «хотя Ф. и отказывается отъ нанесенія оскорбленія С., но

не отвергаетъ того, что склонялъ ее къ любовной связи, чѣмъ даетъ поводъ къ *подозрѣнію* въ совершеніи оскорбленія С., а *потому* ... крестьянина Ф. за оскорбленіе С. подвергнуть аресту на 1 сутки» (Сухобузым. вол., 90 г., ч. II, 47; совершенно въ такомъ же родѣ и рѣшеніе № 49).

4) Довольно большое число тяжбныхъ дѣлъ рѣшается безъ всякихъ доказательствъ единственно на основаніи того, что искъ *признается* отвѣтчикомъ правильнымъ (23,4% всего числа случаевъ). Чаще всего признаніе имѣетъ мѣсто при мелкихъ долговыхъ искахъ (безъ письменнаго документа), когда отвѣтчикъ, признавая искъ правильнымъ, отказывается отъ уплаты по своей несостоятельности вообще или по неимѣнію средствъ въ данный моментъ. Въ дѣлахъ по простудкамъ признаніе своей вины гораздо рѣже (2,7% всего числа случаевъ); здѣсь отвѣтчикъ, наоборотъ, не хочетъ часто сознаться, даже при наличности несомнѣнныхъ уликъ.

Признаніе волостной судъ безусловно всегда и по всемъ дѣламъ считаетъ доказательствомъ безспорнымъ и не подлежащимъ никакой проверкѣ; если даже признаніе учинено въ судебнаго засѣданія, то, доказанное свидѣтелями, оно почитается одинаково безспорнымъ. Судъ никогда не входитъ въ разсмотрѣніе вопроса, не было ли признаніе вынужденнымъ, не явилось ли оно слѣдствіемъ желанія взять на себя чужую вину, или слѣдствіемъ желанія хвастнуть и т. п. Но все сказанное относится лишь къ тѣмъ случаямъ, если признаніе касается всего иска — цѣликомъ; если же признается только какая-либо часть иска, то судъ входитъ въ разсмотрѣніе остальной части послѣдняго, оставшейся непризнанной, при чемъ, при оцѣнѣ ея правильности, также руководствуется исключительно своимъ убѣжденіемъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ: петлица, безъ свидѣтелей и документовъ, имѣетъ слѣдующее ей за работу 5 руб. и 2 п. 10 ф. хлѣба. Отвѣтчикъ признаетъ себя должнымъ только 2 руб., возражая, что остальные уплатилъ. Такъ какъ отвѣтчикъ никакихъ доказательствъ въ уплатѣ остальныхъ денегъ не пред-

ставилъ», то хотя истица ничѣмъ не доказала долга, тѣмъ не менѣе судъ—«по убѣжденію»—присудилъ удовлетворить истицу сполна (Сухобуз. вол., 88 г., ч. I, 11). Въ другомъ случаѣ, наоборотъ: отвѣтчикъ на судъ долгъ отрицаетъ; свидѣтель показываетъ, что слышалъ, какъ отвѣтчикъ при разговорѣ съ истцомъ сознавался, говоря: «я долженъ тебѣ не 22 руб., а 15 руб.». Судъ призналъ искъ подлежащимъ удовлетворенію въ размѣръ 15 руб. (Вознесенск. вол., 90 г., ч. I, 69). А вотъ и еще случай, уже при наличности росписки: росписка на 24 руб., отвѣтчикъ признаетъ за собой только 16 руб., указывая, что остальные проценты. Не смотря на протестъ истца, судъ присудилъ въ его пользу только 16 руб. (Вознесенск. вол., 90 г., ч. , 52).

Что волостной судъ присуждаетъ иногда болѣе, чѣмъ признаетъ отвѣтчикъ, то въ этомъ, конечно, удивительнаго нѣтъ ничего; но если онъ присуждаетъ менѣе признаннаго, то такіе факты заслуживаютъ особаго вниманія. Укажу на одинъ изъ нихъ (единственный мнѣ извѣстный): истецъ ищетъ за пропавшую по неосторожности отвѣтника бобровую шапку 7 руб.; отвѣтчикъ, находя, что 7 руб. много, предлагаетъ 5 руб. Судъ рѣшилъ «грѣхъ пополамъ», такъ какъ за шапкой долженъ былъ смотрѣть и ея хозяинъ, а потому взыскать въ пользу истца только 3 р. 50 к. (Вознесенск. вол., 83 г., ч. II, 78).

Признаніе, разъ учиненное, безповоротно, все равно—было ли оно учинено на судѣ или внѣ суда. Безповоротно не только признаніе прямое, но и косвенное; напримѣръ, предъявленъ искъ о вознагражденіи за утерю; отвѣтчикъ виновнымъ себя не признаетъ, а доказательствъ истецъ никакихъ представить не можетъ. Судъ предлагаетъ сторонамъ помириться; отвѣтчикъ выражаетъ согласіе вознаградить истца въ размѣръ 5—6 и 7 руб. въ послѣдовательномъ порядкѣ; косвенно, такимъ образомъ, признавая искъ правильнымъ, но затѣмъ онъ отъ всего отказывается. Тѣмъ не менѣе, судъ присуждаетъ взыскать 7 рублей (Нахвальск. вол., 90 г., ч. I, 40).

5. *Вещественныя доказательства* появляются на волостномъ судѣ очень рѣдко, и то исключительно въ дѣлахъ о кражахъ. Самостоятельнаго значенія они не имѣютъ никогда, сопровождая лишь составленныя сельскими старостами въ присутствіи понятыхъ различные акты и протоколы—осмотровъ, обысковъ, вымоковъ, сличеній и т. п.

6. Останавливаться на значеніи такихъ актовъ и протоколовъ въ смыслѣ основанія для постановки рѣшенія, а также на разныхъ «дѣлахъ», «перепискахъ», «предписаніяхъ» и вообще указаніяхъ должностныхъ лицъ мы не будемъ, такъ какъ вопросъ этотъ достаточно выяснился изъ предыдущаго изложенія; перейдемъ къ вопросу о провѣркѣ доказательствъ путемъ *осмотровъ на мѣстѣ и дознанія черезъ околныхъ людей*.

Насколько волостной судъ исполняетъ устанавливаемое ст. 106 Общ. полож. правило—провѣрку доказательствъ производить не иначе, какъ по просьбѣ тяжущихся, съ точностью выяснить изъ записей рѣшеній нельзя; но есть основанія думать, что и здѣсь судъ далеко не вполне отказывается отъ личной инициативы. Напримѣръ: «волостной судъ нашелъ необходимымъ просить о разъясненіи этого спора (о раздѣлѣ имущества) съ общественниковъ с. Маганскаго, не давая вѣры ни той, ни другой сторонѣ». (Вознесенск. вол., 90 г., ч. I, 5). Во всякомъ случаѣ, факты производимыхъ волостнымъ судомъ дознаній и осмотровъ на мѣстѣ чрезвычайно малочисленны (всего 7 при 1082 рѣшенныхъ въ 1890 г. дѣлъ); прибѣгать къ такому способу провѣрки доказательствъ судъ не любитъ, а если и прибѣгаетъ, то исключительно тогда, если можетъ это сдѣлать въ мѣстѣ своего засѣданія. Формальностей никакихъ при этомъ не соблюдается, и никакихъ выработанныхъ обычаевъ пріемовъ также не существуетъ. Если встрѣчается необходимость въ провѣркѣ доказательствъ не въ мѣстѣ засѣданія суда, то послѣдній поручаетъ таковую сельскому старостѣ, что, разумѣется, незаконно (напримѣръ—Вознесенск. вол., 83 г., ч. I, 15).

Къ осмотрамъ на мѣстѣ волостные суды прибѣгаютъ исключительно по дѣламъ тяжбымъ, напримѣръ—когда нужно провѣрять правильность передѣла угодій (Вознесенск. вол., 83 г., ч. I, 168) или опредѣлить положеніе и измѣрить спорный участокъ земли (Частоостр. вол., 90 г., ч. I, 35), или, наконецъ, явивши въ извѣстность и опредѣлить стоимость такого имущества, какъ домъ, скотъ, земледѣльческія орудія и проч., при спорахъ о его раздѣлѣ или о правѣ собственности (Вознесенск. вол., 83 г., ч. I, 177). Дознаніе же черезъ окольныхъ людей производится съ цѣлью выясненія, главнымъ образомъ, нравственной личности тяжущихся или съ цѣлью опредѣлить родъ и характеръ ихъ частной жизни; таковы случаи дознанія на мѣстѣ по жалобѣ жены на жестокое обращеніе съ ней мужа (Вознесенск. вол., 83 г., ч. II, 48) и по частной жалобѣ на неодобрительное поведеніе и раззореніе хозяйства (Вознесенск. вол., 83 г., ч. II, 22). Вообще, къ провѣркѣ доказательствъ на мѣстѣ значительно чаще другихъ прибѣгаетъ вознесенскій волостной судъ, надо думать—единственно потому, что Вознесенская волость самая разбросанная и большая, вслѣдствіе чего волостной судъ открываетъ здѣсь свои засѣданія не въ волостномъ селѣ гораздо чаще, нежели это практикуется въ другихъ волостяхъ.

7. Для полноты обзора разныхъ видовъ и способовъ доказыванія, въ связи съ обычной системою оцѣнки ихъ, слѣдуетъ нѣсколько остановиться еще на нѣкоторыхъ такихъ фактахъ, которые, не будучи сами по себѣ доказательствами, имѣютъ, тѣмъ не менѣе, иногда довольно серьезное вліяніе на постановку того или иного рѣшенія. Выше уже выяснилось, какъ сильно можетъ вліять на исходъ дѣла неодобрительное поведеніе или вообще плохая репутація кого-либо изъ тяжущихся. Но если къ этому присоединяется еще какое-нибудь подозрительное обстоятельство, въ родѣ, напримѣръ, молчанія, неявки въ судъ или прежней судимости, то въ совокупности то и другое оказываетъ на исходъ дѣла уже рѣ-

шительное вліяніе. Напримѣръ, истица приноситъ жалобу на крестьянина Е. Р. въ томъ, что онъ вылилъ ей на голову помой. Единственный свидѣтель, сельскій староста, заявилъ суду, что «шуму не слыхалъ никакого, но предупредилъ, что отвѣтчикъ Е. Р. довольно недобрсовѣстный и въ высшей степени бульнъ, и кромѣ того 3 раза были посланы повѣстки на имя его изъ заледѣвскаго волостнаго правленія, а онъ на таковыя не являлся до тѣхъ поръ, когда былъ посланъ за нимъ нарочный, что вполнѣ извѣстно волостному суду, *а потому* судъ постановилъ: крестьянина Е. Р. подвергнуть при волостной тюрьмѣ аресту на 3 дня, взыскавъ съ него протоны нарочному въ суммѣ 50 копѣекъ». (Заледѣвск. вол., 90 г., ч. II, 22). Конечно, очень рѣдки записи, изъ которыхъ явственно было бы видно, насколько въ основаніе рѣшенія положены такія улики, какъ дурная репутація, прежняя судимость, уклоненіе отъ явки въ судъ и нежеланіе отвѣчать на вопросы суда; но что обстоятельства эти имѣютъ въ глазахъ судей весьма серьезное значеніе, достаточно видно изъ того, что всѣ упоминающія о нихъ записи, а такихъ записей множество, всегда подчеркиваютъ ихъ и выдвигаютъ чуть ли не на первый планъ.

Разсмотрѣвъ различные виды продуцируемыхъ передъ волостнымъ судомъ доказательствъ, равно какъ и способы ихъ оцѣнки, перейдемъ теперь къ заключительной стадіи судебна-волостнаго процесса, именно къ постановкѣ рѣшенія или приговора. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ вся задача суда сводится здѣсь къ тому, чтобы на основаніи требованій истца и возраженій отвѣтника сказать «да» или «нѣтъ», т. е. признать искъ правильнымъ или въ искѣ отказать. При этомъ въ дѣлахъ тяжёбныхъ приходится рѣшить еще, въ какой степени искъ подлежитъ удовлетворенію, а въ дѣлахъ по простункамъ, — въ какой степени отвѣтчикъ виноватъ, чтобы наложить на него соотвѣтствующее винѣ наказаніе. Чѣмъ руководствуется и какъ поступаетъ волостной судъ въ такихъ именно случаяхъ, доста-

точно выяснилось изъ предыдущаго изложенія; поэтому, остановимся теперь на такихъ только рѣшеніяхъ, гдѣ судъ не ограничивается однимъ «да» или «нѣтъ», а идетъ дальше, выдвигая въ основаніе рѣшенія нѣкоторые процессуально-правовые обычаи, иногда весьма оригинальные. Укажемъ прежде всего на распространенный обычай постановлять альтернативныя рѣшенія, когда волостной судъ, признавая искъ правильнымъ и, стало быть, подлежащимъ удовлетворенію, присовокупляетъ, что въ случаѣ, если отвѣтчикъ уклонится отъ исполненія присужденнаго, то онъ долженъ быть подвергнутъ такому то наказанію. Напримѣръ, пахвальскій волостной судъ внушаетъ недоимщику, «чтобы онъ въ мѣсячный срокъ внести» недоимку, «въ противномъ случаѣ — подвергнуть его 15 ударамъ розогъ» (90 г., ч. II, 43). Также точно поступаетъ и погорѣльскій судъ (90 г., ч. II, 113, 114 и 115 и др.) устанавливая сроки для выбора между уплатой и розгами въ 10—15 дней. Заледѣевскій судъ идетъ еще дальше, постановляя аналогичное рѣшеніе по частному дѣлу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «обязать отвѣтчика Е. уплатить М. (истицѣ) 28 руб. въ теченіе мѣсячнаго срока, а въ случаѣ неуплаты — взыскать установленнымъ порядкомъ и въ такомъ случаѣ, за недобросовѣстное уклоненіе отъ платы забранныхъ денегъ, наказать розгами, въ количествѣ 20 ударовъ». (90 г., ч. II, 57). Въ этомъ же родѣ случай изъ практики того же суда, когда присуждено было взыскать по долговому иску 7 руб. 90 коп. «подъ опасеніемъ наказанія за уклончивость при случаѣ дальнѣйшей неуплаты ихъ» (90 г., ч. II, 59). Приведенное рѣшеніе является какъ бы среднимъ между случаями альтернативныхъ рѣшеній и рѣшеній такихъ, когда судъ принимаетъ на себя роль власти имѣющаго наставника и, присуждая за прѣступокъ къ какому-нибудь наказанію, дѣлаетъ при этомъ еще и соотвѣтствующе внушеніе. Напримѣръ, заледѣевскій волостной судъ постановляетъ: «подвергнуть (за побой) аресту на 3 дня, вразумивъ ему, чтобы онъ въ

будущемъ отнюдь не смѣлъ допускать себя къ личной расправѣ дѣйствіемъ» (89 г., ч. II, 10). Еловскій же судъ, постановляя аналогичный приговоръ, даже увлекся: за неповиновеніе отцу—наказать крестьянина Н. П. 20-ю ударами розогъ, «причемъ внушить, что если Н. П. будетъ еще оказывать неповиновеніе отцу своему, то будетъ привлеченъ къ болѣе *строгому* (?) наказанію» (90 г., ч. II, 16).

Затѣмъ, довольно часто встрѣчаются рѣшенія, когда волостной судъ, признавъ въ принципѣ искъ правильнымъ, тѣмъ не менѣе, въ силу соображеній нравственнаго свойства, находитъ возможнымъ удовлетворить его только въ половинномъ размѣрѣ. Всѣ рѣшенія такого рода имѣютъ предметомъ иски о вознагражденіи за убытки и ущербъ, явившіеся слѣдствіемъ неосторожности или недосмотра отвѣтчика; считая тогда несправедливымъ взыскивать за всѣ убытки полностью, волостной судъ присуждаетъ только половину, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что неосторожность является несчастіемъ, «грѣхомъ», который и долженъ распредѣляться поровну между обѣими сторонами («грѣхъ пополамъ», напримѣръ—Вознесенск. вол., 90 г., ч. I, 60 и 78; Нахвальск. вол., 90 г., ч. I, 32 и др.). Но и здѣсь мы можемъ встрѣтить злоупотребленія принципомъ, въ сущности весьма вѣрно выражающимъ одинъ изъ обычныхъ взглядовъ населенія. Такъ, выше было приведено рѣшеніе о взысканіи за бобровую шапку въ меньшемъ размѣрѣ, нежели призналъ отвѣтчикъ. Можно указать на одно рѣшеніе, еще болѣе характерное: долговой искъ въ размѣрѣ 9 руб., отрицаемый отвѣтчикомъ. Выставленный истцомъ свидѣтель показываетъ, что слышалъ разговоръ, въ которомъ отвѣтчикъ въ долгъ сознавался, но сколько—не слышалъ и не знаетъ. Судъ рѣшилъ—«грѣхъ (?) пополамъ» и взыскать половину (Вознесенск. вол., 83 г., ч. II, 152).

Но особаго вниманія заслуживаютъ тѣ случаи, когда волостной судъ при разсмотрѣніи жалобы на оскорбленіе словомъ или дѣйствіемъ убѣдится, что оскорбленіе было обоюд-

ное, т. е. что въ сущности имѣло мѣсто не оскорбленіе, а весьма обыкновенная взаимная ругань или драка. Такихъ дѣлъ очень много, а между тѣмъ судъ до сихъ поръ не выработалъ никакой опредѣленной системы для ихъ рѣшенія. Иногда возраженія отвѣтчика, что и онъ также обиженъ, оставляется безъ послѣдствій, другими словами—предъявляемый имъ встрѣчный искъ отвергается, но, конечно, безъ лишения права искать удовлетворенія въ особомъ процессѣ. Однако, гораздо чаще такого рода встрѣчный искъ, заявленный во время судебного разбирательства, разсматривается тутъ же, и судъ, признавъ оба иска правильными, или освобождаетъ тяжущихся отъ отвѣтственности совершенно, или приговариваетъ къ наказанію обоихъ— и отвѣтчика, и истца. Надо думать, что компенсація исковъ объ оскорбленіяхъ вполне соответствуетъ обычно-народному взгляду, всегда вообще склонному санкціонировать *Jus talionis*, и если судъ далеко не всегда его придерживается, то единственно потому, что ст. 473 сельско-судебнаго устава повелѣваетъ «за драку, въ какомъ бы то мѣстѣ ни было заведенную, зачинщиковъ наказывать розгами, а прочихъ виновныхъ сажать подъ стражу, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ». Тѣмъ не менѣе сплошь и рядомъ встрѣчаются рѣшенія такого рода:—«такъ какъ выставленные свидѣтели утверждаютъ, что драка была обоюдная, то жалобу Г. оставить безъ послѣдствій» (Еловск. вол., 86 г., ч. II, 185); «такъ какъ драка была обоюдная, то взысканію или наказанію никого не подвергать» (Заледѣевск. вол., 90 г., ч. II, 42 и друг.). Точно также оставляются безъ послѣдствій обоюдныя «брань», «ругань», «ссора», «оскорбленія» (напримѣръ, Сухобузим. вол., 88 г., ч. II, 5; Заледѣевск. вол., 89 г., ч. II, 12; Заледѣевск. вол., 90 г., ч. II, 20; Нахвальск., вол., 90 г., ч. II, 49 и друг.). Но бываетъ и наоборотъ: напримѣръ,—такъ какъ оскорбленіе (дѣйствіемъ) было вызвано самой истицей, то ее на 2 сутокъ подъ арестъ, а отвѣтчика—на 3 сутокъ (Сухобузим. вол., 88 г., ч. II, 49; тоже, въ виду обоюдности драки,—

90 г., ч. II, 21 и 58); или: за обоюдную брань подвергнуть истца аресту на 3 суток, а ответчика на 5 (Вознесенск. вол., 90 г., ч. II, 92; въ этомъ же родѣ — Вознесенск. вол., 90 г., ч. II, 50 и 59; Еловск. вол., 90 г., ч. II, 58 и друг.).

Передъ постановкой рѣшенія законъ обязываетъ волостной судъ склонять стороны къ примиренію (ст. 107 Общ. пол.); доказанное неисполненіе судомъ этого требованія составляетъ поводъ къ кассаци (рѣш. сената 75 г., № 4995). Но изъ записей нельзя усмотрѣть, какимъ образомъ дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи судьи, — ограничиваются ли они однимъ предложеніемъ мириться, или же убѣждаютъ и настаиваютъ; во многихъ записяхъ вѣтъ даже отмѣтокъ о томъ, что сторонамъ предлагалось окончить дѣло миромъ. Но съ другой стороны, встрѣчаются случаи, когда судъ предлагаетъ мириться и даже допускаетъ оканчивать примиреніемъ такіа дѣла, которыя, имѣя характеръ публичнаго правонарушенія, производству въ примирительномъ порядкѣ не подлежатъ. Таковы дѣла о кражахъ. Напримѣръ, въ записи рѣшенія по дѣлу о кражѣ съ мельницы 19 пудовъ соли читаемъ: «за несостоявшимся примиреніемъ, судъ постановилъ»: взыскать съ ответчика «въ пользу истца за похищенные 19 пуд. соли 15 руб. 20 коп.», даже безъ уголовного взысканія (Заледѣевск. вол., 90 г., ч. II, 40). Рѣшеніе это было, конечно, отмѣнено. Также предложеніе мириться встрѣчается по дѣлу о кражѣ, разсмотрѣнному еловскимъ судомъ (90 г., ч. II, 21), а въ другомъ случаѣ примиреніе въ дѣйствительности и состоялось (90 г., ч. II, 11). Также окончилось примиреніемъ дѣло изъ практики погорѣльскаго волостного суда — о тайномъ похищеніи изъ чужого «зарода» (стога) сѣна 1 воза (90 г., ч. II, 131).

Нельзя также изъ записей усмотрѣть, чѣмъ руководствуется судъ при назначеніи за доказанный проступокъ наказанія, въ той или иной мѣрѣ, такъ какъ о мотивахъ къ смягченію или усиленію взысканія записи почти всегда умалчиваютъ. Въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ запись го-

ворить о смягчающих обстоятельствахъ, но насколько вліяютъ такія обстоятельства на дѣйствительное пониженіе наказанія, сказать трудно; укажу для примѣра на случай, когда отвѣтчикъ, 17 лѣтъ, сознался въ оскорбленіи дѣйствіемъ, а судъ, «принимая во вниманіе его молодость и чистосердечное сознаніе», приговорилъ наказать его 10-ю ударами розогъ (Еловск. вол., 86 г., ч. II, 151); между тѣмъ случаи, что за оскорбленіе дѣйствіемъ виновные, даже при упорномъ заперательствѣ, приговариваются только къ 2—3 днямъ ареста, преобладаютъ. Вообще къ тѣлесному наказанію волостной судъ приговариваетъ, главнымъ образомъ, за кражи и за невзносъ податей. Но и здѣсь мы встрѣтимся съ фактами, указывающими на ту же шаткость принципа, съ которой мы встрѣчались и въ другихъ стадіяхъ процесса. Напримѣръ, вознесенскій волостной судъ за доказанную свидѣтелями кражу гуся присуждаетъ взыскать съ отвѣтчика 2 руб., оставляя проступокъ его безъ всякаго уголовнаго взысканія (83 г., ч. II, 113), а заледѣевскій судъ за кражу курицы присуждаетъ взыскать 35 коп. и, кромѣ того, наказать отвѣтчика 20-ю ударами розогъ (90 г., ч. II, 37).

Михаилъ Дубенскій.

ВЪ ЖЕРТВУ БОГАМЪ.

Разсказъ Вацлава Сирко.

(посвящаю Е. К. В.)

Тамъ, гдѣ рѣка «Широкая» впервые выбѣгаетъ изъ скалистыхъ ущелій на болѣе просторную долину, вблизи воды, среди небольшой, поросшей муравою полянки, стоитъ украшенный рѣзьбою, деревянный столбъ. У этого столба ежегодно собираются съ окрестныхъ горъ бродячіе тунгусы. Еще по дорогѣ соединившись въ крупные отряды, гдѣ сотни оленей и десятки людей сплетаются въ живописныя, подвижныя ленты, они являются въ долину многочисленной, веселой толпой, и говоръ ихъ голосовъ, и шумъ ихъ жизни заглушаютъ на время рокотъ рѣчныхъ перекатовъ. Огни стойбищъ, разбросанныхъ полукругомъ у подножія горъ, образуютъ тогда среди лѣса въ сумеркахъ вечера красивую діадему золотистыхъ блестокъ, перевитую нѣжной весенней зеленью и сѣрой прозрачною тканью стволовъ и сучьевъ.

Хорошо въ это время въ горныхъ долинахъ: комары и овода не мучаютъ еще ни людей, ни животныхъ—тамъ прохладно и уютно, а между тѣмъ все уже расцвѣло и только вверху, на гребняхъ горъ, умѣряя жару, лежатъ нетронутыми зимніе снѣга. Надъ снѣгами блѣдное прозрачное небо уже не меркнетъ ночью, не зажигаетъ звѣздъ, а только горитъ одной продолжительной зарей, соединяющей закатъ минувшаго съ восходомъ будущаго дня.

Непрерывно въ продолженіи слишкомъ недѣли толпятся на полянѣ у столба народъ; собираются на совѣтъ старшины, родовые начальники, почетные старики обсуждать

общественныя нужды и бѣды, вѣзять ясакъ и распредѣлять тяготы. Между тѣмъ молодежь веселится—танцуетъ, ухаживаетъ, устраиваетъ скачки и состязанія. По долинѣ несутся крики, смѣхъ, слышны удары топора, пѣніе, топотъ бѣгущихъ оленей, свистать ременныя «момоки», забрасываемыя на рога предназначенныхъ на убой животныхъ, звенять стеклянныя и серебряныя украшенія на груди женщинъ, являющихся всюду, гдѣ трудъ, гдѣ жизнь.

Такъ бывало искони.

Случился, однако, отмѣнный годъ, когда, не смотря на то, что людей уже много собралось въ долинѣ, шумъ рѣки не терялся въ ихъ говорѣ, не видно было ни играющей на майданѣ молодежи, ни мечущихся въ стороны въ сторону оленей, не слышно ни пѣсенъ, ни смѣха. Даже общія сходки устраивались какъ-то неохотно и люди собирались по большей части отдѣльными кучками у отдѣльных палатокъ. Лица большинства были грустныя, взглядъ тупой, разговоръ лѣнивый. Смѣхъ и шутка, такъ любимыя тунгусами, рѣдко теперь гостили въ кругу разговаривающихъ—они бѣжали, упорно встрѣчаемые общимъ равнодушіемъ.

Собравшіеся не разбредались, однако, а ждали съ нетерпѣніемъ прихода старика Сельтичана, въ отсутствіи котораго сходъ не рѣшался разбирать главныхъ вопросовъ. Между тѣмъ старикъ что-то медлилъ.

— «Не ѣдетъ старикъ, не ѣдетъ... и не пріѣдетъ!» брюзжалъ толстый промышленникъ, сидя въ кругу другихъ на полянкѣ у огня. Это былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, на тунгуса непохожій, немного рыхлый и полный, одѣтый по-якутски и якутскимъ серебрянымъ поясомъ подпоясанный, важный, знающій себѣ цѣну, богачъ.

— «Кому охота посѣщать погибающихъ!..» добавилъ онъ и надулъ губы.

— «Передъ судьбой, князь, не уйдешь!..» отвѣтилъ мрачно сидящій противъ него по другую сторону костра, бѣдно одѣтый, какъ мѣдъ темный, какъ горный лишай морщинистый старикъ.

— «Это вѣрно!» согласился третій «Не уйдешь... не спрячешься!.. Я-ли не бѣгалъ, я-ли не прятался?! И что же?.. Известное дѣло». заговорилъ, волнуясь, рассказчикъ и въ сотый, можетъ быть, разъ сталъ описывать исторію своего несчастья, всякій разъ выслушиваемый съ одинаковымъ вниманіемъ.

— «Когда пришло извѣстіе о надежѣ, я кочевалъ въ вершинахъ Бурь-Янги. Я какъ разъ собирался спуститься въ долины, но, услышавши, медлилъ. И богъ долго миловалъ меня, и я возгордился... Вдругъ разъ ночью разбудилъ меня трепеть сердца. Сонный прислушиваюсь: слышу не то выстрѣлъ, не то громкій зовъ. Высунулъ голову изъ отверстія постели: и опять—не то шумъ въ лѣсу, не то отдаленные выстрѣлы. Собаки тявкаютъ и воютъ, точно увидѣли медвѣдя. Вышелъ я изъ палатки, смотрю,—сіяетъ луна, нѣмь бросились къ ногамъ моимъ, а въ глубинѣ долины какая-то огромная тѣнь, минуя горы, шла въ низовые лѣса. Я закрылъ рукою глаза, неспособный глядѣть. Сердце у меня колотится, точно птица, не могу двинуться отъ испуга....»

— «Охъ!..» вздохнули слушатели.

— «И что-же: сто оленей пало заразь!. Не дожидая свѣта, въ ту же ночь мы снялись съ мѣста. Бѣжали мы безостановочно, а стада между тѣмъ таяли. Раздѣлилъ я ихъ на три части, разослалъ въ разныя стороны, и что-же: черезъ нѣсколько дней явился сынъ, а вскорѣ за тѣмъ дочь съ пустыми руками. Я рѣшился бѣжать на край свѣта: есть-же гдѣ-нибудь мѣсто, куда не забредаетъ никто. Отъ павшихъ не бралъ я ничего—даже недоузdkовъ. Такъ и бросалъ... Когда палъ передовой, я не снялъ даже со лба узорчатой опояски, наслѣдованной отъ прадѣдовъ....»

— «Охъ!..»

«Сильно тогда плакали женщины», продолжалъ ободренный сочувствіемъ рассказчикъ, «но такъ совѣтуютъ русскіе купцы, говоря: не хорошо брать что-либо у его жертвъ—онъ всюду найдетъ, отыскивая свою собственность.

Я послушался и, бросая, уходилъ. Наконецъ, я зашелъ такъ далеко, что самъ испугался... Наврядъ-ли былъ тамъ кто-либо до меня. Нѣтъ деревьевъ, даже кустовъ нѣтъ—одни камни, да снѣгъ, да вѣтеръ.... Нельзя было разбить палатки по недостатку жердей, а послать за ними назадъ въ лѣсъ я боялся... Подъ уступомъ скалы выкопали мы яму въ снѣгу и такъ жили. И было намъ хорошо, и начинали радоваться, такъ какъ моръ прекратился. Прошелъ день, прошелъ другой и ни одинъ олень не заболѣлъ. Ожидаемъ молча, въ тревогѣ... Не то что говорить—думать избѣгаемъ «о немъ»: авось и «онъ» насъ позабудетъ! Оленей съ глазъ не спускаемъ, идемъ куда они идутъ, какъ чукчи, почуя среди стада. Такъ прошло нѣкоторое время. Уже жена стала улыбаться и я самъ подумывалъ, что все будетъ хорошо, что немногое современемъ умножится, какъ вдругъ опять, какъ тогда, разбудило меня безпокойство сердца. Какъ тогда сіялъ мѣсяцъ и было кругомъ свѣтло и тихо. Олени, собравшись въ кучу, спали въ снѣгахъ. Кругомъ отъ утесовъ ложились тѣни; только одна тѣнь не отъ камней, а сама по себѣ одиноко висѣла въ воздухѣ...

— «Охъ!...»

— «Я выползъ осторожно съ постели, зарядилъ ружье и, не одѣваясь, нагой сталъ скрадывать «его». «Онъ» не замѣтилъ меня и, стоя на камняхъ, глядѣлъ на мое добро. Только, когда въ торопяхъ, становя сошки, я чуть-чуть зашумѣлъ, «онъ» обернулся и устремилъ на меня свои огненные глаза. Я выстрѣлилъ туда межъ нихъ... Что затѣмъ случилось—не знаю. Не знаю ударилъ-ли онъ меня, или дыханіемъ обвѣялъ, только пролетѣло мимо меня что-то, точно буря. Когда я очнулся, у меня не было больше оленей... Тумара былъ бѣденъ».

Разскащикъ умолкъ, махнулъ рукой, вскочилъ на ноги и остановился въ кругу слушателей съ головой, опущенной на грудь, съ выраженіемъ скорби въ чертахъ.

Болѣе молодые изъ присутствующихъ тоже поднялись. Только старики не тронулись съ мѣста, и уставившись глазами въ тунгуса, ждали продолженія.

— «Ну и чтожъ?!»

Тумара поднялъ голову, открылъ ротъ и вдругъ въ тотъ мигъ, когда взоръ его скользнулъ въ даль за предѣлы круга, на лицѣ его выразилось недоумѣніе, губы задрожали, а изъ глазъ покатились слезы.

Всѣ сію-же минуту обернулись туда, куда онъ смотрѣлъ. Тамъ, облокотившись на горбъ бѣло-молочнаго оленя, стоялъ старый, сѣдолосый тунгусъ, въ старинномъ, узорчатомъ національномъ платьи. Сзади за нимъ, придерживая въ поводу верховаго оленя, стоялъ похожій на него лицомъ и одеждой юноша.

«Сельтичанъ!..» воскликнули, увидѣвъ ихъ, «наконецъ-то ты пріѣхалъ, отецъ нашъ!.. А мы думали; что ты покинулъ насъ гибнущихъ! Что новаго? что слышалъ и видѣлъ ты за хребтомъ? что подѣлываютъ люди Мемель? живутъ ли еще или, какъ мы, послѣднимъ дышутъ дыханіемъ? что ты намѣренъ дѣлать, господинъ нашъ? приходишь одинъ или съ народомъ? возвратишься-ли въ горы, иль уйдешь къ морю?..» спрашивали прибывшихъ. Сельтичанъ отдалъ сыну поводья, вошелъ въ кругъ и, поздоровавшись со всѣми пожатіемъ руки, сѣлъ около по якутски одѣтаго князя. Тотъ торопливо уступилъ ему мѣсто. Затѣмъ старикъ вынулъ изъ кисета маленькую китайскую трубочку и медленно набилъ ее табакомъ. Толпа притихла и опять разсѣлась кругомъ.

— «Моръ перебрался за хребетъ два мѣсяца тому назадъ....» началъ спокойно и серьезно старикъ. «Мемель испуганные разбѣжались. Они направились къ морю, но пойдутъ другимъ путемъ, минуя мѣста гибели. Сюда нечего ихъ ждать. А мой обозъ будетъ къ вечеру...»

— «О Сельтичанъ, кто сомнѣвался, что ты придеши. Ты умный, ты смѣлый, ты, мы знаемъ, ничего не боишься...»

повторялъ на распѣвъ князь, протягивая руку къ дымящейся трубочкѣ сосѣда. Тѣнь промелькнула по лицу старика.

— «Никто не уйдетъ передъ судьбой...» холодно отвѣтилъ онъ.

— «Успѣхъ твой—удѣлъ твой, о Сельтичанъ! Богъ любить тебя... Развѣ не правда? развѣ кругомъ не гибнуть стада, а у тебя палецъ хотя-бы маленькій сосуцчикъ?..»

Опять тѣнь промелькнула по лицу старика.

«Богъ любить тебя, Сельтичанъ!» повторялъ, вздыхая, князь.

— «Богъ любить меня, потому что блюду старинные обычаи. — Добро мое не отъ слезъ человѣческихъ, а отъ горь, отъ камней, отъ лѣсу и воды...» отвѣтилъ сухо старикъ.

— «Истинно! И рука твоя всегда была щедрая...» подхватили присутствующіе, «въ дни гибели ты поддерживалъ народъ свой! Ты надѣлялъ лишенныхъ будущности...»

— «Кому-же помогать, если не тебѣ? Что могу дать, на примѣръ, я, имѣющій товары и должниковъ? Долги подарю-ли я въ этотъ тяжелый годъ? Чтожъ, я не прочь... вѣдь и я тунгусъ!.. А только кого накормить кислые долги? Они, думаю, не родятъ оленей!..» вставилъ, хихикая, князь.

— «Это правда: погибнемъ безъ тебя, Сельтичанъ!.. У кого возьмемъ? У кого есть стада многочисленнѣе твоихъ? у кого сердце лучше? чей родъ изстари знаменитый и богатый? чьи сыновья—стрѣлки, удачливые промышленники? чьи дочери растутъ, привлекая глаза нашихъ юношей?... Развѣ ты не нервый изъ насъ? Кто не страдалъ? кто не боялся? кто никогда не лгалъ, не обманывалъ, какъ мы, ползающіе передъ судьбою? Это ты, Сельтичанъ, и куда обратимся, если ты не пожалѣешь насъ...» неслоя на перерывъ отовсюду.

— «Богъ свидѣтель: подѣлюсь съ вами!—За тѣмъ и прихожу сюда...» отвѣтилъ въ волненіи старикъ.

— «Тумара!.. Тумара!..» кричалъ между тѣмъ князь, разыскивая рассказчика, «ты продолжай! Увидишь, Сельтичанъ, что будетъ дальше...»

Опять воцарилась тишина. Тумара, сядищій въ первомъ кругу вѣчающихъ, правой рукой провелъ по правому уху и, помолчавъ, началъ:

— «Я сказалъ, какъ лишенные оленей, навьючивъ на собственные спины добро и дѣтей, мы повернули къ долинамъ. Дѣти хворали отъ гнилаго мяса и вскорѣ умерли. Мы сами тоже отъ атой пищи ослабѣли. — Но, въ то время, что можетъ найти охотникъ въ гольцахъ?».

— «Правда!..»

«Вскорѣ совсѣмъ пищи не стало. Съѣли мы всѣ наши запасы, съѣли кожаные мѣшки, старые ремни, засаленные передники женщинъ.. Не осталось ни крошки, содержащей сокъ. Мы, блуждающіе въ горахъ, развѣ незнакомы съ голодомъ? А Тумара развѣ среди промышленниковъ былъ послѣднимъ?»

— «Онъ былъ первымъ!» согласились слушатели.

— «Но тутъ случилось другое.. Было насъ много, а осталось насъ четверо: я, жена, сынъ да дѣвка. Мы шли, жаждущіе человѣческаго лица... Всюду въ извѣстныхъ мѣстахъ, въ старинныхъ стойбищахъ побывали мы и всюду находили остывшіе камни огня... Люди разбѣжались, гонимые опасеніемъ. Мы, дальше уходя, еще больше удалились онъ нихъ... Когда, спускаясь съ горнаго перевала, убѣждались мы, что жерди далекихъ налатокъ не одѣты кожей — силы покидали насъ... И всё-таки мы шли, — некали: неохота человѣку прекратить тёплое дыханіе, умереть въ снѣгахъ, не сказавъ никому про судьбу. Разгребая влажную золу холодныхъ костровъ, роясь въ сметѣ и отбросахъ стойбищъ, мы отыскивали крохи пищи. Огрызая недоѣденныя собаками кости, мы разжигали голодъ. Наконецъ, пришло время, когда мы не могли видѣть вблизи тѣлъ собственныхъ дѣтей, полныхъ крови, и не дрожать. «Тумара, пусть умереть дѣвка для сохранения родителей!» сказала, наконецъ жена. Жалко было ребенка, онъ глядѣлъ на насъ, не понимая. «Тальо», говоритъ ей мать, «по стариннымъ обычаямъ, дочь умираетъ, когда гибнетъ родъ!..»

— «Правильно!» согласились слушатели.

— «Выйди Талыо изъ палатки умыться въ снѣгахъ и взглянуть передъ смертью на міръ божій!..» Дѣвка поняла и отпрыгнула прочь, но её удержали. Тогда стала просить съ плачемъ: «Подождите до вечера: можетъ быть богъ пошлетъ добычу... Я хочу жить... я боюсь!». И мы ждали, наблюдая. Часто выходила дѣвочка за двери и, прикрывши глаза ладонью, осматривала лѣсъ, а всякій разъ вмѣстѣ съ ней выходила мать, спрятавъ въ рукавъ ножъ... Уже темнѣло. Часто выходила дѣвочка и всё дольше стояла у порога, а я лежалъ въ тѣни, выжидая. Вдругъ слышу снаружи крикъ и сердце прыгнуло мнѣ въ глотку. Входитъ жена, качаясь, точно пьяная, съ ножомъ въ рукахъ... «Убила?» «Нѣтъ, Тумара, богъ милостивъ», говоритъ, «звѣрь идетъ лѣсомъ на двойной отсюда выстрѣлъ!». Я зажалъ ей ротъ, чтобы плакать не смѣла, и съ сыномъ выскочилъ за двери. Передъ палаткой сидѣла на землѣ дѣвка, протягивая впередъ руки, а недалеко въ лѣсу, правда, стоялъ звѣрь...

«Стоялъ звѣрь...» повторила толпа.

— «Развѣ для промышленника трудно убить занятого тѣдой звѣря? Но члены мои высохли отъ голода, но жилы мои ослабли отъ мученій и, скрадывая добычу, я чуть держалъ ружьё въ трясущихся костяхъ. Когда пораженный пулей звѣрь прыгнулъ въ кусты, мы бросились за нимъ, точно волки... И вотъ: богъ помогъ—остались въ живыхъ, чтобы завтра умереть...»

Тумара умолкъ, повѣсилъ голову и опять правою рукою погладилъ правое ухо. Окружающіе молчали. И казалось имъ, что слышать они въ этотъ мигъ напряженного вниманія плескъ каждой отдѣльной волны въ рѣкѣ, стукъ каждой отдѣльной вѣтки въ колеблемомъ вѣтромъ лѣсу. Вдругъ среди этихъ однообразныхъ звуковъ пронесся звукъ отличный, заставившій всѣ лица просіять, всѣ головы повернули туда, откуда онъ прилетѣлъ.

Міорэ, молодой сынъ Сельтичана, нагнулся къ отцу и шепнулъ.

— «Отецъ: наши идуть!»

«Да—идуть!..»

Дѣйствительно: это шелъ обозъ.

Старики остались на мѣстѣ, но молодежь мало-помалу покинула кругъ и собралась на краю рощи, откуда лучше былъ видѣнъ отрядъ, уже появившійся въ скалистыхъ воротахъ долины.

Впереди, верхомъ на тѣмно-рыжемъ оленѣ ѣхала молодая дѣвушка. Ея богато украшенное серебромъ платье указывало, что она холена и любима въ семьѣ. Въ рукахъ держала она «копье—пальму»; распущенные волосы ея сдерживала на головѣ вышитая цвѣтными бусами и корольками діадема. Она очищала путь каравану, обрубая среди нависшихъ надъ тропою вѣтвей и сучковъ тѣ, которые могли задѣть за вьюки или платье ѣдущихъ. Когда она подымала оружие, лучи солнца зажигали въ его лезвіи пламенный отблескъ, который, точно блуждающій огонекъ, носился нѣкоторое время надъ ея головою, плавалъ съ боку рядомъ съ серебряными украшениями, покрывающими ей грудь, пока брошенный умѣлой рукой не потухалъ въ зелени кустовъ.

— «Хока!.. Хогай!..» вскрикивала всякій разъ восхищенная молодежь. Около дѣвушки кружились два черныхъ пса, которые поминутно то выскакивали далеко впередъ, то останавливались и возвращались, высматривая, обнюхивая и не оставляя ничего безъ вниманія. Позади дѣвушки тянулась длинная вереница навьюченныхъ оленей. На нѣкоторыхъ сидѣли люди:—молодые и старыя женщины, подростки, наконецъ, дѣти, привязанныя къ горбамъ животныхъ поверхъ вьюковъ—зашитыя въ мѣха, толстыя, жирныя, неподвижныя, точно домашніе боги.

Въ самомъ хвостѣ каравана два вооруженныхъ промышленника при помощи собакъ гнали стадо запасныхъ, необученныхъ животныхъ и самокъ съ телятами.

Шумъ, гамъ, тонотъ, тревожныя похрюкиванія оленьихъ матокъ, отыскивающихъ оставшихъ дѣтенышей, бряцаніе

бубенчиковъ и колокольчиковъ, подвязанныхъ къ шеямъ передовыхъ животныхъ, возгласы людей, перекликающихся между собою или призывающихъ къ порядку стадо, всё это, повторенное отголоскомъ долины, сливалось въ ухахъ слушателей въ знаемую пѣсню довольства и богатства привольной кочевой жизни. Глаза ихъ разгорѣлись и они не могли уже сдержать возгласовъ удивленія или порицанія, вызываемыхъ образами и лицами, проходящими мимо, точно цвѣтныя, летучія тѣни.

— «А вотъ старуха Мюрень!..»

— «Славная старуха!..»

— «Такии бывали раньше тунгускія женщины...»

— «Сказываютъ...»

«Посмотрите, какъ ловко оленемъ править...»

«Еще-бы... Говорятъ родила недавно Сельтичану сына—это лучше...»

«Ничего лучшаго не вижу—жена Маянтылана еще старше, а родила...»

«Молчите: вотъ Саля, невестка старика, про которую складывали пѣсни...»

— «Развѣ она и теперь ихъ не стоитъ!..»

— «И то правда...»

— «Болтайте, болтайте: услышитъ Мюрэ—онъ вамъ задасть!..»

— «Что-же онъ намъ сдѣлаетъ? Мы его не боимся!»

— «Смотрите, смотрите: Ляубзаль!.. Упадеть!..»

— «Правда!—олень диковатый!.. Напрасно посадили мальчика...»

— «Молодецъ мальчуганъ—увидите: будетъ онъ у старика лучшій...»

— «А Чунъ—Мэ?»

— «Мцы!.. Чунъ-Мэ.. Чунъ-Мэ...» со вздохомъ проговорили нѣкоторые, вспоминая красавицу съ пламеннымъ клинкомъ надъ головою.

— «Слышно,—князь сватать её намѣренъ для сына...»

— «Эхъ! не дать старикъ любимой дочери ввязю, не отдасть...»

Когда проѣзжалъ старшій сынъ Сельтичава, извѣстный промышленникъ и стрѣлокъ, прозываемый «Отблескъ льдовъ», разговаривающіе почтительно умолкли. Наконецъ, исчезъ въ далекой рошѣ послѣдній олень каравана и лѣсъ сомкнулъ за ними свои колышущіяся вѣтви.

Сельтичанъ поднялся и, попрощавшись съ присутствующими легкимъ кивкомъ головою, уѣхалъ. Это значило, что вскорѣ ждать всѣхъ къ себѣ.

Вечеромъ кругомъ только что разбитой палатки старика собралось много народа, собрались почти всѣ временные жители долины. Хозяинъ приказалъ заколоть нѣсколько оленей и началось угощеніе. Затѣмъ гости, сытые послѣ продолжительнаго поста, даже пьяные отъ необычнаго количества поглощеннаго жира и мяса, съ безпечностью истыхъ тунгусовъ, позабыли горе и, взявшись за руки, танцовали, весело напѣвая:

— «Хугой—хэгый! хэгый—хыйра!»

«Хыйра—хумгой! Хумгой—хока!»

«Хака—эхандо!—харга!...»

«Хорга—чоо...о...ча!...»

Глядя на веселящихся, и старики у огня равномерно—плавно колыхали тѣлами, повторяя:

— «Хугой—хэгый! Хака—чоо!...»

— «Какъ думаешь, Ольтунгаба, авось, богъ дастъ, пройдетъ годъ испытанія и возвратится веселіе среди горъ?..» обратился Сельтичанъ къ одному изъ гостей, какъ мѣдь тѣмному, какъ горный лишай морщинистому старику.

— «Сельтичанъ,—жизнь наша, точно тѣнь, брошенная на воду!» отвѣтилъ задумчиво тотъ.

На завтра по утру жители долины поднялись въ необыкновенно торжественномъ настроеніи. День обѣщалъ быть богатымъ на происшествія. Погода стояла прелестная, небо—прозрачное, безоблачное, точно бирюза. Когда собравшіеся на совѣтъ разсѣлись по мѣстамъ:—старики и почетные члены родовъ—впереди, младшіе—позади, а еще дальше, внѣ круга—дѣти и женщины, въ середину вошелъ, послѣ многократныхъ упрасиваній, Ольтунгаба и, кланяясь, сказалъ:

—«И такъ, не внимая къ моей старости, требуете?..»

—«Къ кому-же обратимся?..»

—«Есть волхвы молодые, могущественные...»

—«О, Ольтунгаба! Кто изъ насъ посмѣетъ шаманить въ твоёмъ присутствіи?..» слышались въ кругу голоса.

Старикъ молчалъ, изподлобія глядя на волнующуюся толпу.

—«Ты колеблешься, а для многихъ послѣдній наступаетъ день!..»

—«Не о себѣ думаю, а помню старинные обычаи.. Что скажетъ языкъ мой? Трудный день требуетъ труднаго, тяжелый день—тяжелаго... И зачѣмъ попусту тревожить опасное?! Если не окажется мужественный, развѣ не умру я?!»

—«Все равно—погибнемъ всѣ!... Вѣдь ты желаешь намъ добра, Ольтунгаба?.. Мы рѣшили!..»

—«Такъ и быть!» согласился, наконецъ, послѣ нѣкотораго раздумья волхвъ.

Два самыхъ извѣстныхъ ворожея подали ему волшебный кафтанъ; съ длинной бахромой и множествомъ металлическихъ эмблемъ и бубенцовъ. Распустили сѣдую косичку старика и надѣли ему на голову желѣзную рогатую корону. Между тѣмъ пожилой тунгусъ, пажъ волхва, сушилъ у огня бубень. Когда инструментъ достаточно подсохъ и натянулся, сушившій ударомъ колотушки попробовалъ его упругость. Мрачный, знакомый гулъ покотился по долинѣ, прекращая разговоры. Тогда по серединѣ круга положили бѣлую оленью кожу головой на югъ, старикъ усѣлся на ней, закурилъ трубку и, глотая дымъ, запивалъ его холодной водой. Остатки воды

выбрызнулъ на всѣ четыре стороны и затѣмъ замеръ неподвижно, повернувшись лицомъ къ солнцу. Долго сидѣлъ онъ, опустивъ голову и устремивъ взглядъ изъ подъ нависшихъ волосъ на ослѣпительно-бѣлыя вершины горъ. Наконецъ, легкая дрожь пробѣжала по его тѣлу и онъ болѣзненно, принужденно винулъ. Дрожь и икота, постепенно усиливаясь, превратились въ настоящіе, полу-поддѣльные, полу-дѣйствительныя судороги и стоны. Въ кругу слышались вопли. Какая то старуха упала, извиваясь въ корчахъ. Къ довершенію впечатлѣнія въ то-же время недалеко отъ шамана на землѣ появилась летучая черная тѣнь и орелъ зарѣялъ между нимъ и солнцемъ. Пронзительный крикъ прорѣзалъ воздухъ. Толпа пошатнулась, подобно травѣ, обвѣянной порывомъ вѣтра. Кто кричалъ—шаманъ или орелъ? такъ и осталось неизвѣстнымъ.

—«Не хорошо, не хорошо!..» шептали кругомъ.

—«Тише!...»

Раздался мощный, унылый, громъ барабана и послѣ нѣсколькихъ ударовъ орелъ улетѣлъ.

Опять надолго воцарилась тишина и спокойствіе, нарушаемая только невнятнымъ бормотаніемъ шамана. Затѣмъ издали, какъ-будто изъ далекаго лѣса, изъ глубины ущелій сталъ долетать мелодическій хоръ побрякушекъ, похожій то на жужаніе пчелинаго роя, то на чириканіе перекликающихся птицъ. Это Ольтунгаба игралъ бубенцами. Звукъ росъ, крѣпчалъ, приближался, превращаясь въ шумъ водопада, въ гулъ непогоды, бьющей струями дождя; къ нему всё чаще и чаще примѣшивались глухіе, одинокіе мрачные вздохи. Наконецъ, поднятый вверхъ, неистово потрясаемый, подбрасываемый и обсыпанный ливнемъ ударовъ барабанъ заревѣлъ, точно стая хищниковъ, увидѣвшихъ добычу. Длилось это мгновеніе, затѣмъ инструментъ, мастерскимъ движеніемъ брошенный на мягкую кожу, умолкъ, хотя не пересталъ дрожать.

—«О, Гольборонъ!..» простоналъ вѣхвъ, закрывая лицо руками.

И опять тишина, прерываемая только шепотом, шуршанием и невнятным бормотанием: жудеснива и та-же музыка, и те-же вздохи и стоны. Разнообразять ихъ только голоса птицъ: кукушки, ворона, астреба, орловъ и чашекъ... Всѣ онѣ въ перемежку съ чудодѣйственными, никому непонятными заклинаніями, кричатъ и галдятъ, точно во снѣ видѣли что-то грезное и спѣшать уведомить объ этомъ своихъ господъ, живущихъ высоко въ воздушномъ мірѣ. Заклинанія мало-по-малу дѣлаются осмысленнѣе, фразы — связнѣе и вотъ волкъ проговариваетъ первую отрывистую сирену гимна:

— «Слышите-ли вы шумъ отъ моря!...»

— «О, да!» подхватываетъ пажъ.

— «Я, стоящій впереди творенія!...»

— «Истинно!» соглашается пажъ.

— «Я среди избранныхъ первый!...»

«Правда!» поддакиваетъ пажъ.

— «Пусть прійдутъ горячіе, точно дискъ солнца!...»

— «Пусть прійдутъ!...»

— «Онъ самъ подобенъ тучѣ... Огненный воронъ летитъ передъ нимъ... Дитя загадки!...»

— «Дитя загадки!...»

«Я, сынъ твой... Я, ничтожный, попирающій землю стопами, умоляю тебя...»

«Истинно умоляю!...»

«Помоги слабому сердцу пройти трудный путь!...»

«О такъ!...»

«Мой бубень — мой пистунъ, а вѣтеръ — мои крылья!...»

«Правда!...»

«Направляюсь къ вамъ, окруженный стѣнкою крылатыхъ и безпокойныхъ...»

«Крылатыхъ и безпокойныхъ...»

«Глоты ихъ разинуты — гортами напружены...»

— «Напружены...»

«И стонуть горы, и содрагается печень земли...»

— «О!...»

«А я всё иду, робкій, но неудержимый!...»

— «Истинно!...»

— «Защитникъ мой,—господинъ мой, врываю къ тебѣ...»

— «Хорошо!...»

— «Развѣ я не изъ страдающаго народа?..»

«Мало-ли?!..»

«Мощный, помоги, гнѣвный, защити, грозный, сохрани!..»

«Просимъ!...»

«Если, блуждая, ошибусь—не дай уйти по бездорожю!...»

«Ладно!...»

«Защищая отступленіе, веди меня...»

«Идемъ!...»

Старикъ поднялся и, всё болѣе и болѣе оживляясь, сталъ танцевать. Танецъ изображалъ путь. Кудесникъ въ причудливыхъ выраженіяхъ описывалъ встречаемыя препятствія и пояснялъ ихъ жестами. Пажъ всё вторилъ, идя за старикомъ и поддерживая его по временамъ за локоть. Наконецъ они уцѣли, у предѣла. Торжественный, спокойный,—воцхвъ поднялъ умолкнувшій бубенъ къ небу и запылъ:

«Ты, амѣвидный Этыгаръ, живущій въ краяхъ подземныхъ, властвующій надъ повѣтріемъ, болѣзнями, и самою смертью...

«О, Этыгаръ!...»

— «И ты, Иняны, похожій на человека съ огромными крыльями, ты охраняющій отъ гибели стада...»

— «Иняны!...»

— «И ты, Аркунга, обладающій силой прорицанія...»

«И ты, Номандай, ужасный крикъ котораго леденить сердца...»

«И ты съ желѣзными перьями, Лавадабаки!...»

— «И ты, котораго узнаемъ только по тѣни!...»

— «Спрашиваю васъ, что нужно вамъ и какая гнѣву причина?..»

— «Уймите подвластныхъ вамъ, сократите преслѣдованія ваши! Развѣ не видите, что погибаетъ, а погибнувши, кто принесетъ вамъ жертвы.

— «Очень нужно!..»

— «Иду къ вамъ, путаясь въ длинномъ платьи, беззащитный! Годы согнули мою спину; — широко раскрытые зрачки — не видятъ.

«Правда!..» опять подхватилъ пажъ, который умолялъ, не смѣя повторять всѣхъ грозныхъ заклинаній.

— «Зачѣмъ смотрите жадными глазами на наши палатки?»

— «Идучи къ морю и возвращаясь отъ моря кочуемъ...»

— «Истинно!..»

— «Вы любите черныхъ оленей, вы любите пестрыхъ оленей... Развѣ они перестали вамъ нравиться...»

— «Неужели?»

— «Ха! ха! ха!... Танцую забыли вы насъ — веселясь миновали насъ...»

— «Иль желаете дорогихъ мѣховъ, серебра, стеклянныхъ украшеній, цвѣтныхъ суконъ, сладкихъ пряниковъ, водки?..»

— «Что за прелесть!..» причмокивалъ пажъ...

«Дуракъ: развѣ это много для могущихъ взять всё?..»

— «Такъ изберите среди насъ дѣвушку, не познавшую мужа, мы наложимъ на неё имя, и ни одинъ юноша не коснется ея...»

Молчаніе.

«О, огненный Гольоронъ, пролети надъ землею, вѣщая!..»

Молчаніе. Затѣмъ среди громовыхъ ударовъ бубна, раздались отчётливо грозныя, какъ-бы издали несущіяся, слова:

— «Собакамъ даютъ налишекъ! Пусть народъ докажетъ покорность, человекъ — повиновеніе... Иначе: да погибнуть подобные утреннему туману!..»

— «Охъ!.. Что-же дать можемъ мы, ничего неимущіе?..»

— «Такъ я скажу вамъ, какъ бывало: пусть кто гордъ, кто богатъ, чьи сыновья — стрѣлы летящія, дочери красавицы; кого всѣ любятъ, чья мысль ласкова, чьи совѣты мудрые,

чьё сердце мужественно, рука щедрая, душа доброжелательная... Мы хотимъ посмотрѣть страхъ ужаса, блѣдность лица, слезы безповоротнаго прощанія...»

Ольтунгаба умолкъ и опустилъ бубень.

— «Нѣтъ», добавилъ онъ, подумавъ, «имени я не скажу... Будутъ говорить: Ольтунгаба завистливъ, а развѣ нужна мнѣ кровь человѣка?... Что нужно волхву кромѣ бубна? Я сказалъ всё...»

Онъ вяло исполнилъ остальную часть обряда и угрюмый, истощенный, занялъ мѣсто въ кругу зрителей. Ему и болѣе почетнымъ гостямъ подали чаю, а для другихъ, не медля, молодежь стала бить и свѣжевать оленей и ставить на огонь котлы. Незамѣтно, однако, было того оживленія и веселости, какія всегда сопутствуютъ въ тунгускихъ стойбищахъ подобнымъ дѣламъ. Присутствующіе сдержанно обмѣнивались словами, понижая голосъ до шопота. Съ семьей Сельтичана обращались какъ то особенно учтиво, а на старика избѣгали даже глядѣть.

Между тѣмъ самъ Сельтичанъ сидѣлъ, какъ всегда спокойный и привѣтливый, будто ничего не замѣтилъ. Онъ пробовалъ даже завязать разговоръ съ Ольтунгаба, но волхвъ угрюмо молчалъ. Тогда Сельтичанъ громко сталъ рассказывать, какъ жилось въ этомъ году за хребтомъ. Онъ вспоминалъ разные охотничіе анекдоты и передавалъ ихъ до того остроумно и мило, что вскорѣ кругомъ него столпились люди съ смѣющимися лицами. Только любимый сынъ его Міорэ, стоя сзади отца, мрачно глядѣлъ на окружающихъ.

Мало-по-малу водворилось обычное передъ ѣдой настроеніе. Когда-же вынули изъ котловъ ароматные куски жирной оленины, то въ заботахъ о посудѣ и размѣщеніи потонули безслѣдно остатки печали.

Тогда только на мгновеніе затуманился, покинутый слушателями Сельтичанъ. Міора, внимательно наблюдавшій за отцомъ, еще больше нахмурился.

— «Непремѣнно, вижу, хотите съѣсть старика..» не вытерпѣвъ юноша и, улучивъ минуту, сказалъ въ сердцахъ проходящему мимо Ольтунгаба. Тотъ съ удивленіемъ и гнѣвомъ взглянулъ на него.

— «Ты молодецъ и опромѣтивъ...»

— «Ну, ладно—не бываетъ этому!..» отвѣтилъ охотникъ и, тряхнувъ головою, отошелъ въ сторону.

Этотъ короткій разговоръ не ускользнулъ отъ вниманія присутствующихъ и вызвалъ по закоулкамъ разнообразныя толки и замѣчанія.

Между тѣмъ Сельтичанъ опять сталъ подъ конецъ иршества привѣтливъ, какъ подобаетъ человѣку, угощающему другихъ, не считая убыли, отъ всего сердца.

Но, возвратившись къ себѣ въ палатку, онъ не скрывалъ заботы и задумчивый сидѣлъ передъ огнемъ, не замѣчая даже куска мяса, положеннаго передъ нимъ женою на ужинъ.

— «Вѣшь, Сельтичанъ! Не грусти, господинъ нашъ: мы вѣрные рабы твои...» проговорила наконецъ та, трогая мужа за плечо.

Старикъ пытливо взглянулъ на семью, любовно и преданно глядящую на него, и улыбнулся. Поѣлъ онъ плотно и съ удовольствіемъ, потому что нѣтъ въ жизни происшествій, способныхъ, по мнѣнію тунгусовъ, лишить жирную оленину ея привлекательности.

Утромъ онъ проснулся раньше другихъ. Не разжигая потухшаго огня и чуть-ли не впервые съ тѣхъ поръ, какъ сталъ хозяиномъ, не тревожа спящихъ, онъ осторожно выползъ изъ палатки. Солнце не взошло еще надъ хребтами, но уже свѣтило надъ землею гдѣ-то тамъ за ними. Заря уже исчезла, сводъ неба уже былъ полонъ дневнаго сіянія. На горныхъ свѣгахъ мѣстами, среди нѣжныхъ голубыхъ тѣней впадинъ, обозначились уже тонкіе, золотистые прожилки блестящихъ граней. А между тѣмъ внизу, въ долинѣ все еще спало! Опалъ лѣсъ, подернутый туманомъ, спали усталые люди, спали огни, чуть дымившіеся въ притѣнившихъ

стойбищахъ, спали олени въ рощахъ, лежа на мхахъ и перешивая вечернюю жвачку. Только рокотала рѣка да изрѣдка перекликались горныя куропатки, взлетая съ покрытыхъ росою почёвокъ на обсыхающія вершины лиственницъ.

Старикъ долго и внимательно осматривалъ знакомую долину. Вдругъ вздрогнулъ: вдали передъ одной изъ палатокъ тоже стоялъ человекъ и тоже, казалось, осматривалъ окрестности. Зоркій глазъ Сельтичана узналъ Ольтунгаба, а палатка принадлежала князю. Старикъ нахмурился и вошелъ въ домъ.

— «Вставайте дѣти! Эй! Чунъ-Мэ: разводи огонь! Довольно вамъ спать въ день такой!»

Всѣ поднялись и зрочетились, охваченные тревогою. Старикъ съ наслажденіемъ наблюдалъ, какъ искони заведенный порядокъ распредѣлилъ безъ словъ между присутствующими занятія: женщины ставили на огонь чайники и котлы, выносили на дворъ постели, мужчины осматривали ремни и оружіе, собираясь уйти въ лѣсъ провѣрять стада. Суэта улеглась, когда подали чай. Чинно усѣлась семья кругомъ деревянной доски, употребляемой вмѣсто стола. Хозяинъ молчалъ и никто не смѣлъ говорить, но всѣ, не исключая старой Міоренъ, волновались. Молодыя женщины и дѣвушки съ дикою тревогою поглядывали на старика и присутствующихъ мужчинъ, Міорэ гнѣвно хмурился, а «Отблескъ Льдовъ» почтительно, но съ примѣсью любопытства, взглядывалъ на отца. Тотъ, напившись чаю, обстоятельно закусивши и выкуривъ трубку, сказалъ, наконецъ, младшему сыну:

— «Иди, парень, по людямъ!..»

Міорэ не двинулся съ мѣста.

— «Слышишь!..»

Только послѣ вторичнаго грознаго оклика юноша поднялся и сталъ застегивать свиту, но вмѣсто того, чтобъ выйти, онъ вдругъ повалился въ ноги отцу:

«Ты рѣшилъ... ты рѣшилъ!.. О, отецъ, не покидай насъ!.. Сородичи не согласны... Я вчера говорилъ съ юношами: пусть

сдохнуть всё наши олени;—мы жить будем промысломъ, говорить... А если ужъ такъ хотятъ непрямѣнно, такъ... пусть зарѣжутъ жирнаго князя!..»

—«Ты глупъ, дитя мое!» улынулся старикъ. Еще неизвестно, что сдѣлаю; я хочу увидѣть народъ... Иди, говорю тебѣ!»

—«О господинъ нашъ, зачѣмъ обманывать надеждами?..»

—«Не болтайте—я сказалъ!..»

—«Насъ тогда не отпустить—лучше уйдемъ тайкомъ!..»

—«Я сказалъ!..» повторялъ упрямо старикъ.

—«О отецъ, уйдемъ, уйдемъ!..» просили, протягивая къ нему руки, но старикъ ударомъ ноги въ грудь отбросилъ отъ себя самого назойливаго, Міора, и закричалъ:

—«Проклятое вороньё—перестаньте клеветать мое сердце!..»

—«Правильно», согласился «Отблескъ Льдовъ», до сихъ поръ угрюмо молчавшій; «зачѣмъ, Міора, не слушаешь, когда отецъ приказываетъ?!» Парень, который какъ упалъ, такъ и лежалъ и плакалъ, молча поднялся и вышелъ изъ палатки.

Опять собрался на полянѣ у столба народъ. Собрались всё отъ мала до велика. Вооруженные, разодѣтые въ лучшія платья, разсѣлись кучками по родамъ, блистая на солнцѣ свѣтлыми украшеніями, щеголяя узорчатыми мѣховыми одеждами, отороченными длинной пушистой бахромой. Пировали—боролись, не подавая виду, зачѣмъ собрались. Родъ Сельтичана отличался среди прочихъ доброкачественностью оружія, богатствомъ нарядовъ, силой и ловкостью, гордымъ, независимымъ видомъ. Сидя немного впереди своихъ, старикъ зорко наблюдалъ за всѣмъ.

—«Ослабѣлъ народъ, отоцалъ..» говорилъ онъ по временамъ окружающимъ. «Таково-ли было колѣно Тумара? Гдѣ Деліель, неуступающіе въ доблести нашему роду? Гдѣ Нилькэнъ?..»

—«Когда ты уйдешь, и мы разсѣмся и ослабѣемъ», отвѣчали ему сородичи.

— «Послѣ меня останется «Отблескъ Льдовъ» — не сынъ мой, а другъ мой...»

Тускнѣли лица родовичей Сельтичана и старикъ, глядя на нихъ, медлилъ.

Между тѣмъ народъ всё болѣе волновался, носились какіе-то странные, глухіе толки. Само собою, случилось такъ, что родъ Сельтичана обособился. Къ нимъ никто не подходилъ, и разговоры умолкали при ихъ приближеніи; — только Міурэ и еще нѣсколько юношей; не смущаясь, сновали съ таинственнымъ видомъ взадъ и впередъ среди вѣчающихъ. Вечеромъ люди разошлись, но волненіе не улеглось, а бурлило по отдѣльнымъ стойбищамъ, и долго тунгусы жгли огни въ палаткахъ и разговаривали въ полголоса, вздрагивая всякій разъ, когда неожиданно являлся въ ихъ кругу кто-нибудь посторонній. Нѣкоторые молча точили клинки.

— «Развѣ безъ происшествій умираетъ такой человѣкъ?!»

На третій день явились всё въ полномъ вооруженіи. Многіе молодые воины захватили съ собою конья и, опираясь на нихъ, стояли внѣ круга. Совѣщаніе не было открыто, но надъ толпою носилось бурное жужжаніе страстныхъ, сдерживаемыхъ голосовъ. Глаза всѣхъ поминутно обращались на Сельтичана, который, особенно богато одѣтый, сидѣлъ въ кругу своихъ сородичей, одинъ только, среди тревожныхъ, совершенно спокойный и ясный.

— «Неужели дозволимъ старику обмануть насъ?...» шептали.

— «Неужели дозволимъ старику обмануть насъ?» спрашивалъ князь, переходя отъ группы къ группѣ.

— «А что?» отвѣтили ему въ одной «думаешь, легче тебѣ будетъ завладѣть дочкой, когда старика не станетъ?» Не думай — не отдастъ тебѣ ея никогда «Отблескъ Льдовъ»... Не забудеть онъ тебѣ этого дѣла!...»

— «Какого дѣла?! Пусть подохнутъ всё мои олени, пусть проживу до конца на одномъ мѣстѣ, какъ русскій въ деревянномъ дому, если это правда!..» горячился князь, «Ольтунгаба не такой человѣкъ!..»

— «Ольтунгаба пить воду!..»

Обвиняемый, озадаченный, не нашелся сразу ответить.

«Дураки!» разразился он наконец и, поглаживая оба уха, побуждал къ другим жаловаться. Всё это еще больше усилило толки. Наконец, они проникли въ родъ Сельтичана и достигли Мюрэ.

— «Отец! — тебя обманывают!..» заговорилъ страстно юноша, подходя къ старику. «Ты умрешь, а между тѣмъ всё это дѣло князя: онъ подкупилъ Ольтунгаба! Онъ думаетъ, что если тебя не будетъ, не будетъ равнаго ему среди насъ... Отецъ, умоляю тебя: встань спокойный и уйди... Палатки наши убраны, юноши готовы, олени засѣдланы — не ушибютъ оглянуться; какъ исчезнемъ въ горахъ... А если и замѣтятъ, то развѣ мы не дѣти твои?!»

По лицу Сельтичана прошла тѣнь.

— «Пусть судятъ Ольтунгаба, пусть судятъ!» заговорилъ онъ въ волненіи.

— «Ольтунгаба!.. Ольтунгаба!..» подхватили многочисленные голоса родичей Сельтичана.

— «Ольтунгаба, Ольтунгаба!..» кричали всюду. — Угрюмый, темный какъ мѣдъ, съдой какъ лунь старикъ вышелъ, не хотя, въ кругъ.

— «Правда, что ты бралъ отъ князя подарки?.. Что ты въ угоду ему обманулъ насъ?..» продолжали кричать.

— «Постойте: пусть говоритъ одинъ. Развѣ не видите, что у меня ушей нара, не пошлѣастъ сотню голосовъ?..»

— «Пусть говоритъ одинъ!» согласились.

Выборный, самый почётный родоначальникъ самаго могущественнаго рода, сталъ производить допросъ:

— «Бралъ подарки?»

— «Какъ братъ не буду: развѣ я не живу отъ добраго сердца? Развѣ не давалъ мнѣ ихъ не разъ и Сельтичанъ, и ты? И князь давалъ, но не просилъ ни о чемъ и я не обѣщаль ему ничего... Развѣ не грѣхъ даже думать... Развѣ можно сказать подобное... Стыдно вамъ!.. Спросите людей...»

Позвали свидетелей, вызвали князя, и всё они стали смиренно кучкой въ грозномъ кругу. Но опросы не выяснили ничего, кромѣ того, что Ольтунгаба посѣщалъ палатку князя наравнѣ съ другими и пользовался — «отъ его щедротъ». Князь клялся, божился, поглаживалъ оба уха заразъ обѣими руками и чрезвычайно охотно, и чрезвычайно пространно рассказывалъ о своемъ безкорыстїи, о своихъ заслугахъ, о своемъ заступничествѣ въ интересахъ племени передъ властями, о своихъ жертвахъ преимущественно въ дѣлѣ уплаты податей. Ольтунгаба презрительно и односложно огрызвался.

— «Ты не вѣришь мнѣ, Сельтичанъ», обратился онъ наконецъ къ старику. «Ты забылъ, какъ любилъ и училъ я тебя юношу? Какъ помогалъ въ невзгодахъ? Какъ нѣкогда повѣдалъ я тебѣ о дальнихъ земляхъ, о старинныхъ преданїяхъ?... Развѣ я не былъ сверстникомъ твоего отца? Развѣ не былъ съ нимъ друженъ уже въ то время, когда ты ползалъ ребѣнкомъ? Затѣмъ, когда ты выросъ, развѣ я не гордился тобою, а ты не одобрялъ моихъ совѣтовъ? Кто былъ первый среди насъ промышленникъ и боецъ? Кто былъ мудрый и осторожный въ рѣчахъ?!... Ты, Сельтичанъ, былъ всегда настоящимъ тунгусомъ — мы всё это знаемъ, а въ старину развѣ, умирали худшіе? Клянусь тебѣ, старикъ, и тебѣ, весь народъ — я сказалъ сущую правду... Пусть лицо мое повернется на спину, пусть тѣло мое высохнетъ, какъ листъ табаку, пусть лопнуть мои глаза и жилы станутъ слабы, какъ плохо ссученныя нитки, и... пусть рука моя горитъ, какъ горитъ сердце отъ обиды...» тутъ Ольтунгаба рѣшительнымъ движеніемъ положилъ руку въ огонь костра.

Пытка продолжалась мгновеніе. Всѣ вскочили, а Сельтичанъ, подойдя къ старику, оттолкнулъ его прочь.

— «Прости, Ольтунгаба, и вы простите, видѣвшіе...» проговорилъ онъ взволнованно, — «Грѣхъ думать вехорошо, уходя... А я уйду... я рѣшилъ, народъ мой... Я уйду приглашаемый... Развѣ не всё равно: я останусь — а вы уйдете?! Гдѣ одно лицо не гнѣтъ, а топчущій гусиные перья развѣ

не портить оружья? Какой человекъ безъ оленей—человекъ? Какой тунгусъ безъ тунгусовъ—тунгусъ? Я ухожу, но имя мое останется съ вами!—Вы оставайтесь!.. И пусть стада ваши умножатся... Пусть возмужаютъ дѣти ваши... Пусть палатокъ вашихъ не минуетъ веселіе... Пусть въ котлахъ вашихъ не переводится пища, въ натрускахъ порохъ, а въ сердцахъ добродѣтели!... Я ухожу, но мысли мои ласковы, подобно лучамъ заходящаго солнца... Я ухожу... Прощай, народъ мой... Прощайте!»

Тутъ быстрымъ движеніемъ онъ сорвалъ съ груди узорчатый «далай» и вонзилъ въ себя ножъ по рукоятъ.

Мгновеніе стоялъ еще, глядя мёркнущими глазами, затѣмъ зашатался, покатился и упалъ. Народъ ахнулъ.

Ольтунгаба торопливо нагнулся надъ умирающимъ, здоровой рукой распоролъ его колышущуюся еще грудь, вырвалъ оттуда сердце и, трепещущее, подымая вверхъ къ солнцу, проговорилъ:

— «О ты, всѣхъ выше стоящее божество! Помоги намъ—защити насъ... Не такіе мы ужъ послѣдніе, мы, вскормившіе подобное сердце!..»

— «Мы, вскормившіе подобное сердце!..» вскричала дружно толпа... Всѣ они, даже жирный князь, чувствовали въ этотъ мигъ, что сердца ихъ также горять и трепещутъ готовностью жертвы, какъ и то, которое стынуло на ладони Ольтунгаба.

— «Такъ воспитываются борцы...», спустя нѣкоторое время прошепталъ волхвъ и бережно положилъ обратно сердце въ распоротую грудь.

Валлавъ Сурко.

Иркутскъ, 2 марта 1893 года.

EX LIBRIS
MICHAEL Z. VINKOUROFF

